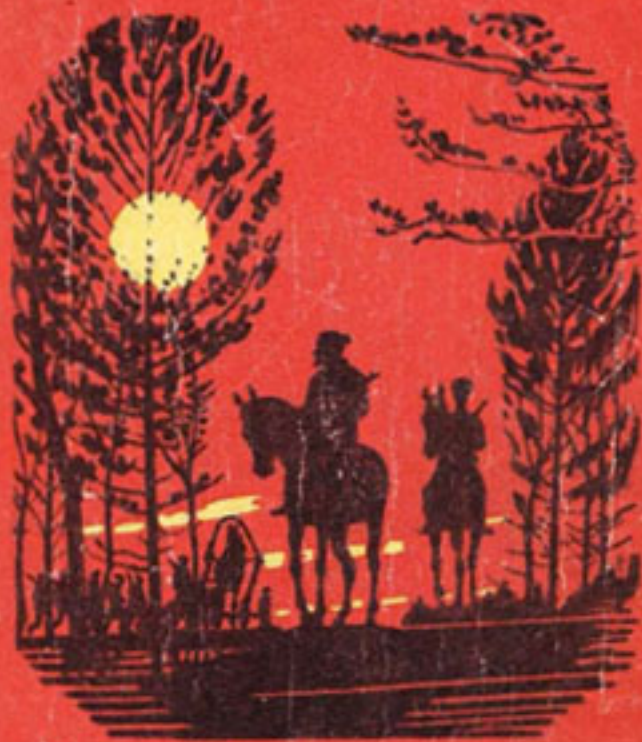

С. А. КОВПАК

ОТ ПУТИВЛЯ ДО КАРПАТ

Д

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Дважды Герой Советского Союза
С. А. КОВПАК

ОТ ПУТИВЛЯ ДО КАРПАТ

*Литературная записка
Е. Терасинова*

Рисунки Д. Мочальского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1970

«ОТ ПУТИВЛЯ ДО КАРПАТ» — воспоминания дважды Героя Советского Союза Сидора Артемовича Ковпака о боевом пути его партизанского соединения в годы Великой Отечественной войны. Книга рассказывает, как в захваченном врагом районе Украины разгоралось пламя партизанской борьбы и как возглавляемые С. А. Ковпаком отряды по заданию советского командования совершили героический рейд от Путивля до Карпат.

НАШ ГОРОДОК

До Великой Отечественной войны я работал председателем городского Совета в Путивле. Это небольшой городок, расположен он вдали от железной дороги. На берегу Сейма — шесть холмов, разделенных глубокими ярами, — отроги Средне-Русской возвышенности. Вот на них и стоит Путивль.

К северу от Путивля — большие леса. Когда-то эти леса сливались с Брянским лесным массивом, а теперь лежат перед ним, как оторвавшиеся от берега острова. К югу местность открытая, ровная: обширная пойма Сейма — богатейшие луга, торфяные разработки, хлебные и свекловичные поля — степная равнина.

Больше двадцати километров едешь со станции в Путивль, и город все время на виду. Издали отдельных холмов, вытянувшихся по берегу, не видно: все шесть сливаются в одну гору. На вершине ее белеет древний Молченский монастырь. Других зданий не видно: их скрывают сады. Поэтому издали Путивль похож на огромное гнездо, в котором сидит какая-то гигантская белая птица.

Город тонет в тени старых кленов, вязов, акаций, каштанов и фруктовых садов. Улицы широкие. На окраинах они зарастают травой. Дома в большинстве одноэтажные, с крылечками, ставнями, резными карнизами. Почти все двухэтажные здания — новые, каменные. Это, по преимуществу, школы, техникумы, детские дома. Промышленных предприятий в Путивле немного, а учебных заведений — как в крупном городе.

Осенью в Путивль съезжается масса учащихся из колхозов. Летом к нам приезжают на отдых москвичи, ленинградцы, киевляне.

Городок наш старинный. В центре его — Городище, один из шести прибрежных холмов, на котором еще сохранился земляной вал времен князя Игоря. Тогда Путивль стоял на рубеже Киевской Руси и защищал ее от набегов степняков-кочевников. Теперь на этом валу растет сирень, стоят скамеечки. Внизу, под кручей, — родниковый ключ Путинка. Когда-то Путинка была речкой, впадала в Сейм. По ее имени и назван был город.

Монастырь — на соседнем холме. Это уже памятник более близкой к нам эпохи, когда поднялась Москва и мимо Путивля лег путь на Москву из Киева. Несколько веков простоял Молченский монастырь высоко над рекой. Монастырская ограда проходит вокруг холма низовым берегом и яром. Местами толстая кирпичная стена сохранилась во весь свой былой рост, а местами почти сровнялась с землей. В сильную грязь люди ходят по остаткам стены, как по тротуару.

Любят свой городок путивляне! Надо побывать у нас весной, когда цветут яблоневые и вишневые сады. Весь Путивль будто в облаках, и кажется, что крыши домов плывут в облаках. А какой вид с Городища, со старинного вала, на котором когда-то плакала по князю Игорю Ярославна! Отсюда даль видна, как с самолета, на юг, восток, запад, в ясную погоду — километров на тридцать. Внизу — два русла реки: новое — чистое, широкое и старое — тенистое, заросшее аиром, резакон. На берегу стада гусей белеют, как залежавшийся снег. Дальше — луга; между стогами сена блестят зеркала озер — рыболовные и охотничьи угодья.

Так выглядит Путивль, один из тысяч районных центров нашей страны, откуда в Великую Отечественную войну мы начали свой партизанский поход. Восемнадцать областей Украины, России и Белоруссии прошли мы с боями по тылам врага от Путивля до Карпатских гор. И где бы ни были, как бы трудно ни приходилось в борьбе с врагом, а вспомнишь свой городок, и вся наша мирная жизнь вспоминается: что мы сделали за годы Советской власти, что не успели доделать — воина помешала, что надо еще сделать, что только в планах было, о чем мечтали. Были тяжелые дни, когда мы сидели в лесу возле своего городка и он казался нам далеким-далеким. А вот стал приближаться День Победы — сразу приблизился к нам наш городок, хотя в те дни мы уходили всё дальше и дальше от него.

*

Когда началась война, мне уже шел пятьдесят пятый год. Дети называли меня дедом. Но какое это имело теперь значение!

Военным человеком я не считал себя, но воевать мне приходилось, да и по крови — запорожский казак. В первую мировую войну был рядовым солдатом, связистом, потом разведчиком, в гражданскую в

командиры вышел, командовал партизанским отрядом бывших фронтовиков. Был в походе вместе с Пархоменко, служил в дивизии Чапаева.

— Так что, Сидор Артемович, если придется путивлянам уйти в лес, будешь командовать, — сказали мне в райкоме партии.

Это было в июле 1941 года. В кабинете секретаря Путивльского райкома партии собрался партийный актив. Все мы не один год работали в Путивле и сколько раз уже собирались здесь...

Тихий наш городок. Выйдешь на крыльцо вечером и слышишь выстрелы охотников, доносящиеся из-за реки. А жизнь в Путивле шла не тихо — вровень с жизнью всей страны. Когда, мы обсуждали свои дела в райкоме партии, как чувствовалась связь, которая объединяет в одно целое и большие, шумные советские города, центры индустрии, и такие сельские районы, как наш Путивльский. Ведь какой бы вопрос ни стоял у нас на повестке дня, большой или маленький, посевная кампания или колхозное пчеловодство, от того, правильно мы подойдем к нему или нет, всегда в какой-то мере зависело выполнение общесоюзных планов.

Иной раз мы крепко спорили. Каждый болел за свой участок работы, за дело, которое ему поручила партия, у каждого были свои основные заботы. Один был убежден, что сейчас все решает баббит — это, мол, самое узкое место в подготовке тракторного парка; как бы из-за баббита нам не провалиться с уборочной. Другой так был поглощен заготовкой материала для ремонта жилищного фонда, что, казалось, баббит для него — звук пустой. Послушаешь третьего и подумаешь: а этого сейчас ничего на свете не занимает, кроме школьных учебников и оборудования для вновь открываемых в районе школ. Обо мне говорили, посмеиваясь над моей страстью к древонасаждениям: «У Ковпака одна забота — деревьев побольше насадить в городе».

Но на каком бы участке мы ни работали, каким бы специальным делом ни занимались, все мы прежде всего были солдатами одной армии — великой армии большевиков, людьми, выращенными и воспитанными партией Ленина, привыкшими смотреть на свое дело с государственной вышки.

В памятный июльский день, когда мы собрались в кабинете секретаря райкома, каждый из нас как-то особенно почувствовал, что Советское государство — это мы сами, что это та могучая сила, которая сплачивает всех нас воедино, направляет к общей цели. Все наши заботы слились в одну великую заботу — тревогу за судьбу Отчизны. Над Советской родиной нависла смертельная опасность. Гибель угрожает всему, что создано трудом нашего народа, добыто ценою крови лучших людей, к чему устремлены все наши помыслы, что всем нам дороже жизни. Варварские полчища фашистских захватчиков топчут наши поля. В дыму и огне наша земля, горят города, горит Украина.

Мы, мирные советские люди, сразу стали солдатами. Мы пришли в райком партии по телефонному вызову секретаря, как на призывной пункт. Никто не выступал, не произносил речей. Все было совершенно ясно. Партия призывает нас, большевиков, возглавить народ, поднима-

ющийся на борьбу с врагом, чтобы бить его не только на фронте, но и в тылу. Мы знали, что борьба будет небывало жестокой и тяжелой, не на жизнь, а на смерть, но не сомневались, что победа останется за нами.

Партийный актив выслушал короткое сообщение о том, что принято Центральным Комитетом Коммунистической партии большевиков Украины для защиты Родины. Речь шла о создании во всех районах Украины, которым угрожало вторжение врага, партизанских групп, о военной подготовке будущих партизан, создании курсов минеров, о закладке в лесах партизанских баз — продовольствия, оружия, взрывчатки. А потом все вернулись к своим обычным делам. Райком сосредоточивал все силы партийного актива на уборке, молотье и вывозке хлеба. Как всегда в страдную пору, в районных учреждениях мало осталось работников — все выехали в колхозы, на поля и тока.

Вскоре часть будущих партизан отправилась в Сумы, на курсы минеров, созданные обкомом партии. Несколько человек, оставшихся в Путивле, занимались подготовкой партизанских лесных баз. Для партизанской группы, командиром которой был назначен я, закладывалась база в Спадщанском лесу.

С Городища, если смотреть на запад, виден этот большой, темнеющий издали лесной массив. По преданию, во времена татарского нашествия многие жители Путивля ушли в этот лес. Он начинается у Сейма от села Спадщина и тянется вдоль болота Жилень на север по прямой километров на восемь — до болотистого берега речки Клевени, которая огибает лес с севера и двумя рукавами впадает в Сейм. Вся восточная опушка леса в мысиках, заливчиках, здесь много отдельных рощиц, выползших в поле, между ними — хутора и села.

С востока на запад Спадщанский лес тянется километров на пять, становится все более болотистым, пока не переходит в открытое болото.

К северо-востоку от Путивля, у села Новая Слобода, лежит другой большой лесной массив, покрывающий гряду высот над поймой Сейма. В старое время этот лес назывался Монастырским, потому что на одном из холмов, самом высоком, стоял Софронтьевский монастырь. Огромные, в два обхвата, дубы укрывают развалины этого древнейшего монастыря. Из зелени вековых дубов выглядывает полуобвалившаяся колокольня.

В этом лесу закладывалась база для другой партизанской группы путивлян, возглавляемой Семеном Васильевичем Рудневым.

*

Я родился в большом селе Котельве на Полтавщине. Местность там открытая, леса росли по реке Ворскле, а с другой стороны ветер наносил на поля песок. Помню первый митинг при Советской власти весной 1918 года. Под набат колоколов семи церковью собрались крестьяне на площадь перед бывшим волостным управлением.

Я тогда только что вернулся с германской войны, вместе со своими

товарищами-фронтовиками устанавливал в селе Советскую власть, был начальником штаба обороны и председателем земельной комиссии. Митинг мы созвали, чтобы народ утвердил раздел помещичьей земли и программу дальнейших действий. Первый пункт этой программы гласил: «Посадить на песках семьдесят пять десятин сосен». Вся земля стала нашей, и мы хотели защитить ее от песков — бедствия нашего края.

Лес всегда вызывал у меня такие же мысли, как хлебные поля, фруктовые сады, стада скота, — мысли о мирном труде, благополучии народа. За всю жизнь при Советской власти мне ни разу не приходилось смотреть на наши леса с военной точки зрения. Мог ли я подумать, что в том же лесу, в который путивляне ходили за орехами, грибами, ягодами, мне придется воевать, что он будет нам защитой от немецких танков, как в старину защищал путивлян от татарской конницы?

Уже отвезли в лес продовольствие, зарыли в ямы, а все как-то не совсем еще верилось, что мы всерьез собираемся стать лесными жителями. Фронт между тем приближался к Путивлю. В первых числах сентября многие из нас простились со своими семьями. Жена моя, уезжая из города, спросила меня:

— Когда же мы, Сидор, встретимся и где?

— Где? — удивился я ее вопросу. — Конечно, в Путивле.

На вопрос «когда» не трудно было ответить — после того, как разгромим врага. О том, что мы можем вовсе не встретиться, в тот момент я не подумал. Только потом, когда подвода, на которой уезжала жена, скрылась в потоке подвод, двигавшихся через Путивль, мне пришла в голову мысль, что, может быть, я уже не увижу больше своей жены, но я поторопился отогнать эту мысль, уверить себя, что мы еще проживем вместе.

Моя партизанская группа ушла в Спадщанский лес за несколько дней до вступления гитлеровских войск в Путивль. Она следила за сохранностью нашей продовольственной базы и за тем, чтобы в лес не проникли парашютисты, которых немецкая авиация сбрасывала в окрестных местах.

Мне, как председателю городского Совета, пришлось оставаться в Путивле до последней возможности. Я покинул его, когда немецкие разведчики перешли по мосту Сейм и вышли на окраину города. Это было 10 сентября под вечер.

Погода стояла уже осенняя. Мрачно было в поле. Облака плыли низко, клубились, как дым, и моросил мелкий дождик. Я шел напрямик к лесу, сжимая в кармане рукоятку пистолета. Ноги вязли в расползающейся земле. Неподалеку рвались мины. Путивль был затянут мутиью. Перед этим все дни были солнечные, и мне казалось, что я иду совсем незнакомой местностью.

Вспоминалось, как я возвращался с фронта в марте 1918 года в свою родную Котельву, в которой не был до того десять лет — с тех пор как ушел из отцовского дома на заработки. При подходе к селу — это было

ночью в туман, — мне почудилось, что впереди на дороге стоит кучка каких-то людей. Тогда на Украине шла гражданская война, кое-где власть захватили гайдамаки белогвардейской Рады. Я подумал, не гайдамацкая ли застава стоит, и решил, как бывалый разведчик, подползти, посмотреть, что это за люди. Подползаю и вижу, что ночной туман обманул меня: мост какой-то с перилами, а не люди. Раньше моста тут не было. Подполз к нему вплотную, поднялся, оглядываюсь и не узнаю родную местность. До самого села дошел и все думал, что заблудился. Даже отцовскую хату не сразу узнал. Простоял у калитки, пока рассветать не стало. Боялся, что по ошибке в чужую хату попаду, к гайдамакам. Они разоружали фронтовиков, а нам оружие нужно было, чтобы Советскую власть установить.

Многое пережитое вспомнилось мне в тот осенний вечер, когда я пробирался из оставленного нашими войсками города в Спадщанский лес. И вдруг мне показалось, что где-то грянула песня. Все наши праздничные вечера в Путивле обыкновенно начинались исполнением школьниками советских и старых народных русских и украинских песен. У нас было несколько соревновавшихся между собой школьных хоров. Их выступления часто транслировались местным радиовещанием. И вот как будто из Путивля сквозь муть дождя до меня донеслась хоровая песня. Хор пел:

Широка страна моя родная...

Всегда эта песня звучала как гимн торжества советского человека, наполняла нас бодростью, а тут сердце сжималось от тоски — слова долетали издалека, глухо...

Вместе со мной из Путивля вышла в Спадщанский лес группа товарищей, прибывших в наши края из Белоруссии. Дальше в глубь страны они не захотели ехать — решили остаться вместе с нами в тылу врага для партизанской борьбы. Попав под минометный обстрел, мы разбрелись по полю, а как стемнело, совсем потеряли друг друга из виду. Вероятно, кто-то из этих товарищей пел, и мне казалось, что поют дети.

В хоре средней школы № 3 была одна особенно звонкоголосая певунья — маленькая девчущка с огромной копной черных волос. Мы прозвали ее Чернушкой. Она иногда пела и соло. Ее любимая песня была:

Улетают герои-пилоты
В океан голубой высоты.
И на крыльях несут самолеты
Пионерские наши мечты.

Шагая под дождем, в грязи, по полю, чтобы заглушить тоску, я вполголоса повторял про себя слова этой песни: -

Побеждая полярные дали,
Мы вернемся к родным берегам...

ХОЗЯЕВА СПАДЩАНСКОГО ЛЕСА

Не только городской житель, редко бывающий в Спадщанском лесу, но и колхозники из близлежащих сел и хуторов боятся заблудиться в лабиринте переплетающихся дорог и тропинок этого старого леса. Так разнообразен Спадщанский лес, и в то же время в нем так много мест, совершенно похожих одно на другое, что порой человеку, идущему даже по прямой дороге, кажется, что он кружит, возвращается туда, где уже был.

Высокий, заросший травой дубняк сменяется вдруг молодым, устланым хвоей сосняком или растущим в болотистой низинке березнячком. Поднимешься на высотку — и опять такой же соснячок или дубняк, и за ним внизу уже белеют березы, там — снова болото. И поди разбери, то ли это болото, которое ты проходил, то ли новое: такая же круглая опушка и такой же просвечивающийся насквозь березняк. Дальше начинается чаща, где даже солнечным днем темно и сыро. И вдруг появляется светлое редколесье, поляна или вырубка, одни только пни, обросшие высоким густым папоротником и цветами, а там заросль орешника, ольшаника и снова чаща, из которой, кажется, только что выбрался.

Когда я ездил в лес на базу, приметой у меня были молодые сосенки: возле них, как мне помнилось, телега, на которой везли продовольствие, свернула с дороги. Несколько раз мне казалось, что я находил эти примеченные мною сосенки, но возле них я не обнаруживал никаких следов. Это меня пугало. Я шел дальше, опять встречал как будто те же сосенки, но никаких следов поблизости не находил. Дождь смыл в лесу все следы.

Изредка глухо доносился гул артиллерии, где-то ухали бомбы, а в лесу — мирная тишина, на дорогах ни души, зайцы бегают, шныряют лисицы. Только в дубняке при порывах ветра вдруг проносится стук, как будто кто-то с воздуха камешками осыпал лес. Это падали желуди.

Долго блуждал я по лесу. Думал уже, не разбредись ли мои партизаны. «Да нет, народ, кажется, подобрался надежный. Вот если немецкая разведка пробралась в лес... Вряд ли, стрельба была бы. Но что все-таки делать, если не найду своих?» Посижу на пеньке в раздумье и снова пойду искать следы.

Проблуждал ночь, день, а на следующую ночь пошел на ближайший хутор, постучался в хату одного знакомого колхозника, стал осторожно выпрашивать у него, не видал ли он кого-нибудь в лесу, не слышал ли, есть там кто-нибудь или нет. Нет, никого не видел, ничего не слышал, говорит, что страшно из хаты выйти — вдруг фашистов увидишь. Смотрит на меня удивленно — чего это я брожу по ночам возле леса и не убегаю, но не спрашивает ничего, понимает, должно быть, что все равно правду я не смогу сказать. Неприятно было таиться от своих, разговаривать так с человеком, с которым привык говорить по душам, но на первых порах приходилось. И не только потому, что надо было

соблюдать конспирацию — люди невольно прощупывали друг друга: ну как-то ты теперь намерен жить, что собираешься делать, можно ли на тебя положиться или струсил? Поговорил я с этим колхозником, почувствовал, что он так же заново приглядывается ко мне, как я к нему, попросил немного картошки на дорогу и вернулся в лес.

Вторую ночь провел я в' глухой лесной чаще, испек на костре несколько картофелин, подремал возле угольков, а утром опять пошел следы искать. Странно было, что я так долго не встречаю никого в лесу, как в воду все канули, но все-таки меня не покидала уверенность, что найду своих, и чем дольше я искал их, тем эта уверенность была крепче. Я думал: раз я их ищу, то и они меня ищут, не могут наши люди потеряться — обязательно будут искать друг друга, пока не найдут. По себе это чувствовал. Как хотелось хоть кого-нибудь из своих увидеть поскорее в лесу! Казалось, вот-вот сейчас обогну кусты и увижу...

Уже на третий день вечером я услышал позади себя осторожные шаги. Они становились все быстрее: кто-то молча меня догонял. Это могли быть и немцы, могли быть и наши. Я не понимал, почему меня не окликают, положил руку в карман на пистолет и решил идти дальше не оглядываясь, как человек, которому нечего бояться встречи с кем бы то ни было. Одет я был так, что вполне мог сойти за лесника.

Два человека быстро подошли ко мне справа и слева. Оба красноармейцы, и видно, что не первый день в лесу:— давно не брились, лица словно мохом обросли. Я молчу, поглядываю на одного, на другого. Идем вместе. Они спрашивают, куда дорога ведет, жалуются на погоду и тому подобное. Чувствую, что присматриваются. Потом один вдруг задает вопрос, уже совсем другим тоном:

— Кто вы такой?

Я вижу, что в руке у него появился наган. Отвечаю, пристально глядя в глаза ему:

— Хозяин здешних мест.

— Это что же, немцами поставлены? — вскрикивает он и тычет в меня наганом.

Я тоже вскипел, забыл про конспирацию. Останавливаюсь и, едва сдерживая себя, говорю угрожающе тихо:

— Да будет вам известно, что ни немцы, ни их ставленники хозяевами на нашей земле никогда не будут... Понятно?

Боец растерялся, говорит:

— Понятно.

— Ну, а если понятно, извольте убрать вашу пушку. У меня тоже есть такая штука, так я же не сую ее вам под нос.

Я вынул из кармана пистолет и показал его.

— Да, это тоже пушка... — смущенно засмеялся боец. — Но все-таки, папаша, кто же вы будете?

— Командир партизанского отряда, — сказал я.

— А чего же вы один ходите? Мы уже давно следим за вами. Где же ваши люди?

Второй боец, помоложе, шел молча, а этот опять стал строго допрашивать меня.

Трудно было мне ответить на вопрос, где мои люди. Я замялся, но в это время на дорогу вышли еще несколько красноармейцев. Меня обрадовало, что в лесу наконец появляются люди, и я сказал:

— Да вот хотя бы вы все — вон сколько вас тут! Довольно шататься по лесу, идем со мной воевать.

Это действовало на них — поверили, что командир. И я тоже убедился, что люди свои — красноармейцы, выходили из окружения и застряли здесь: лес понравился — решили партизанить.

На мое предложение воевать вместе они не торопились ответить — хотели сначала убедиться, что у нас действительно заложена в лесу продовольственная база. Ребята изголодались и думали тогда, кажется, только о том, где бы поесть достать. Когда я сказал, какие продукты зарыты у нас в яме — сухари, варенье и прочее, — у них глаза разгорелись, ребята веселые стали, всю махорку, которая у меня еще в кисте была, выкурили.

Я продолжал блуждать по лесу уже в большой компании, жаждавшей поскорее найти яму с вареньем. И в этот день поиски были безрезультатными. На ночь мы расположились в каком-то заброшенном лесном сарае. Красноармейцы опять стали недоверчиво поглядывать на меня, дежурный рядом со мной уселся с наганом в руке. Невесело было на душе; думал, что если завтра не найду базы — погиб: ребята решат, что предатель, и убьют. С этой мыслью я заснул. Утром сквозь сон слышу знакомые голоса.

Наконец-то я встретился со своими путивлянами.

— У-ух, все пятки отбил, шатаясь по лесу! — опускаясь на сено, смеялся Алексей Ильич Корнев, получивший у нас впоследствии кличку Дед-Мороз.

Он и верно похож был на Деда-Мороза: волосы на голове, борода — пышные, белоснежные, а лицо розовое, как у новорожденного.

— Чего же вы шатались? — спрашиваю его.

— Да тебя же шукали!

— А что же я нигде на дорогах ваших следов не приметил?

— Какие могут быть следы! — смеялся Алексей Ильич. — Ты же сам наказывал нам не оставлять следов. Ну, я как старый партизан и велел своим хлопцам строго следовать твоему наказу: на дорогу и носа не высовывали. Все чаще лазили, болотищами — лешие, да и только!

Алексей Ильич — старик грузный, здоровьем не очень крепкий. Трудно, думал я, будет ему в лесу, но вижу, что характеру своему не изменил — по-прежнему у него каждое слово со смехом. Приятно было увидеть старика в лесу. Семь лет я проработал с ним в Путивле бок о бок. Он коренной путивлянин, рабочий, мастеровой человек: в детстве с батькой-каменщиком ходил на заработки, к отцовскому ремеслу приучался, потом сам сезонничал на штукатурных работах. В годы гражданской войны, когда Щорс неподалеку от Путивля собирал в лесах

украинских партизан, Алексей Ильич тоже ушел партизанить, был разведчиком, воевал с немцами, гайдамаками; вернувшись в Путивль, безвыездно работал в родном городе на разных советских и хозяйственных должностях. Чем ему только не приходилось заниматься! Перед войной он заведовал в Путивле инкубатором—цыплят выводил для всех колхозов района. В лесу я решил назначить его своим помощником по хозяйственным делам.

Кончилось мое одинокое скитание, поиски людей. Все люди нашлись, собрались возле нашей базы. Вместе с красноармейцами-окруженцами, которые — как только убедились, что я не врал им насчет продовольствия,— сразу согласились воевать под моим командованием, в отряд было зачислено сорок человек.

22 сентября в приказе № 1 я объявил личный состав отряда. Все люди были разбиты на две боевые группы. В одну группу вошли путивляне, люди штатские и в большинстве немолодые, советские и партийные работники, колхозный актив, а также присоединившиеся к нам белорусские товарищи, среди которых были люди всяких профессий, но только не военной, в основном интеллигенция. Это было коммунистическое ядро отряда. Другая группа состояла из красноармейцев. Они не хотели смешиваться с гражданскими, боялись, что, когда дело дойдет до боя, гражданские их подведут.

Первая наша землянка была построена в таких дебрях, что отойди от нее на несколько десятков шагов — и, пожалуй, не найдешь. Сиди смирно, и никакая фашистская ищейка не пронюхает тебя в этой берлоге. Но мы пришли в лес совсем не для того, чтобы скрываться от немцев, а чтобы уничтожить их, не давать врагу ни минуты покоя, не позволять хозяйничать в нашем районе. Мы были здесь хозяевами и хозяевами должны были остаться.

В Спадшанском лесу стояло Вразброс далеко один от другого несколько домиков, в которых жили лесники. Мы стали выбирать из них наиболее подходящий для своего штаба и выбрали тот, что стоял в самом центре леса, на главной дороге, пересекающей его с юга на север, от Спадщины до Старой Шарповки. В направлениях, откуда следовало ожидать появления немцев, были выдвинуты к опушкам заставы. Таким образом, мы устанавливали партизанский контроль над всем лесом.

Только что наш штаб обосновался в центральном домике лесника, как мы услышали взрыв, раздавшийся в нескольких километрах, где-то за Новой Шарповкой. Послали разведчиков выяснить, что это такое там происходит. Оказалось, подорвался на mine чей-то бык. У меня мелькнула мысль: а нет ли там еще мин, нельзя ли нам их использовать? Для начала мины нам нужны были больше всего — завезти в лес взрывчатку мы не успели.

По следам разведчиков отправили минеров. Возвращаются, докладывают, что обнаружили минное поле — вероятно, оставлено при отходе советскими войсками. Вот это подарок! Немцы еще не успели разминировать поле, надо сделать это раньше их, немедленно же! Но как? Наши минеры говорят, что мины там какой-то незнакомой системы, страшно подступиться к ним * — взорвешься.

Мой начальник штаба Николай Михайлович Курс — из группы белорусов, директор средней школы — решил рискнуть. Перед уходом в лес он участвовал в нескольких занятиях по минному делу, организованных в Сумах обкомом партии, и поэтому тоже считал себя минером. У всех наших минеров была двух-трехдневная подготовка.

Рядом с обнаруженным нами минным полем шла дорога, по которой непрерывно шныряли немецкие автомашины и мотоциклисты. Ночью отрывать и изучать незнакомые мины было нельзя — время осеннее, темнота непроглядная. Курсу пришлось работать днем. Он ночью пробрался через дорогу на минное поле, замаскировался там и, дождавшись рассвета, под носом у проезжающих немцев стал раскрывать секрет минного механизма. Долго ждали мы, прислушиваясь, не раздастся ли взрыв. Очень боялись, что наш начальник штаба взорвется. Но он вернулся торжествующим. Принес с собой мину и сейчас же начал объяснять нам, в чем секрет ее механизма, как надо с ней обращаться. Под руководством Курса за опасную работу взялись и другие наши минеры. Они перетаскивали с поля в лес все до одной мины, а потом начали ставить их на основных путях движения противника.

Старшим минером был у нас Григорий Михайлович Юхновец, в мирное время работник обкома партии. Каждую ночь этот мешковатый на первый взгляд человек выходил со своими людьми из леса. А днем то с одной, то с другой стороны до нас доносились взрывы. Они извещали партизанский штаб о результатах смелой работы Григория Михайловича.

Надо сказать, что шум, поднятый минерами, неважно подействовал на некоторых партизан. В отряде кое-кто начал поговаривать, что мы, пожалуй, действуем слишком дерзко, что надо быть поосторожнее, что эти взрывы, следующие один за другим, серьезно всполошат немцев, обзят их, что у немцев в Путивле большие силы, много техники, они могут устроить сплошное прочесывание леса, и тогда мы погибнем. Посоветовавшись с наиболее надежными товарищами, командование решило, что с подобного рода разговорами надо сразу покончить. Я собрал весь отряд, выстроил возле штаба и сказал, что если кто-нибудь пришел к нам в лес, надеясь здесь отсидеться, и его нервы не выдерживают шума — он хочет жить тихо, мирно, думает пчелу в лесу разводить, грибы и орехи собирать, — так он не в тот лес пришел. Пусть лучше скорее уходит — ему у нас нечего делать.

— Ну, кто желает вернуться домой? Выходи.

Конечно, ни один не вышел.

Разве мог кто-нибудь перед лицом своих товарищей сознаться, что он трусил. Но надо было все-таки предупредить, что трусов мы не

потерпим, кто послабее духом, должен взять себя в руки. Я напомнил задачи, поставленные партией перед партизанами и сказал, что шум, о снятый минерами, — это только начало, что нас должны услышать далеко от Спадшанского леса и что не мы будем дрожать от этого шума, а немцы.

В те же дни в лесу появился какой-то неизвестный человек. Наши разведчики несколько раз слышали его осторожные шаги, хруст валежника, видели мелькавшую вдаль фигуру, но поймать этого человека не могли — он исчезал в лесной чаще, как призрак. Тогда мы решили посадить в засады несколько бойцов, и вскоре они схватили повадившегося в лес таинственного незнакомца. На допросе в штабе он сознался, что подослан немецким командованием, чтобы установить местоположение нашего отряда и его силы.

Это был человек из Путивля, но никто из нас раньше его не знал — жил он незаметно. Потом мы выловили еще несколько предателей, и почти все они оказывались из таких вот незаметных раньше. При гитлеровцах все эти сторонившиеся советской жизни людишки выползали из своих нор, как гады. И мы уничтожали их, как гадов. Сначала даже странным казалось, что вот расстреливаешь человека, а ничего человеческого к нему не чувствуешь, как будто это не человек, а только подобие людское.

На следующий день после расстрела шпиона, 29 сентября, мы впервые вышли из леса для открытого нападения на врага. Не все партизаны имели винтовки, пулемет у нас был один, да и тот с учебного пункта Осоавиахима, и никто не мог с уверенностью сказать, годен ли этот пулемет для боя. Поэтому решено было, пока не добудем оружия, действовать из засад мелкими группами.

Узнав, что немцы начали заготовку продуктов в соседних с Путивлем селениях, мы выслали засаду в село Сафоновку. В полдень из Путивля в это село прикатила машина с немецкими заготовителями. Партизаны встретили их огнем. Убить никого не удалось, только двоих ранили, но этого оказалось достаточно, чтобы немцы бросили свою машину на дороге и разбежались. Вскоре из Путивля прибыло в село несколько грузовиков с солдатами. Партизаны к этому времени уже отошли в лес. Искать партизан в лесу фашисты не решились — проехали до леса и вернулись назад.

Больше месяца прошло, прежде чем гитлеровцы предприняли первую серьезную попытку проникнуть в Спадшанский лес и разгромить партизан. А мы между тем все громче давали знать о своем существовании, хозяйничали уже не только в лесу или ночью на дорогах, но и днем в селах, далеко отстоящих от леса. Правда, пока существенный урон противнику наносили одни минеры. Они работали уже на обоих берегах Сейма, выходили на дорогу Конотоп — Кролевец. В первых

числах октября здесь на партизанских минах взорвались две легковые машины какого-то крупного немецкого штаба. В числе убитых было два генерала. В тот же день на левом берегу Сейма,¹ у хутора Хижки, взлетела на воздух грузовая машина. На правобережье, на большаках, ведущих из Путивля в Глухов и Рыльск, редко проходил день, когда бы не раздавались взрывы. До середины октября на этих дорогах было подорвано десять грузовиков с боеприпасами и живой силой. Мы добыли тут несколько винтовок, автоматов и много патронов.

Неподалеку от нас, в лесах, действовали другие группы коммунистов. Эти группы так же, как и наша, были оставлены парторганизациями для развертывания партизанской борьбы. Еще в конце сентября, когда мы только осваивались в Спадщанском лесу, кто-то из наших бойцов заметил в тущобе у болота Жилень дымок. Возле костра сидели несколько вооруженных людей в гражданской одежде. Оказалось — партизаны Конотопского района, пробравшиеся сюда через болото.

Конотопские товарищи пришли в лес, когда нас еще тут не было. Группа их состояла всего из шести человек. Наши бойцы почти две недели ходили рядом с ними и не подозревали, что они тут, хотя знали про существование конотопской группы. Мы быстро договорились с этими товарищами, они вошли в наш отряд на правах самостоятельного подразделения.

Вскоре нам удалось установить связь с партизанской группой, выделенной парторганизацией села Воргол. Эта группа в составе пяти человек во главе с председателем колхоза и партторгом обитала в лесном урочище Марица — в нескольких километрах севернее Спадщанского леса. Ушли люди из своего села, колхозный актив во главе с председателем колхоза, нашли в лесу старую барсучью нору, приспособили ее под землянку, завезли из села запас продовольствия и начали действовать — выходили на дорогу, обстреливали из засад немецкие автомашины и мотоциклистов.

С командиром этого отряда я встретился ночью в селе Воргол в хате одной колхозницы, к которой часто заглядывали наши разведчики, — они и установили через эту женщину связь с воргольскими партизанами. Мы поговорили, и на следующий день воргольцы перебрались в Спадщанский лес, влились в состав нашего отряда. В числе их были уже и беспартийные товарищи — патриоты, присоединившиеся к коммунистам-подпольщикам после прихода немцев. Через воргольцев я связался с партизанами Глуховского района, обосновавшимися в том же лесу Марица. Где-то недалеко от Марицы базировался партизанский отряд партийной организации Шалыгинского района.

Перед выходом в лес предполагалось действовать небольшими группами, но началась борьба, и мы увидели, что немцы всюду расставляют гарнизоны, для борьбы с которыми нужны большие силы. Руководители партизанских групп стали подумывать, что хорошо бы нам объединиться — тогда мы сможем не только минировать дороги, взрывать мосты, но и громить немецкие гарнизоны.

К нам должен был прийти председатель Путивльского райисполкома Иван Иванович Высоцкий, оставшийся в районе на нелегальной партийной работе в качестве связного обкома партии. Как выяснилось позже, он на пути в Спадщанский лес наступил на нашу мину, тяжело раненный попал в руки фашистов и был ими зверски убит.

Из-за нелепой случайности мы потеряли прекрасного товарища и оказались оторванными от подпольного центра, руководившего в области партизанской борьбой. Мы не имели даже представления о том, что происходит на фронте. Радиостанции тогда у нас не было, а фронт отодвинулся уже далеко от Путивля.

Надо было во что бы то ни стало установить связь с командованием Красной Армии и со штабом партизанского движения на Украине. Мы чувствовали, что, действуя сами по себе, вслепую, не имея контакта с соседними отрядами, большого дела не сделаешь, будешь только булавочные уколы наносить противнику. Решено было послать кого-нибудь через фронт. Выбор пал на Алексея Ильича Корнева — Деда-Мороза. В годы гражданской войны он исходил все дороги и тропинки на Сумщине. Тяжело было идти старику, но он не стал отказываться. Прошавшись, пошутил:

— Не бойтесь за меня, хлопцы, через фронт свиным шляхом пройду.

Существует в наших краях такая легенда. Когда-то в старину человек из Путивля купил в Рыльске свинью. Прожила у него свинья сколько-то времени и пошла со своими поросятами обратно в Рыльск, к старому хозяину. Шла она, обходя села и леса, чтобы люди не поймали и звери не задрали. Протоптала дорогу по полям и лугам. Дорога плохая, в грязь по ней не проедешь, не пройдешь — словом, свиной шлях.

ВСТРЕЧА С «УСАЧАМИ»

Как я уже говорил, в противоположной юго-восточной части Путивльского района, в Новослободском л%су, базировалась партизанская группа путивлян под командой Семена Васильевича Руднева.

Кто из нас не знал семью Рудневых! Это была большая семья, родом из деревни Моисеевки Путивльского района. Отец Семена Васильевича до революции не имел ни клочка земли, батрачил на помещика. У него было пять сыновей и семь дочерей. Сыновья мальчишками уезжали на заработки. Семен уехал из отцовского дома, когда ему шел четырнадцатый год, к старшему брату, работавшему в Петрограде на Русско-Балтийском заводе.

В Петроград он приехал в самом начале первой мировой войны, поступил на завод учеником, а к концу войны был уже красногвардейцем. Вместе со своим братом участвовал в подавлении корниловского мятежа, в штурме Зимнего дворца, в боях с войсками Керенского. Тогда же, еще юношей, вступил в большевистскую партию, всю граждан-

скую войну провел на фронтах — воевал с Колчаком, Деникиным, Юденичем, был ранен.

После разгрома белогвардейцев и интервентов Семен Васильевич начал учиться, окончил Военно-политическую академию и около десяти лет прослужил в пограничных войсках в Крыму и на Дальнем Востоке, был комиссаром части, участвовал в боях у озера Хасан, награжден орденом Красной Звезды. За несколько лет до Отечественной войны Семен Васильевич вернулся в родной Путивль и стал работать председателем райсовета Осоавиахима.

Активнейшим помощником Руднева по общественной линии в Осоавиахиме был Григорий Яковлевич Базима.

Григорий Яковлевич также до войны был одним из самых уважаемых людей в Путивле — лучший учитель в районе, делегат Первого всесоюзного съезда учителей. Его знали во многих селах района. В одном селе он в раннем детстве пас общественный скот вместе со своим батькой; в другом работал на маслобойке у кулака, топил печь, на которой поджаривалось конопляное семя; в третьем зимой учился, а летом батрачил у помещика на прополке свеклы; в четвертом начал учительствовать — восемнадцатилетним пареньком, окончившим только трехклассное училище.

В селе Стрельниках перед школой растет два могучих тополя. Эти деревья посадил Григорий Яковлевич в первый год своей учительской работы. Он проучительствовал тут около двадцати лет. Отсюда на германскую войну ушел и сюда вернулся, провоевав до конца гражданской войны. Здесь он организовал колхоз и сам работал в нем, пока не наладилось коллективное хозяйство. Последние годы перед Отечественной войной Базима был директором средней школы в Путивле.

Григорий Яковлевич ушел в Новослободский лес вместе с Рудневым в качестве начальника его штаба. С ними было человек двадцать путивлян, в том числе сын Руднева — семнадцатилетний комсомолец Радик, школьник, перешедший в десятый класс.

Больше месяца мы ничего не знали о судьбе этого отряда. Посылать связных туда было очень рискованно, так как Новослободский лесдолго находился почти на линии фронта, вокруг было полно немецких войск. Но вот фронт отодвинулся дальше на восток. Мы собирались уже послать кого-нибудь в Новую Слободу, чтобы выяснить, есть ли там в лесу наши люди, как вдруг мне сообщают, что дозорные встретили связных Руднева. Их приводят в штаб. Они заявляют, что Руднев ищет нас и уже идет со всеми своими людьми в Спадщанский лес.

На следующий день произошла встреча с «усачами», как называли себя бойцы Руднева, большинство которых в подражание своему командиру отрастили усы. У Семена Васильевича усы были действительно завидные: большие, черные, пышные. Он очень строго следил за своим внешним видом. И жизнь в лесу не заставила его изменить этой привычке, воспитанной армией. Даже белый подворотничок у гимнастерки был у него, как обычно, безупречно чист. Базима рядом с Рудневым

выглядел как старый гриб, отсыревший на дожде, а ведь Григорий Яковлевич тоже был человек с военной закваской. На занятиях в Осоавиахиме, в военизированных походах, которые часто проводил со СБО-ЯМИ школьниками, он умел показать строевую выправку — бывший прапорщик.

Решив перебазироваться из Новослободского в Спадщанский лес, Руднев и Базима не знали, застанут ли нас тут. Гитлеровские провокаторы распространили уже слух, что отряд Ковпака разбит, а сам он пойман и повешен в Путивле. Тем более радостной была наша встреча.

Командование обоих отрядов собралось в домике лесника на совещание, чтобы- обсудить положение-, решить, что делать дальше. Обстановка в районе складывалась тяжелая. Фашисты, во всех селах уже построили виселицы. Они говорили населению: «Это партизан вешать», и хватали и вешали кого попало. Люди боялись выйти за околицу села — гитлеровцы сейчас же схватят, объявят, что партизан, и повесят или расстреляют. Стоило полицейским найти на дворе затоптанную патронную гильзу, и расстреливалась вся семья, проживавшая в доме. В Путивле со двора тюрьмы ежедневно выезжала подвода, нагруженная лопатами, и по всему городу поднимался крик, плач, женщины бились в истерике. Все знали: раз повезли лопаты — значит, будут рыть за городом ров для расстрела, будет происходить очередная «разгрузка» тюрьмы. Кто-то пустил слух, что немцы привезли в Путивль тысячу собак-ищеек для выслеживания партизан. У кого нервы послабее, на того все это подействовало. Были и такие, что остались в районе для подпольной работы и сидели буквально в подполье, не решаясь носа на свет высунуть. А сколько людей бродило по лесам и оврагам в одиночку или по двое, по трое! Увидят кого-нибудь издали — и сейчас же в кусты.

Григорий Яковлевич весело рассказывал, как он встретил в лесу одного знакомого четырнадцатилетнего паренька из села Харивки, сироту, воспитанника колхоза. Мальчуган при встрече кинулся было наутек, но Базима успел его окликнуть по имени:

— Коля, ты?

Тот остановился в нерешительности.

— Ты чего здесь околачиваешься?

— Огуркив шукаю, — говорит. — Дид хворый, просил соленых огуркив.

— Какой это дид? У тебя ж нет никакого деда!

— Да то не мой дид, то председатель Хопилин Яков.

— А что за огурки в лесу? Чего ты брешешь, Колька?

— Ей-богу, не брешу! Я ж не в лесу огурки шукаю, я до хутора иду.

— А дед где?

— Со мной.

— Да где же он?

— В лесу.

— И что же вы делаете в лесу?

Парень запутался и, уже не зная, что сказать, спрашивает:

— А вы, дядя, партизан?

— Может быть, и партизан.

Обрадовался:

— Ну и мы партизаны!

— Кто это — мы?

— Я и дид. Нас двое партизан из Харивки. Да дид что-то захворал. Вот просит соленых огурчив. Не придумую, шо мне с ним робить.

Этого хлопчика и деда, председателя Харивского колхоза, Руднев взял в свой отряд, привел их с собой в Спадщанский лес.

Случай, характерный для тех дней, когда люди, убежавшие от немцев в леса, бродили в одиночестве или маленькими группками, думали, с чего начинать и хватит ли сил для борьбы с врагом. Мы побеседовали и единодушно пришли к выводу, что обстановка в районе требует от нас смелых, активных действий. Надо подбодрить людей, собрать тех, кто разбрелся по лесам, показать всем, что есть против фашистов сила. А это легче будет сделать, если мы откажемся от своего первоначального плана и будем действовать не маленькими группами, а объединимся в один Путивльский отряд.

— Ну что же, Сидор Артемович, ты командуй, а я, по старой армейской привычке, буду комиссаром, — заявил в заключение Руднев.

С этим все согласились. Бойцы стали называть Руднева комиссаром раньше, чем было объявлено о его назначении в приказе. Начальником штаба объединенного отряда назначили Базиму, имевшего опыт штабной работы в гражданскую войну — он был тогда помощником начальника штаба полка.

Подсчитали свои силы: пятьдесят семь бойцов, сорок девять винтовок разных систем, шесть автоматов и один ручной пулемет.

БОЙ С ТАНКАМИ

Через день в нашем лесном-домике состоялось второе совещание. К нам пришли представители партизан Глуховского и Шалыгинского районов. До них донесся шум, поднятый нашими минерами, они решили, что надо установить с нами связь. После совещания мы собрались вместе пообедать. Был приготовлен студень. Блюдо с ним стояло на дворе. Вдруг в лесу раздался крик:

— Танки!

Нас было в это время в штабе и около него человек двадцать. Остальные стояли в заставах — на опушке леса, далеко.

Когда мы выскочили из домика, был уже слышен рев моторов. Танки подходили по главной дороге со стороны Путивля. Их было два: тяжелый и средний. Первым показался большой. На повороте, не оста-

навливаясь, он открыл огонь из пушки и пулеметов. В лесу он выглядел огромным. Дорога не вмещала эту громадину. Он мчался на нас, ломая деревья. Второй танк шел следом.

Кругом оглушительный грохот, треск, огонь, но незаметно было, чтоб народ испугался. Партизаны рассыпались по лесу и дружно подняли пальбу. Танки промчались мимо с закрытыми люками. Однако немцам удалось поджечь наш домик зажигательными снарядами. Тушить пожар не было времени. Хорошо еще, что мы успели спасти имущество штаба.

Танки направлялись в сторону наших землянок. Я приказал Курсу бежать с минерами и заминировать выход из леса, а сам с Рудневым, Базимой и другими партизанами кинулся вслед за танками. Мы пробирались вдоль дороги. Здесь был густой кустарник, мелколесье, а дальше болото. Я надеялся, что танки далеко не уйдут, завязнут. И действительно, вскоре рев моторов затих.

Рассыпавшись цепью, мы приближаемся к танкам. Лес вокруг редкий, молодой, преимущественно кусты на болотных кочках.

Танки стоят на дороге борт к борту. У танка, который поменьше, открыт верхний люк. Один немец высунулся, ведет наблюдение, другие возятся у гусениц.

Метким выстрелом Руднев снял наблюдателя. Тот, как мешок, сполз с люка. Наши оживились. Кто-то, обрадовавшись, закричал «ура». Все стали палить по танку — кто из винтовки, кто из пистолета. А я команду — такие команды отдаю, будто у меня тут в лесу и артиллерия, и минометы, и пехотинцев не меньше батальона:

— Батарея, огонь!

— Минометы, огонь!

— Первая рота — влево, вторая рота — вправо! Заходи назад, окружай, приготовь гранаты!

Не думал я немцев этим напугать — хотел своих людей подбодрить криком, но немцы испугались. Большой танк загудел, стал разворачиваться и, подминая кусты, помчался назад по дороге. Что бы это такое значило? Второй, поменьше который, остался. Люк открыт. Никого не видно.

Осторожно подбираемся ближе, кидаем в люк гранаты, выжидаем, потом бежим к танку. Он стоит, уткнувшись в пень. У него повреждена гусеница, но повреждение это пустяковое — один палец выскочил. Экипажа нет. Значит, танкисты пересели в большой танк и удрали. Словом, победа полная, и еще какая! Первый бой — у нас ни царапинки и захвачен почти исправный танк. Все в большом возбуждении, хотят сразу залезть в машину, но некуда — там уже полно. Кто-то поворачивает башню — хочет стрелять из пушки по удравшим немцам.

Вдруг неподалеку в лесу, в той стороне, куда умчался большой танк, раздается сильный взрыв. Догадываюсь: большой танк взорвался на нашей mine. Радости нет предела. В воздух летят шапки.

— Ура!

За первым взрывом последовали другие, не такие сильные, но частые и все в одном месте. Похоже было на беглую стрельбу из орудий. Народ затих: что за стрельба? Мы прислушались, а потом, по моему знаку, все сразу кинулись в сторону взрывов.

Издалека на дороге видно было большое пламя. Развороченная взрывом темная громада пылала, как костер. Башня была сорвана, лежала в стороне. В танке рвались снаряды и патроны:

Наши военные товарищи, составлявшие отдельную группу, подоспели к месту боя, после того как все уже было закончено. Они не сразу поняли, что здесь произошло. Один считал самым важным рассказать, кто первым услышал шум моторов. Другому больше всего понравилось, что я командовал: «Батарея, огонь!» Третьему не терпелось рассказать, как здорово вспыхнул подорвавшийся на mine танк, когда ребята, быстро подскочив к нему, облили его горючей жидкостью. А харивский Коля уверял всех, что ему нисколько не было страшно.

— Дидам, может, и страшно было, а мне нисколько не страшно, — говорил он. — Танк палит из пушки и пулеметов, а я бегу за ним прямо по дороге — мне интересно...

Когда затихли взрывы и поухло пламя, мы нашли внутри танка только обуглившиеся трупы. Экипажи обеих машин, проникших в Спанданский лес, и проводник-предатель сгорели заживо.

Словом, мы имели полное основание быть довольными и возвращались к домику лесника в прекрасном настроении. Жаль только, что домика не было — сгорел дотла. Зато студень, стоявший на дворе, сохранился. Это очень обрадовало всех, так как страшно хотелось есть.

Никогда, кажется, я ничего не ел с таким аппетитом, как в тот день наш партизанский студень. Впрочем, тогда все казалось замечательным — даже землянка, в которой мы расположились на ночь, хотя в ней по колено стояла дождевая вода. Чтобы ночью не утонуть, пришлось навалить на земляной пол уйму сена.

Долго наши люди не спали в ту ночь — всё вспоминали, что пережили в лесу до этого дня. Радик Руднев стал рассказывать, как он возвращался Из разведки. Это было в Новослободском лесу, в первый или во второй день после того, как группа Руднева обосновалась там. Радик ходил в разведку вместе со своим школьным учителем Павлом Степановичем Петышкиным. Возвращались ночью, заблудились и стали во весь голос кричать пароль:

— Сова! Сова!

Партизанам, оставшимся у шалаша, и в голову не могло[^] прийти, что это их разведчики на весь лес выкрикивают пароль, они решили, что преданы, — вскочили, встали у шалаша кучкой, с оружием наизготовку, и ждут молча. А разведчики все ходят по лесу и орут:

— Сова! Сова!

Крик то удаляется, то приближается. В конце концов заблудившиеся разведчики набрели на своих — в темноте уперлись прямо в дула винтовок. Хорошо, что Руднев по голосу узнал сына.

— Эх ты, учитель! — напустился Семен Васильевич на Петышкина. — Пароль на ухо говорят, а вы на весь лес орете.

— Испугались, товарищ командир: место совсем забыли, — сознался Петышкин.

Вспоминая об этом, Радик говорил отцу:

— Здорово ж ты, папа, на нас тогда рассердился! Ругаешь нас, а мы с Павлом Степановичем радуемся про себя, что все-таки нашли своих — не одни.

Теперь всем легко было признаться, что первое время чувствовали себя в лесу плохо. Казалось, что все страхи уже остались позади — чего нам бояться, если и танки не страшны!

ПАРТИЗАНСКАЯ КРЕПОСТЬ

Как «и велики были возбуждение, радость, задор, вызванные первым успехом в бою, но мы хорошо понимали, что если не хотим немедленно же уходить из Спадчанского леса куда-нибудь подальше от Путивля, то надо быть готовым к тому, что фашистское командование в Путивле завтра же соберет все силы, чтобы нас уничтожить. Можно ли было Ожидать, что немцы примирятся с бесследным исчезновением в лесу двух танков, что их не взволнует судьба пропавших экипажей этих машин?

О том, чтобы уйти подальше от родного города, мы тогда еще и думать не хотели. Сейчас же после боя с танками отряд стал готовиться к обороне.

Прежде всего я приказал дополнительно поставить мины на всех лесных дорогах и тщательно проверить те, которые были поставлены раньше.

С нашими силами строить оборону на опушке леса, протянувшегося в одну сторону на восемь километров, а в другую — на пять, не представлялось никакой возможности. На опушку были выставлены только дозоры. Оборону мы решили занять в глубине леса, на высотах.

На другой день гитлеровцы двинулись на нас из Путивля в наступлении. К Спадчанскому лесу подошли шесть танков и четырнадцать автомашин с пехотой. Это было утром. Только боец, прибежавший из дозора, доложил мне, что немецкие танки и пехота остановились в поле перед лесом, как противник открыл огонь из орудий. Мы решили пока не отвечать. Притаились. Стреляли немцы наобум, так как не знали точно, где мы находимся. Потом разбились на две группы и рванулись вперед со страшным шумом: танки, пехота — все стреляют.

И в этот день наши минеры торжествовали. Одна группа немцев, не успев углубиться в лес, отскочила назад: передовой танк подорвался на mine. Такая же участь постигла и вторую группу — ей тоже пришлось вытаскивать на буксире свой танк.

Отойдя от леса на почтительное расстояние, немцы подняли по нему стрельбу из всех видов оружия. Со стороны, вероятно, это было очень странное зрелище: по лесу палят из пушек, строчат из пулеметов, бьют из автоматов, а лес молчит, как будто в нем ни одной живой души нет. Наши дозоры отошли с опушки. Притаившись, мы ждали, пока у немцев успокоятся нервы. Конечно, чувствовали себя не очень весело, хотя шуток и издевок над фашистами слышалось много. Мы думали, что немцы, придя в себя, опять ринутся в лес.

К полудню стрельба прекратилась. Несколько минут продолжалась тишина, все мы стояли прислушиваясь. Наконец примчался один дозорный.

— Немцы укатили назад в Путивль! — прокричал он издали.

Так и не узнали фашисты о судьбе своих танков, прорвавшихся накануне в нашу лесную крепость.

Страх перед Спадшанским лесом стал у оккупантов еще большим. То, что происходило в нем, оставалось тайной, раскрыть которую немцы не могли. Они по-прежнему не знали ни месторасположения отряда, ни сил его. Они, по существу, ничего не знали о нас, а мы знали о каждом их шаге.

Наши разведчики были постоянными гостями в Путивле. Часто ходил в город Радик Руднев. Он поддерживал связь со своими школьными товарищами, которые через него передавали нам разные разведывательные сведения. Ходил в Путивль и харивский Коля — целые дни шнырял по городу. Привяжется к немецким солдатам, прикинется дурачком и проберется с ними в казарму. Он все мечтал автомат у фашистов выкрасть. Это ему не удавалось, а патроны часто выкрадывал. Один раз принес их полный подол рубахи и еще горевал, что по дороге много растерял: бежал, споткнулся, рассыпал, а подобрать не сумел — побоялся, что немцы заметят, начнут стрелять.

Появились у нас и разведчики — колхозницы из соседних сел. Они ездили на базар и передавали нам всё, что слышали там. Так мы, например, узнали, что, вернувшись в Путивль после второй неудачной попытки проникнуть в Спадшанский лес, немцы предлагали большие деньги тому, кто вытащит из леса трупы погибших танкистов, и что желающих заработать на этом не нашлось.

*

С запада Спадшанский лес прикрыт болотом Жилень. Это — огромное, почти непроходимое пространство в междуречье Сейма и Клевени. У восточной опушки леса, среди выползших в поле рощиц, много хуторов и сел, которые тоже служили нам своеобразным прикрытием от врага. О появлении немцев с этой стороны нас заблаговременно оповещали колхозники. Мы чувствовали себя в лесу надежно и постепенно обживались в нем. Землянки нашего отряда, разбитого уже на восемь боевых групп, раскинулись по большой площади. К двум самым отда-

ленным группам — к заставам, выдвинутым к опушке, — мы протянули от штаба телефонный провод. Позывными были «Сосна» и «Остров». Так эти заставы и назывались. Вслед за телефоном в штабе появился электрический свет. В качестве двигателя был использован мотор одной немецкой автомашины, подорвавшейся на нашей мине. Эту машину после небольшого ремонта партизаны пригнали в лес. Они промчались на ней через четыре села, в которых была немецкая полиция.

Неподалеку от штабной землянки мы поставили на позиции танк, брошенный фашистами в лесу. В отряде было несколько трактористов. Они быстро отремонтировали этот танк. Теперь нам не хватало только артиллерии.

Раззадорившись, мы решили, что артиллерия у нас, конечно, тоже появится, и одновременно с объявлением в приказе состава танкового экипажа я объявил состав артиллерийской батареи.

Новоявленные артиллеристы были озадачены:

-г- А где же пушки?

— Танк добыли, добудем и пушки, — заявил Руднев.

Вокруг штаба выросло все больше землянок. Выделилась хозяйственная часть, хозяйственники построили общую для отряда землянку — кухню. Стали подумывать, что хорошо бы и баню поставить тут. Баня своя у нас была, но далеко — в нескольких километрах, в поселке лесосплава. К зиме решили перетащить баню в лес. Устраивались мы надолго, основательно. Хозяйственной части приказано было приступать к созданию неприкосновенного продовольственного запаса, к изготовлению деревянных ящиков для зерна и рытью погребов для картофеля и капусты. Зерно и овощи мы перехватывали у немцев на их заготовительных базах в ближайших селах. Как только узнавали, что гитлеровцы где-нибудь провели заготовки, отправлялись туда и с помощью колхозников все заготовленное вывозили в лес.

Скоро в ближайших селах и хуторах мы стали уже полными хозяевами — немецкая полиция сбежала оттуда. Наши агитаторы открыто проводили сельские собрания и митинги. Для работы с населением была выделена специальная группа партизан во главе с бывшим работником Путивльского райкома партии Яковом Григорьевичем Паниным. ,

Опять, как до прихода немцев, когда я появлялся в селе, ребятишки, мои старые друзья, оповещали о моем появлении веселым криком:

— Дед пришел!

Молодежь нашего отряда очень быстро перезнакомилась с девушками-колхозницами. На опушке леса возле «Острова» и «Сосны» появились парочки, начались гулянья с гармошкой, песнями.

Колхозники стали проситься в отряд. На первых порах мы требовали, чтобы добровольцы подавали письменные заявления. После тщательного разбора этих заявлений за принятыми в отряд людьми посылались разведчики.

Без наших проводников в расположение отряда никто со стороны

пройти уже не мог. Лес охранялся заставами и дозорами — на опушках, часовыми — на дорогах. Чтобы пройти в лес, надо было знать партизанский пароль. Это было какое-нибудь число, и менялось оно ежедневно.

*

На попытки гитлеровцев проникнуть в Спадшанский лес мы ответили сильным ударом: одновременно взлетели в воздух четыре охранявшихся немцами моста — два в Путивльском районе и два в Конотопском. Охрана мостов была снята боевыми группами, которые потом, выдвинувшись в сторону гарнизонов противника, прикрывали подрывников.

Это была первая крупная диверсионная операция нашего отряда. Руководил ею Руднев. Он ходил с минерами на все операции.

На следующий день после взрывов сеймовских мостов на нашей mine подорвался немецкий тягач, перевозивший платформу с танком. Это произошло на дороге Путивль — Рыльск. Надо было послать туда людей, чтобы снять вооружение, забрать снаряды и уничтожить этот танк, пока немцы не вывели его. Руднев, только что вернувшийся с Сейма, побрился у пенька и опять с новой группой бойцов пошел на операцию. И Радик, не разлучавшийся с отцом, пошел с группой.

Семен Васильевич часу не мог в землянке отдохнуть. Иной раз придет, снимет сапоги, ляжет на нары рядом с сыном, выкурит несколько папирос и, смотришь, уже обувается. Встает тихонько, чтобы не разбудить сына. Но только встанет, и Радик вскакивает:

— Ты куда, папа?

— Спи, спи! Я только на Остров загляну.

— Ох и беспокойный этот Остров! — вздохнет Радик, одеваясь.

Ему смертельно хочется спать, но без отца он не останется.

Перед приходом немцев в Путивль семья Руднева — жена и младший сын — перебрались на хутор к родственникам. Семен Васильевич не успел ее эвакуировать и говорил мне, что не может простить себе этой оплошности. Он очень беспокоился за семью, но старался не показывать своего волнения, а в руках себя этот человек умел держать. Недаром его любимым выражением было «армейская привычка»: это-то он должен сделать по армейской привычке, этого он не может переносить по армейской привычке, а это, мол, само собой разумеется, по армейской привычке.

На первых порах армейские привычки комиссара, его требовательность не очень-то пришлись по душе кое-кому из новых людей, присоединившихся к нам в лесу. Как-то вызываем «Остров», но оттуда никто не отвечает. Оказалось, что все «островитяне» ушли на гулянье с девушками. На заставе никого не осталось. Семену Васильевичу пришлось очень серьезно напомнить этим людям о дисциплине. И вот некоторые партизаны стали поговаривать, что Ковпак-де хотя и ругается, но дед

хороший, а комиссар нам не подходит — любит закручивать по своей «армейской привычке». Было среди новых бойцов несколько что называется отчаянных парней: в боевом деле — орлы, а в жизни — бесшабашные головы. Они не раз поднимали шум: мы — партизаны, обойдемся без комиссара.

Семен Васильевич говорил мне, посмеиваясь:

— Вольно жить решили. Старенькие представления о партизанах: раз партизаном стал — значит, можно забыть армейские порядки. Но ничего, я им напомню, как у них в полку было.

Он заглядывал в землянки «островитяне» чаще, чем в другие. Однажды кто-то услышал, как «островитяне» кричали, что они убьют Руднева, если он не оставит их в покое. Семен Васильевич сейчас же пошел на «Остров». На этот раз он запретил Радику идти с ним.

— Крепко придется поговорить, — сказал Семен Васильевич.

Я заметил, что перед уходом он снял пистолет и положил его в землянку на столик. Спросил:

•— Ты чего безоружным идешь?

Базима заволновался:

— С огнем играешь, Семен Васильевич!

Руднев усмехнулся:

— Неужели вы думаете, что они действительно могут убить? В гражданскую войну, может быть, я бы и побоялся, а теперь будьте спокойны... Люди ведь хоть немного, но в армии послужили, да и Советская власть уже не первый год!

Вернулся Семен Васильевич с «Острова» не скоро, но довольный разговором с бойцами.

— Свои ребята. Только очень горячие, — сказал он.

Разговор у него с ними сначала был громким, а кончился на задних нотах. Людям совестно стало: они хотели его убить, а он вот пришел к ним с полным доверием, не взял с собой оружия. Семен Васильевич умел разговаривать с людьми. В отряде его любили всё больше и больше.

Я уже говорил, что наши путивляне даже во внешности старались подражать Семену Васильевичу. Например, пошла у нас мода на усы. Эта мода охватила весь отряд, началось соревнование — у кого усы больше, у кого пышнее.

Или вот песня. Была у комиссара одна песня, которую он чаще всего пел. Выйдет вечером из землянки, шинель внакидку, сядет на пенек вместе с Радиком, обнимет его и затянет:

В чистом поле, поле, под ракитой,
Где клубится по ночам туман,
Там лежит, лежит зарытый,
Там схоронен красный партизан...

И слышишь: у одной землянки подхватили, у другой — и по всему лесу пошла песня:

Я сама героя провожала
В дальний путь, на славные дела,
Боевую саблю подавала,
Вороного коника вела.

Эта песня стала любимой у путивлян. Была у нас еще одна песня, которую часто запевали бойцы в глуши Спадшанского леса — песня о маленьком партизане по прозвищу Ежик. Эта песня в Путивле исполнялась школьным хором в сопровождении декламации. Декламировала всегда девочка Чернушка.

В лесу песня о Ежике исполнялась тоже с декламацией. Только декламировала не девочка, а лихой усащ-минер.

Сидят бойцы на бревнах у землянки. Поют тихо-тихо, и чувствуется, что мыслями они далеко отсюда. Люди семейные, а семья-то ведь у большинства в эвакуации — далеко. Тревожно на сердце. Как-то там, на востоке, дети живут? Увидишь ли их еще?

Только один куплет этой песни исполнялся в полный голос:

Налетели, ударили громом,
Ярче молний блеснули клинки...

Вот тут уж песня гремела вовсю и настроение менялось.

НАШИ ПОМОЩНИКИ

Все-таки наши путивльские партизаны при всем своем боевом задоре были глубоко мирными людьми. Базима, например, обратил внимание на лесные высоты, на которых мы потом построили свою оборону, не столько как начальник штаба, сколько как учитель географии. Его очень заинтересовал вопрос о происхождении этих высоток. Песчаная почва и волнообразная форма их привели его к мысли о древних дюнах. Он очень сожалел, что в мирное время упустил из виду организовать сюда экскурсию школьников.

— Вот кончится война, тогда я с ребятами налягу на экскурсии, — говорил Григорий Яковлевич.

Война только началась, а человек уже мечтал о том, что будет делать в мирное время. Не только Базима, многие из нас, путивлян, живя в землянках, в глуши леса, думали об этом же.

С уходом в лес не так уж все изменилось у каждого из нас, как это можно было подумать, глядя со стороны. Внешне все в жизни пошло по-другому, и человек как будто совсем изменился, но внутри, в душе, он остался тем, кем был до войны, только еще сильнее полюбил дело, к которому его приобщила советская жизнь. Конечно, появились у нас совсем новые заботы.

Несколько лет в Путивле я работал начальником дорожного отдела — строил, ремонтировал Дороги, мосты, а теперь я разрушал их. Но когда я разрушал дороги и мосты, меня не оставляла мысль, что дорога здесь грунтовая, а местность болотистая, осенью на машине трудно проехать — нужно будет поставить вопрос о прокладке шоссе; или, думал я, грузоподъемность этого моста уже недостаточна, пора бы увеличить; или вот беседки на сельских дорогах: одну беседку поставили возле паромы, а почему бы не поставить на каждом километре? Едет колхозник в город на велосипеде, захватил его дождь — есть где укрыться, отдохнуть.

Не выходили из головы мысли о начатой кампании по ремонту домов в Путивле — уже порядочно было сделано, а сколько еще предстояло! — и о своем любимом детище — городском парке на берегу Сейма. Перед войной мы в Путивле только-только занялись благоустройством, стали думать о красоте, удобствах...

Иной раз у меня бывало такое чувство, что я по-прежнему председатель горсовета, что моя штабная землянка в лесу — это мой временный кабинет.

Нам ведь приходилось не только воевать, но и работать с населением, решать с ним массу разных вопросов. Прежде всего надо было заручиться в каждом селе хорошими помощниками.

В селе Спадщина в первой же хате от леса жила колхозница-активистка Пелагея Соловьева, моя старая знакомая. За малейшее содействие партизанам гитлеровцы вешали, а вот эта женщина получала от нас задания и виду не показывала, что ей угрожает смертная казнь. Она бралась за дело так, как будто и немцев нет и речь идет о самом обыкновенном задании сельсовета.

Раздается вдруг з лесу голос женщины. Она громко зовет заблудившуюся корову. И партизаны уже знают, что это идет Пелагея Соловьева с подарками от колхозников и новостями. Кличка коровы заменяла ей пароль. Через Соловьеву мы установили связь с другими женщинами-колхозницами, которые стали тоже нашими помощницами: выпекали хлеб, заготавливали сухари, ходили в город, передавали письма, добывали нужные сведения, помогали нам переправлять через фронт военнослужащих, оставшихся в окружении.

А каких помощников нашли партизаны среди сельских медиков! В селе Воргол у нас был свой врач — Дина Маевская, молодая девушка-ка-спортсменка. За год до войны она окончила медицинский институт, в Ворголе заведовала врачебным участком. Когда немцы стали подходить к Путивлю, Дина, хотя она была беспартийной, присоединилась к группе сельских коммунистов, оставшихся для подпольной работы. В Ворголе и соседних с ним селах застряли раненые красноармейцы и командиры. Эвакуировать этих раненых не успели, и Дина взяла их на свое попечение. Она разъезжала по колхозам своего участка, перевязывала раненых, укрывала их у надежных людей; в селе Яцыне организовала в хате одного колхозника настоящий госпиталь. Но мало

было вылечить людей — надо еще позаботиться об их дальнейшей судьбе. Дина и это взяла на себя. Выздоровливавших она отправляла в лес к партизанам или с помощью партизан переправляла через линию фронта, пока фронт не отодвинулся далеко от Путивля. Попутно она вела разведку для нас. В селе Новая Слобода таким же делом занимались связанные с нами фельдшерицы Галина Борисенко и Матрена Бибина. Вскоре все эти смелые девушки пришли в Спадшанский лес, вступили в наш отряд. Так организовалась у нас санчасть. Начальником ее мы назначили Дину. Ей удалось перетащить в лес со своего врачебного участка медикаменты, перевязочный материал и весь имевшийся там инструментарий для скорой помощи. Хорошо помогали нам и сельские учителя, особенно те, которых Базима и Петышкин лично знали по совместной педагогической и общественной работе. Мы провели с учителями в селах несколько нелегальных собраний. Одно из них было посвящено преподаванию истории.

Путивляне издавна гордятся тем, что их город упомянут в «Слове о полку Игореве». Городской вал, сохранившийся со времен знаменитого похода Игоря Святославича, — излюбленное место прогулок нашей молодежи. В путивльском музее собрано много экспонатов, напоминающих о славном прошлом нашего города, о совместной борьбе русско-го и украинского народов за родную землю.

Гитлеровцы пытались заставить народ забыть о его героическом прошлом. Начали они с того, что запретили в школах преподавание истории. Мы потолковали с учителями и попросили их подумать, как бы восстановить уроки истории. Первой на наше предложение откликнулась молодая учительница из села Яцына — Вера Силина. Подумав, она решила, что лучше всего связать преподавание истории с уроками грамматики. Придя на урок, она дала ученикам для грамматического разбора предложение, в которое входили слова «Союз Советских Социалистических Республик».

— НАДО было видеть, — радостно рассказывала она потом, — как загорелись глазенки у детей, когда они слышали эти слова.

Так, подбирая для грамматического разбора предложения, в которые входили особенно дорогие народу слова, Вера Силина незаметно втягивала учеников в беседы о Родине. И такие нелегальные уроки истории стали любимыми у детей. Запуганные фашистскими палачами, виселицами и расстрелами, разучившиеся уже было громко разговаривать, дети после этих уроков ожили, почувствовали себя снова советскими школьниками.

Чем смелее мы действовали, тем больше становилось людей, которые нам помогали, и тем отважнее они действовали.

Вскоре в Яцыне у нас уже было много помощников. Здесь при школе возникла тесно связанная с нашим отрядом подпольная комсомольская организация. Молодые подпольщики регулярно доставляли нам сведения о передвижениях немецких войск по району.

ПРАЗДНИЧНЫЕ ПОДАРКИ

Алексей Ильич вернулся из Харькова, как настоящий Дед-Мороз — к празднику: мы готовились к встрече двадцать четвертой годовщины Октябрьской революции.

— Только, хлопцы, не гневайтесь, — сказал он, — подарков я вам не принес.

Мы ждали с Большой земли рацию. Алексею Ильичу не удалось ее получить, но командование, с которым он установил связь в Харькове, взяло наши координаты, и обещало, что рация будет сброшена нам с самолета. Хорошо уже было то, что на Большой земле узнали о нашем существовании в Спадщанском лесу.

Вероятно, не только я — многие путивляне представляли себе тогда Москву, Кремль, кабинет, большую карту на стене, маленькое зеленое пятнышко на ней к северо-западу от Путивля и руку, делающую на этом зеленом пятнышке отметку красным карандашом.

Вернулся Дед-Мороз, и в землянке сразу как-то уютнее стало. Какая бы погода ни была — Алексей Ильич в валенках, а то и в овчинной шубе. Выпьет несколько кружек горячего чая и еще к печке подсаживается поближе, пока не взмокнет так, что пот с него дождем льет.

— Эх, в баньку бы с дороги! Попарить старые кости, — вздыхает он.

Вот, кстати, и новое дело старику нашлось: поручили ему перевезти баню с лесосплава в расположение наших землянок. Ему все по плечу — мастеровой человек! Чему он только не научил наших людей в лесу! Сапоги должны быть смазаны — это закон. Приходилось самим гнать деготь. Кто сведущ в этом деле? Алексей Ильич. Или вот стирка белья — щелок надо было вываривать из золы. И тут Дед-Мороз поучит. Рядом с землянкой — муравьиная куча. Кто знает, что эта куча — лучший санпропускник? А Алексей Ильич, как только увидел, что люди стали почесываться, объявил приказ по землянкам:

— Снимайте на ночь белье, суйте в муравейник.

Весело рассказывал нам Алексей Ильич о том, как он через фронт переходил. Рассказывает, а у самого слезы от смеха и трясется весь.

С ним шла группа красноармейцев-окруженцев, он был у них проводником. В одном месте «свиным шляхом» нельзя было пройти. Пришлось выйти на большак. Бойцы усомнились, спрашивают: «Куда, дед, ведешь? Видишь, как дорога наезжена немецкими машинами». А Дед-Мороз цокаывает на поля. Время было уборки картофеля — на полях полно народу. Говорит: «Свой народ — не выдаст». Пошли они по большаку; как только увидят машину с немцами, рассыплются по полю и делают вид, что картошку выбирают. Колхозницы благодарят: «Спасибо, товарищи, за помощь». А мужчины смеются: «Попутчики, значит. Мы такие же копальщики, как и вы: в одну сторону пробираемся». Тогда много людей пробиралось к фронту картофельными полями.

После возвращения. Алексея Ильича мы провели во всех селах и хуторах вокруг Спадщанского леса праздничные митинги, рассказали

правду о положении на фронте — то, что узнали от Деда-Мороза. Население приободрилось. Ведь немцы объявили уже, что и Москва взята ими.

Порадовал народ нас в эти дни своим вниманием, заботой. В селе Стрельниках, где Базима учительствовал много лет, после проведенного партизанским агитатором митинга колхозники выгрузили из амбара все зерно на подводы, выгнали со скотного двора телят и отправили нам целый обоз подарков. Мы отказывались, говорили, что у нас всего хватит, но колхозники настаивали:

— Пожалуйста, возьмите, а то фашисты заберут.

В канун праздника встретили наши дозоры в лесу хлопчика лет тринадцати. Ведет вола. Спрашивают его:

— Ты куда это, малый, с волом?

— Народ послал до вас делегатом!

— Какой народ?

— Новошарповский колхоз. Завтра же праздник Октябрьской революции. Вот вам и отрядили в подарок вола. Вы, дяденька, его зарежьте — и будет к празднику мясо до борща. Он, вол-то, хороший, жирный.

ПРИБЛИЖАЕТСЯ ЗИМА

Спустя несколько дней после Октябрьских праздников наши разведчики заметили на восточной опушке колонну немецкой пехоты, движущуюся по дороге от Путивля на север, мимо леса, — человек семьдесят с автоматами и ручными пулеметами. Я сейчас же послал на северную опушку, в кустарниковые заросли, к Старой Шарповке, группу в тридцать человек. С ней пошел Руднев.

Вскоре более многочисленная колонна противника стала приближаться к южной опушке леса. И на карту не надо было смотреть, чтобы разгадать замысел немцев. Ясно было, что северная колонна послана с целью выманить нас из леса, оторвать от основной позиции, от базы, чтобы потом ударить нам в тыл. Я решил так: пусть они хитрят, а мы будем придерживаться своего плана. Прежде всего — не разбрасываться: сначала помогу Рудневу, а потом уже вместе повернем для отражения атаки с юга.

У северной опушки, подходя к Старой Шарповке, немцы развернулись. Я выдвинулся со своей группой вперед и обстрелял их из танка орудийным огнем. Немцы стали уклоняться от опушки, где их поджидал Руднев. Видя, что враги уходят, Семен Васильевич разбил своих бойцов на две группы. Он хотел отрезать противнику движение вперед, одновременно зайти ему в тыл и прижать к реке Клевени. Но немцы, попав под огонь танка, очень быстро проскочили через Старую Шарповку: когда партизаны вышли к ветряку на западной окраине села, фашисты были уже на лугу за рекой. Поспешность, с которой они

отошли за Клевень, подтверждала мою догадку: они действительно хотели выманить нас из леса. Это им не удалось. Руднев преследовал их ружейно-пулеметным огнем, а я сейчас же повернул танк, чтобы ударить по наступавшим с южной опушки.

Немцы между тем оттеснили заставу и частью сил прорвались к землянкам. Слышны были доносившиеся оттуда выстрелы и разрывы гранат.

С танком напрямик лесом не пройдешь, нужно было кружить по дорогам между болот. Бойцы одни, без танка, быстрее могли добраться до землянок. Я приказал им бежать туда, а сам повел танк. Дорога узкая — наскочили на толстое дерево. Вперед — нельзя, и назад танк не идет. Водитель заглушил мотор. Пушкарь говорит:

— Теперь прочно стали на позицию.

Позиция оказалась подходящей: стоим на высотке; впереди лес довольно редкий — обстрел хороший.

Подоспели мы как раз вовремя. Со стороны землянок прямо на танк бежали враги. Первая мысль была, что это атака, но нет, что-то не похоже — бегут беспорядочно и танка, видимо, не замечают.

Оказалось, что у землянок фашистам дали уже жару, хотя там оставались только больные. Одну из землянок немцы окружили. В ней было три бойца, в числе их — разведчик Попов Василий Фомич, партизан гражданской войны. Снаружи кричат: «Сдавайся!» Изнутри никто не отвечает. Немцы бросили гранату в дымовую трубу. Партизаны укрылись от нее досками от нар. Решив, вероятно, что в землянке никого в живых нет, немцы подошли к окошечку, чтобы заглянуть внутрь. В этот момент Попов дал по ним очередь из автомата — убил офицера и несколько солдат. Остальные отбежали от землянки и попали под огонь посланных мною бойцов.

Потом, уже в панике, немцы наскочили на меня. Я встретил их огнем из танка. Они шарахнулись в сторону и заметались, не зная, как выскочить из этого проклятого леса: здесь болото — утонешь, там чаща — не пройдешь, а тут словно из-под земли на высотке вдруг танк появился и бьет прямо в упор. Словом, настоящая чертовщина, дай бог ноги унести.

В этом бою противник потерял около двадцати солдат и одного офицера, а мы опять обошлись без потерь, только пятки поотбивали и вспотели сильно, бегая взад и вперед по лесу. Но в том, что мы могли бегать по лесу, не боясь потерять ориентировку, и было, собственно говоря, наше главное тактическое преимущество над противником, который двигался в лесу как слепой.

*

Нет такой карты Спадшанского леса — да и представить ее нельзя, — по которой мог бы работать мой начальник штаба. На его обязанности лежало определение мест для постов, засад, секретов, застав, выбор позиций обороны на всякий возможный вариант наступления

противника. Так изволь не только каждую высоту, болотце, опушку, каждое дерево изучить, но и знать, откуда какой сектор обстрела и наблюдения. Григорий Яковлевич Базима предпочитал карте работу прямо на местности.

Вот, к примеру, увидел он оригинальную березу. Из земли один пенек торчит, а из него три ствола растут: два по бокам, один сзади, и все с выгибом, как будто кто-то сидел на стволах, когда они прорастали. Готовое кресло, к тому же и мягкое: пенек весь во мху. Впереди что-то вроде просеки — полосочка редкого леса, небольшой просвет. Чем не замечательный пост! Сидеть удобно, маскировка готовая и наблюдение исключительное. И сколько таких мест, подготовленных для нас самой природой, нашел Григорий Яковлевич в Спадшанском лесу!

Ходит он по лесу не торопясь, поглядывает по сторонам, точно грибы собирает. И по виду-то он больше на грибника похож, чем на начальника штаба. Из города в лес пришел в плаще. Планшетку с собой захватил — кажется, она у него со времен первой мировой войны, — а теплого ничего не взял. Первые дни все ежился, у костра грелся. Потом променял у какого-то знакомого колхозника свой городской плащ на теплую фуфайку — обрадовался, а когда по утрам подмораживать начало, сшил себе из одеяла не то пальто, не то халат — вернее, просто мешок с дыркой для головы. И чувствовал себя прекрасно.

Но вот я заметил, что Григорий Яковлевич начал что-то засиживаться за картой. Придет в землянку, наденет очки, разложит на століке одноверстку и сидит над ней молча, свертывая одну сигарку за другой. И Руднев все чаще подходит к нему. Прикурит и долго стоит, тоже смотрит на карту.

И на столе уже не только карта Путивльского района, а и листы прилегающих к нему с севера районов, которые до сих пор не раскладывались. От Спадшанского леса взгляд Григория Яковлевича медленно поднимается выше — за Клевень, за Вишневые горы, к лесам Марица, Кочубейщина, Довжик, еще выше, за Глухов, к Хинельским лесам. И Руднев косится туда же. И самого меня начинает тянуть к карте. Встаю, надеваю очки, заглядываю через плечо Григория Яковлевича, и взгляд мой тоже невольно поднимается от Спадщины к северу, туда, где на карте всего больше зеленых пятен, где они сливаются в одно сплошное зеленое поле: к южной зоне Брянских лесов.

Несмотря на все наши успехи, с приближением зимы мы не могли не думать о том, насколько труднее станет нам жить в Спадшанском лесу, когда по болоту Жилень, до сих пор надежно прикрывающему нас с запада, можно будет не только пройти, но и проехать, когда замерзнут все лесные болотца, окружающие наши землянки, когда опадут последние листья, лес поредеет и там, где можно было пройти в двух шагах от землянки и не заметить ее, станет просвечиваться от одной дороги до другой. К тому же для нас не было тайной, что в Путивле с каждым днем увеличивается число вражеских солдат и полиции.

Немецкое командование готовилось к новому наступлению на Спад-

...кий лес, как к серьезной военной операции. Вот почему приходилось подумывать об огромных лесах, лежащих к северу от Глухова, за Севском, Середина-Будой, вспомнить старые партизанские гнездовья, где 3 года гражданской войны собирали против немцев украинских танцев Щорс и Боженко.

Но разговоров об уходе на север у нас не было. Мы продолжали готовиться к зимовке в Спадшанском лесу.

НА СЕВЕР

Морозы, предвещавшие для нас бои, начались сразу сильные, болото Жилень быстро замерзло. Гитлеровцы зашевелились, и не только в Путивле. Наши разведчики, ездившие на базары под видом крестьян, а колхозники, являвшиеся нашими разведчиками, стали сообщать о движении автомашин с отрядами противника в сторону Путивля из Буряги, Коногопа, Кролевца, Глухова, Шалыгина. То в одном, то в другом селе — с юга, запада, севера и востока от Спадшанского леса, все ближе к нему — появлялись немецкие войска и полиция, стянутые из соседних районов.

В Октябрьские праздники мы задумали провести в одном из сел, •близи Спадшанского леса, районную учительскую конференцию. Агитационная группа под руководством Панина уже вела подготовку к конференции, втянула в это дело сельских учителей, налаживала связь с другими учителями из отдаленных сел, с городскими педагогами, намечала уже место и срок созыва конференции. Эту работу, которой мы придавали очень большое значение, пришлось прекратить. Положение стало настолько острым, что о созыве конференции не могло быть и речи. Вражеское кольцо вокруг Спадшанского леса быстро замыкалось. Из леса уже трудно было выходить. В селах и хуторах, где мы недавно открыто проводили собрания и митинги, откуда колхозники на подводах привозили к нам продовольствие, снова появились фашисты.

Выпал снег. Теперь в лесу уже не пройдешь, как осенью, когда дождь за тобой следы смывает. Немцам не надо было теперь искать предателей-проводников: от опушки по нашим следам они могли выйти прямо к расположению отряда.

Из-за этих следов, на которые мы невольно стали обращать внимание, обжитый уже лес сразу показался другим. Да он и действительно был уже не тот: как будто жили мы под крышей, а теперь оказались под открытым небом.

Некоторые партизаны, поторопившиеся с наступлением морозов обменять у колхозников свои сапоги на валенки, стали подумывать, не прогадали ли. Командиры поглядывали на карты, а бойцы — на обувь. У тех и у других мысль одна: все-таки, должно быть, предстоит далекий поход, придется уходить на север.

Во всяком случае, без отчаянной борьбы никто из путивлян не хотел покидать свое лесное гнездо, свой район, где не у одного Руднева — у многих оставались семьи, близкие, где колхозники смотрели на нас как на своих защитников.

Вскоре после Октябрьского праздника наша разведчица, поддерживавшая связь с семьей Руднева, сообщила, что его жена Домникия Даниловна решила перебраться с младшим сыном, семилетним Юриком, в Спадшанский лес, так как на хуторе нельзя больше жить — немцы уже, кажется, напали на ее след. В назначенный день мы встретили Домникию Даниловну на опушке леса у стога сена. Она прошла километров двадцать пять по глухим дорогам, прячась от немцев, неся на руках заболевшего сына. Семен Васильевич не знал, что ему делать. Обстановка складывалась такая, что взять семью в отряд он не решался, опасно было и отсылать ее назад. Долго стоял он с женой у стога в печальном размышлении. Оба боялись друг за друга, обоим хотелось быть вместе* в эти тяжелые дни, но надо было подумать и о ребенке. В конце концов Семен Васильевич решил поместить семью у одной знакомой старушки колхозницы, жившей в Новой Шарповке у самого леса. С неделю пробыла тут Домникия Даниловна, каждый день встречаясь на опушке леса, у колхозных сараев, с Семеном Васильевичем и Радиком.

Между тем кольцо немецких войск вокруг Спадшанского леса все стягивалось и стягивалось. В Новой Шарповке, несмотря на все принятые нами меры конспирации, многие догадались, кто такая эта впервые появившаяся в деревне женщина с мальчиком, узнали о ее встречах с Рудневым. И тут оставаться дольше стало очень рискованно. Пришлось Семену Васильевичу искать для семьи другое пристанище. В Моисеевке, родной деревне Рудневых, — это в другом конце района — скрывался бежавший из немецкого плена брат Семена Васильевича. В эту деревню и отправил Руднев свою семью из Новой Шарповки, когда гитлеровцы стали приближаться к Спадшанскому лесу. Далеко по дороге провожал он с Радиком Домникию Даниловну и младшего сына. Всё никак расстаться не могли. Обнимутся уже, попрощаются и опять идут вместе. А потом расстались и долго махали руками друг другу, стоя на дороге.

Прошло несколько дней после этого, и фашистские войска появились во' всех деревнях, прилегающих к Спадшанскому лесу. В операции участвовало около трех тысяч солдат и полицейских. В нашем отряде к этому времени было семьдесят три бойца. Такое неравенство сил не очень пугало нас. Мы были уверены, что и на этот раз устоим, что страх у немцев перед Спадшанским лесом еще достаточно велик и при всей своей многочисленности они будут действовать в лесу по-прежнему трусливо. Продержаться бы еще немного, думали мы, и нам сбросят обещанную рацию — ведь координаты наши известны, расположение наше отмечено на карте, а тогда, установив регулярную связь с Большой землей, мы будем знать, что делать дальше. Самое главное — получить рацию. Мы ждали ее со дня на день, прислушивались к шуму

пролетающих над лесом самолетов: не свой ли, советский, красноречивый, не нас ли ищет, чтобы сбросить ракету? А где он нас найдет, если мы уйдем отсюда? Покружится и улетит назад — не искать же с воздуха наших следов по лесам! Мы и без того очень боялись, как бы при эвакуации Харькова наши координаты не были утеряны.

1 декабря вражеские войска пошли в наступление. Наша тактика заключалась в том, чтобы заманить противника поглубже в лес и здесь бить его, не распыляя сил отряда. Круговая оборона была построена вокруг наших баз-землянок. В центре был танк. Он так и остался на той высоте, где застрял в последнем бою, когда наскочил на дерево.

По окружности оборона отряда занимала около двух километров. В некоторых местах, где было много труднопроходимых оврагов, бойцы окопались на расстоянии ста и больше метров друг от друга, только чтобы поддерживать между собой зрительную связь. Большинство бойцов были собраны на нескольких наиболее опасных участках. На левом фланге расположились боевые группы, общей численностью в тридцать три бойца, под командой Руднева. Противоположную сторону обороны, лицом к Жилени, заняли боевые группы, объединявшиеся Базимой, — тридцать бойцов. Там были и Курс с минометом, и Дед-Мороз, засевший с несколькими разведчиками в засаде. Танк должен был прикрывать землянки и поддерживать огнем все группы.

Бой начался около десяти часов утра.

И на этот раз танк, хотя он был уже неподвижный, сослужил нам очень хорошую службу. Высота, на которой он стоял среди редкого леса, оказалась неприступной крепостью. Со стороны Новой Шарповки гитлеровцы подходили к ней так близко, что были видны лица солдат. Танк встречал немцев огнем, они рассыпались, отбегали, собирались, снова шли в атаку и опять отступали, оставляя убитых, которых наш танкист-пушкарь, высываясь после стрельбы из люка, подсчитывал про себя, тыкая пальцем в воздух. Не помню его фамилии — такая, что никто выговорить не мог. Все звали его по имени, Абрам, или просто Пушкарь.

Один раз фашисты уже чуть было не подобрались к самому танку, их отделяло от него несколько десятков шагов, несколько деревьев. Но танкисты, по моей команде, вовремя повернули башню, а Абрам двумя или тремя снарядами раскидал по лесу приближавшихся врагов. Их было человек семьдесят.

Я не отходил от танка, все время подавал команды Пушкарю, корректировал его стрельбу. У меня не выходила из головы мысль: «Танк — наша крепость; если немцы прорвутся здесь, все пропало».

Рядом со мной во время боя была медсестра Галя Борисенко. От огня противника мы с ней укрывались за деревьями: я — за одним, она — за другим. Я танком командовал, а Галя — мною.

— Да станьте вы за то дерево — потолще все-таки... Сидор Артемович, да не высывайтесь... Залезайте лучше в танк. Дина сказала, что я за вас отвечаю, так что извольте подчиняться...

Конечно, танковая броня — более надежное укрытие, чем дерево, но в танке — может, это с непривычки — я ничего не видел и не слышал, как будто меня наглухо колпаком накрывали, а стоя возле него, я не только наблюдал все подступы к высотке, но по выстрелам и головам, хорошо разносящимся по лесу, ясно представлял себе все, что происходит, мог в любую минуту направить огонь туда, где он больше всего был нужен. Башня танка непрерывно вращалась. Абрам так хорошо знал лес, что стрелял по направлению звука, как по видимой цели. Один вражеский крупнокалиберный пулемет, бивший со стороны Жилени на участке Базимы, замолк после нескольких выстрелов нашего Пушкаря.

В этом бою по всему кругу обороны партизаны дрались, не сходя с места, если не считать коротких контратак. Немцы пытались прорваться к землянкам со всех сторон. Они проникали в лес и через урочище Жилень, воспользовавшись тем, что болото замерзло. Тут у них действовала даже кавалерия. От нее отбивался Дед-Мороз со своими разведчиками.

Граничащий с Жиленью участок леса зимой оказался самым уязвимым. Боевые группы Базимы с трудом отражали атаки наступавшей здесь под прикрытием станковых пулеметов пехоты противника и его кавалерии, пытавшейся прорваться к нам в тыл. В критический момент на помощь Базиме прибежал Руднев, только что отбивший атаку на своем участке. Увидев комиссара, который бежал прямо на врагов и на ходу стрелял, бойцы поднялись и с криком «ура» устремились за ним. Первыми поднялись бойцы группы Карпенко — те самые, которые кричали, что в партизанском отряде ни к чему армейские привычки, что они не желают знать комиссара. Теперь эти люди готовы были идти за ним в огонь и в воду.

Еще до того, как гитлеровцы начали атаки, всем нам было ясно: если не выдержим, все погибнет, погибнет отряд, все дело путивлян. Бой продолжался дотемна. Народ наш выдержал.

Немцы отступили, ушли на ночь из лесу, не подобрав трупов — их было сотни полторы. Мы захватили пять пулеметов и миномет с несколькими минами. Но за день у нас были израсходованы почти все боеприпасы, и это заставило меня сейчас же после боя задать Алексею Ильичу вопрос, который давно был в мыслях:

— Знаешь, Ильич, путь в Брянские леса?

Ильич сразу меня понял:

— Значит, все-таки в поход?

— В поход, Ильич!

— Что ж, добре. Проведу хлопцев по старым партизанским тропкам.

Итак, из Путивльского района нам пришлось уйти. Я приказал снять с танка вооружение и заминировать его. Все, что не могли взять с собой, зарыли в землю. Сахар, наваренное нам колхозниками варенье и небольшое количество сухарей выдали бойцам на руки.

В приказе, объявленном по отряду, говорилось:

«Дабы сохранить людской состав для дальнейшей борьбы, считать целесообразным 1/XII 1941 года в 24.00 оставить Спадшанский лес и выйти в рейд в направлении Брянских лесов».

Я писал о выходе в рейд, чтобы сказать этим, что мы еще вернемся в свое родное гнездо, что уходим не надолго, не предполагая, конечно, какой смысл приобретет для нас в будущем это слово «рейд».

ПРИСЯГА

Перед уходом из Спадшанского леса путивляне похоронили трех бойцов: Ильина, Челядина и Воробьева. Недолго они воевали, но мы никогда не забудем этих первых павших в бою партизан. Место для их могил выбрали недалеко от землянок, в глухой чаще, чтобы враги не нашли могилы и не осквернили их. Земля уже промерзла, рыли с трудом, торопились. За ночь надо было выйти из лесу и скрытно проскочить между хуторами, в которых расположился после боя противник, намеревавшийся утром возобновить наступление.

Перед могилой собрались все наши семьдесят бойцов и командиров с оружием, гранатными сумками, заплочными мешками. Тут же стояли две запряженные в подводы лошади — наш обоз.

Было темно, люди стояли молча, и вдруг раздался голос:

— Товарищи! Поклянемся!..

Кто говорит, не видно, только по голосу узнали: Руднев.

Все придвинулись к могиле, сбились вокруг нее тесным кругом.

Что было тогда у людей на душе, всё сказали они в клятве, которую произнесли, повторяя слова комиссара. Высказали всю накипевшую злобу, всю ненависть к фашистам — за погибших товарищей, за то, что приходится уходить из родного района, за семьи, оставшиеся в селах. За все клялись мы отомстить — и за то, что, может быть, завтра прилетит с Большой земли самолет и не найдет нас в Спадшанском лесу.

Ночью отряд выступил в поход. Вперед пошли три разведчика, за ними двинулся во главе с Рудневым и Дедом-Морозом строй бойцов. Я шел замыкающим рядом с саними, на которых везли раненых, пулеметы и миномет. В предыдущем бою осколок мины задел мне ногу. Ранка была пустяковая, и я сначала не обратил на нее внимания, но сапог натер ранку, она воспалилась и стала мучить. Когда двинулись в поход, я крепился-крепился, но потом не выдержал: присел на сани. Наш врач Дина, донимавшая меня в землянке марганцевыми ванночками и притирками, теперь выполняла роль связного. Только она одна имела в походе верховую лошадь — маленькую шустрю коняшку — и, поддерживая связь между мною и комиссаром, все время носилась вдоль растянувшегося строя.

Против северной опушки леса по реке Клевени гитлеровцы расположили свои заставы, предполагая, что если мы попытаемся вырваться

из окружения, то можем сделать это только здесь, чтобы, проскочив через речную низину, выйти сразу в леса урочищ Вишневые горы, Ма-рица и Кочубейщина.

Мы же решили прорываться на восток открытой местностью. Путь наш пролегал между Новой Шарповкой и Кардашами на село Стрельники. И оттуда уже он сворачивал на север, за Клевень.

Отряд проходил между хуторами, в которых заночевали после боя немцы. Надо было проскользнуть тихо-тихо в нескольких стах метров от них. Сначала мы пробирались от перелеска к перелеску, а потом вышли на чистое поле. Ночь была темная, но мы все-таки боялись, что немцы заметят нас. Иногда вдруг на самом опасном месте колонна останавливалась. Дина, подъезжая ко мне на своей коняшке, по груди зарывавшейся в снег, докладывала вполголоса, что передние выбились из сил — снег метровой глубины.

— Вперед! Вперед! — торопил я.

К утру Дед-Мороз вывел отряд за Клевень.

Чтобы стянуть к Спадщанскому лесу три тысячи солдат и полицейских, оккупанты вынуждены были оставить без гарнизонов несколько районов. К северу от Клевени путь оказался совершенно свободным. Оставшиеся кое-где небольшие полицейские группы разбегались при нашем появлении. Только в одном селе несколько не успевших удрать полицейских попытались оказать сопротивление. Они были перебиты.

Вступая в села, бойцы с ожесточением рубили приготовленные фашистами виселицы. Руднев с Паниным собирали колхозников, проводили митинги, говорили народу, что мы скоро вернемся, чтобы нас ждали, не выполняли немецких поставок, зарывали хлеб в землю.

Поход продолжался четыре дня. За это время мы прошли маршем сто шестьдесят километров, пересекли Путивльский, Шалыгинский, Эсманский районы и вышли в Севский район, Орловской области. Отряд остановился в селе Хвощевке, на опушке Хинельских лесов.

Этот лесной массив лежит к югу от Хутора Михайловского, за которым начинаются уже Брянские леса, и тянется он широкой полосой с запада на восток, от Новгород-Северского к Севску. Нам представилось выгодным обосноваться именно здесь: мы не отрывались от своего района, имели возможность всегда вернуться в него и в то же время у нас был надежный тыл — Брянские леса.

Хорошей базой для отряда мог служить лесокombинат, расположенный в тридцать пять квадрате лесного массива. С целью разведки туда было послано несколько бойцов во главе с Дедом-Морозом. Вернувшись, Алексей Ильич сообщил, что в поселке лесокombината живет какой-то странный народ. Большинство занимается сапожным делом, но видно, что люди все нездешние, пришлые, должно быть скрываются от немцев. Узнать от них ничего нельзя, к новым людям относятся с подозрением, боятся, не подосланы ли полицией. Вблизи поселка — землянки, построены недавно, пустые; говорят, что в этих землянках жили какие-то партизаны, но где они сейчас, никто не знает или не

хотят говорить. В одном доме нашли человека, спрятавшегося в чулане. Хозяйка долго не хотела открывать этот чулан, а когда ее убедили, что бояться нечего, крикнула что-то через дверь.

Дверь распахнулась. На пороге стоял испуганный человек с пистолетом в руке. Видно было, что он решил не даваться живым в руки врага. Дед-Мороз вступил с ним в переговоры — кто такой, чего прячется. Долго они прощупывали друг друга, не выпуская из рук оружия, пока оба поняли, что люди свои. Этот человек, сидевший в чулане с пистолетом в руке, оказался командиром партизанского отряда, только будто бы в лес собирался уходить, но толком объяснить, где его отряд, не мог — разбрелись куда-то люди, и всё.

— Не пойму, что за партизаны, чего они так поховались... Не ясная обстановка, — сказал Алексей Ильич.

Отряд двинулся в глубь леса. И 8 декабря мы заняли лесокombинат. В поселке было много свободных домов. Тут расположились штаб, хозяйская часть, санчасть, разведка и одна боевая группа. Остальные группы разместились в лесу, в пустовавших землянках.

Поговорили с людьми, жившими в поселке, со всеми этими «сапожниками». Как мы и думали, это были частью военнослужащие, попавшие в окружение, пробиравшиеся откуда-то издалека и застрявшие здесь, частью партизаны, которым надоело сидеть в лесу, ничего не делая. Поставили перед ними вопрос прямо: «Что же вы, дорогие товарищи, всю войну будете сапожничать?» Люди откровенно сознались: «А что делать, если нет даже патронов? То ли пробираться через фронт — так где он, фронт, неизвестно, — то ли в лес уходить к партизанам. А что толку в лесу сидеть? Мы сидели в землянках, а потом сами же в поселок вернулись». Спрашивают нас: «Нет ли у вас, товарищи, радио? Не знаете ли, что на фронте происходит?» Чувствовалось по всему, что страшно оторвались эти люди от жизни, а слышали бы голос с Большой земли, сразу забросили бы сапожные колодки, взялись бы за настоящее дело.

Радио у нас не было, но, поговорив с Рудневым, мы нашли способ встряхнуть этих людей. На исходе был третий месяц существования Путивльского отряда. Эту дату предполагалось ознаменовать принятием присяги. Сейчас это было как нельзя более кстати. Надо только сделать все, решили мы, чтобы наша клятва Родине была произнесена в торжественной обстановке, по-армейски, и на виду у всех собравшихся в поселке.

11 декабря я отдал приказ о приведении к присяге бойцов и командиров отряда.

Боевые группы выстроились возле штаба. После команды «Смирно, под знамя!» знаменосцы пронесли перед фронтом боевых групп знамя отряда и остановились с ним у стола, на котором лежал текст присяги. Он был составлен нами.

Я обратился к бойцам и командирам с короткой речью. Подвел итоги трехмесячной борьбы и сказал, что, когда мы уходили из Путивля,

каждый из нас в душе поклялся бороться, не считаясь ни с чем, до полной победы; недавно мы повторили эту клятву над могилой своих товарищей, павших смертью храбрых, а сегодня поклянемся еще раз здесь, в Хинельских лесах, дадим святую воинскую клятву. И я первым прочел текст присяги: «...как партизан клянусь перед всем советским народом, перед партией и правительством, что буду бороться за освобождение моей Родины от ига фашизма, До полного уничтожения его».

Выступил с речью и Руднев, потом все в порядке старшинства читали присягу, подписываясь на обороте. Я поздравлял каждого присягавшего. Все это, как и следовало ожидать, произвело большое впечатление не только на принимавших присягу, но и на окружающих нас людей.

В тот же день, идя по поселку, я заглянул в один, другой дом. Спрашиваю: «Ну, как дела? Не возьметесь ли шить сапоги для нашего отряда?» — «Нет, — говорят, — довольно посапожничали, хватит, надо воевать».

*

Регулярных немецких войск в районе Хинельских лесов не было, в селах имелись только небольшие полицейские группы. После занятия лесокомбината отряд приступил к их уничтожению. За несколько дней были очищены от полиции все окрестные села. Во время этой операции партизаны захватили на немецких базах много оружия, боеприпасов, лошадей, обмундирования и продовольствия. Часть продовольствия сейчас же была роздана населению. На паровой мельнице лесокомбината начался помол зерна, в пекарне — круглосуточная выпечка хлеба и заготовка сухарей.

Мы и здесь почувствовали себя хозяевами. Одного только нам не доставало: не знали, что происходит на Большой земле. И вот однажды приходит в штаб какой-то человек и сообщает под секретом, что у него есть радиоприемник; он ежедневно слушает Москву, — в Москве все в порядке, наступление немцев как будто приостановлено. Человек этот назвался учителем, сказал, что живет неподалеку, около леса. Где у него радиоприемник, я не стал расспрашивать — не до того было. Шутка ли сказать — Москву слушает! Да и он сам, вероятно, не хотел говорить, где находится приемник. Я сразу отнесся с доверием к этому человеку, решил, что он свой. Так оно и оказалось. Это был один из подпольщиков, оставленных здесь парторганизацией. Он обещал регулярно передавать нам сводки Совинформбюро, которые записывал от руки.

Условились, что я буду посылать в лес в указанное место, к определенному часу кого-нибудь из партизан и посланный будет записывать сводку, которую продиктует ему учитель.

В тот же день боец, посланный в лес, принес сводку Совинформбюро. Это было событие, которое сейчас кажется вехой, отмечающей крупный поворот на нашем пути.

Руднев начал читать сводку вслух, но все три деда — я, Базима и Алексей Ильич — надели очки; ладно, он прочтет, а потом мы сами бу-

дем читать. Каждому хотелось собственными глазами увидеть дорогие слова из Москвы. Я боялся, что бумажку так захватают, что буквы совсем сотрутся, ничего не разберешь, и велел достать чернила и переписать сводку. Переписывать принялись все, кто только ни прибежал в штаб, услышав, что там читают сводку Совинформбюро. Дождался наконец наш народ весточки из Москвы!

В дальнейшем был установлен порядок: как только приносят из лесу сводку, сейчас все, у кого хороший почерк, переписывают ее и несут в партизанские землянки и в окрестные села.

13 декабря боец, посланный в лес за сводкой, принес сообщение Совинформбюро о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. Вот это был праздник! Все бойцы и командиры тотчас засели за переписку. В домах поселка, в лесу, в землянках — все писали карандашами и чернилами, писали на чем попало: на листках из тетрадей, из блокнотов, на страницах, вырванных из книг, на обрывках старых газет. Панин бегал, собирал написанные от руки листовки и отправлял в села агитаторов.

Как раз в это время у нас окончательно оформилась и парторганизация отряда. Панин был выбран секретарем партбюро. По профессии он каменщик, в годы первых пятилеток работал на стройках. Там он и выдвинулся, был взят на профработу, потом переброшен на партийную. Спокойный человек и очень скромный — из тех людей, которые горы сворачивают, но не шумят об этом. Ему всегда казалось, что он должен делать больше, чем он делает, и если я или Руднев заговаривали о том, кому бы поручить то или иное дело — все равно какое: боевое, политическое или хозяйственное, — Панин убеждал, что это дело надо поручить ему. И мотивировка у него обычно бывала такая:

— Я свободнее всех.

Не знаю, почему ему казалось, что он загружен меньше, чем другие. На этом основании он даже выговорил себе право в качестве «общественной нагрузки» варить суп для товарищей, с которыми жил вместе при штабе. Стряпней он занимался с такой же добросовестностью, как и любым делом.

ОТРЯДЫ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ

Совсем по-другому стало в Хинельских лесах, когда народ узнал о победе, одержанной Красной Армией под Москвой. Вьюга гуляла, деревья трещали от мороза, а в лесу началось оживление.

Кто-то обнаружил под снегом несколько патронов и вспомнил, что осенью здесь дралась в окружении красноармейская часть. Десятки людей сейчас же вооружились лопатами, перевернули горы снега, и оказалось, что в Хинельских лесах целые россыпи патронов. На золотую жилу не так бы ринулся народ, как на эти россыпи. Патроны были для нас дороже золота.

Много пота пролили путивляне, пополняя свои иссякшие боезапасы. Сколько километров прошли бойцы глубоким снегом с лопатами в руках, собирая в карман по одному патрону! За несколько дней целые гектары были расчищены от снега.

Отряд начал быстро расти. Прежний порядок приема новых бойцов оказался уже непригодным — и мы больше не требовали от добровольцев письменных заявлений, зачисляли их по-армейски, приказом, целыми группами, хотя по-прежнему со строгим отбором. До того как подписать приказ о зачислении новых бойцов, я беседовал с каждым из них и предупреждал: «Подумай, не будет ли тебе трудно у нас». Для того чтобы люди, вступавшие в отряд, были готовы ко всему, я говорил им о таких трудностях, которых мы сами еще не переносили, нарочно преувеличивал. Некоторые пугались, говорили, что подумают, и уходили в другие отряды. Оставались орлы.

Обстановка подсказывала, что теперь надо создавать более крупную боевую единицу, способную не только совершать диверсии, очищать от полицаяв окрестные села, но и громить войсковые гарнизоны противника, вести бой на их уничтожение. В то же время не хотелось, чтобы отряд хоть сколько-нибудь потерял в своей маневренности из-за того, что слишком разросся.

В Хинельских лесах мы были уже не одни: возродился распавшийся было Севский партизанский отряд, возникла партизанская группа из бывших военнослужащих, впоследствии отряд имени Ворошилова, сформировалась группа партизан Ямпольского района, из которой тоже вырастал отряд. Все эти отряды были подняты с помощью путивлян, и в случае необходимости мы, конечно, могли договориться с ними действовать сообща.

Неподалеку, в Барановском лесу, базировался небольшой отряд партизан Эсманского района.

С командиром и комиссаром эсманцев мы познакомились в селе Комаровке. В этом селе предполагалось встретить Новый год. Мы приехали туда, чтобы подготовиться к празднику, но пришлось заниматься другим делом. Эсманцы сообщили нам, что немцы выслали против них карателей, собираются уничтожить отряд. Мы решили помочь своим соседям и прежде всего вместе с их разведкой послали свою в село Уланово, где расположились фашистские каратели перед походом в Барановский лес. Разведчики поехали на санях. В числе их был председатель Эсманского райисполкома товарищ Копя. Ему не повезло. Когда разведка, попав под огонь немецкой заставы, повернула назад, он вывалился из саней, и немцы схватили его. Узнав об этом, мы немедленно перешли в наступление силами обоих отрядов под прикрытием огня двух минометов.

После часового боя каратели были разгромлены, но товарища Копя спасти не удалось. Он был уже расстрелян фашистами. Партизаны нашли его труп в селе. Мы решили крепко отомстить за Копя. Тут же совместно с эсманцами был разработан план общей операции по

разгрому немецкого гарнизона в районном центре Эсмань. Налет мы произвели в ночь на 1 января. Новый год нам хорошо помог. Немцы перепились, и мы, не потеряв ни одного человека, уничтожили в Эсмани немецкую комендатуру, районную полицию и узел связи.

Мы приходили к выводу, что наша тактика должна строиться на взаимодействии самостоятельных групп и отрядов, подчиненных одному штабу. Объединяя таким путем вокруг себя партизан соседних районов, Путивльский отряд мог оставаться сравнительно небольшим, легкоманевренным и в то же время имел возможность проводить крупные операции. Поэтому, если к нам приходило несколько партизан из одного района, из них создавалась новая боевая группа, а когда эта группа вырастала до размеров отряда, мы выделяли ее как самостоятельную боевую единицу, связанную с Путивльским отрядом только оперативным подчинением ему. Так постепенно сложилось наше партизанское соединение, называвшееся сначала Путивльским объединенным отрядом, а потом группой партизанских отрядов Сумской области.

★

После нашего ухода из Спадщанского леса гитлеровское командование в Путивле объявило, что партизаны уничтожены. Оккупанты осмелели, начали насаждать по всем селам полицейские гарнизоны, стали безудержно грабить население и зверски с ним расправляться. По особым спискам, составленным полицией, фашисты забирали в колхозах людей, связывали их, грузили на машины, увозили и уничтожали. Мы решили, что надо напомнить о себе в Путивле.

28 декабря, оставив в Хинельском лесу поднятые нами партизанские группы, Путивльский отряд направился в поход, чтобы, как говорилось в приказе, передислоцироваться в Путивльский район. Предполагалось выйти в восточную часть района, граничащую с Курской областью, к Новослободскому лесу, где до соединения со мной базировался Руднев.

Встретив на пути сильные заслоны противника, мы изменили маршрут—решили пройти в Путивльский район с другой стороны, западнее.

Повернув на север, отряд сделал большую дугу, прошел по краю Курской и Орловской области и 10 января вступил в Путивльский район через Глуховский, по пути очистив от полиции десяток сел и уничтожив несколько линий связи.

Отряд расположился в селе Когани, на реке Клевени. Отсюда до Спадщанского леса было не больше пятнадцати километров. Но теперь этот лес уже мало интересовал нас. Все изменилось: и размах наших действий и наша тактика. Обосновываться здесь или где-нибудь в другом месте мы не собирались. Достаточно было того, что имелась тыловая база в Хинельских лесах, а за ними еще более глубокая база — Брянские леса, куда в случае нужды можно было на время уйти.

Прекрасным местом для зимовки в Путивльском районе представлялся нам Новослободский лес, где на высокой круче над торфяным

болотом стоял старинный Софроньевский монастырь, обнесенный каменной оградой. Базима, ходивший туда в разведку, нашел монастырь пустым, встретил в нем одного только лесника, никуда не выходившего из лесу, с тех пор как пришли немцы. Соблазнительно было прожить эту на редкость морозную зиму в теплых домах, окруженных, как крепость, стеной, а кроме того, лесом и болотом. Но обосновываться в Софроньевском монастыре — значило обречь себя на окружение, на оборонительные бои. Мы решили не отказываться от широкой свободы маневра.

Когда отряд вышел на реку Клевень, немецкая полиция из ближайших деревень бежала в большое село Воргол. Ночью мы были уже тут. Я избрал своим командным пунктом крыльцо одного дома на окраине Воргола, и партизаны несколькими группами пошли на прочистку села. Проводниками были воргольские партизаны, в числе их наш врач Дина. Проводники показывали хаты, в которых размещалась полиция, хаты окружались — ни один полицейский не сумел улизнуть. Было выловлено и уничтожено несколько десятков полицейских.

На следующий день мы начали проводить в селах собрания колхозников. Это была вторая разъяснительная кампания, проведенная нами в Путивльском районе за время оккупации. Она продолжалась около недели. Агитаторами работали все. Каждый проводил собрание в том селе, где его лучше знало население. Мне, например, пришлось выступать перед колхозниками в селе Ховзовке. В 1939 году я был выбран от этого села депутатом в райсовет. Многие наши агитаторы тоже выступали перед своими избирателями.

— Несмотря на оккупацию района, деятельность Советской власти в районе продолжается, — говорили мы. — Депутаты выполняют наказ народа.

На всех этих собраниях стояло два вопроса: положение на фронте, сообщение о разгроме немцев под Москвой и задачи колхозников оккупированных районов в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Наше неожиданное возвращение в Путивльский район само по себе убеждало колхозников, что оккупанты не так уж сильны, как думали некоторые.

Прошла неделя, прежде чем фашисты, находившиеся в Путивле, решились на борьбу с нами. Кроме полиции, опять стянутой со всех соседних районов для борьбы с «вновь появившимися партизанами Ковпака», как оповещено было в городе, немецкое командование выделило батальон с тремя орудиями. Но в ночь на 18 января наш отряд ушел из Путивльского района и на другой день был за лесом Кочубейщина, под Глуховом.

В это время к нам чуть не ежедневно присоединялись десятки новых бойцов.

Есть в Слоутских лесах небольшое село Гутка. Мы пробыли в нем в конце января всего несколько дней, но это село стало нам родным. Здесь нас встретили одни только деды и сразу расхвастались:

— А у нас, товарищи, тоже есть свои хлопцы!

Своими хлопцами на Украине при немцах называли партизан.

Спрашиваю:

— Где же они?

Шепчут на ухо:

— В лесу, недалеко тут. Да мы зараз скличем тебе ихнего командира. Может, слышал — товарищ Кульбака?

На другой день после нашего прихода в Гутку здесь был небольшой бой. Подошел отряд немцев, около ста человек. Партизаны рассыпались цепью по окраине деревни. Завязалась перестрелка. Я стоял на крыльце. Вдруг вижу, из хаты деды выскакивают. Один, другой, третий... У кого берданка, у кого старая шомполка.

— Куда? — кричу.

Они бегут, руками машут, показывают в поле: немцы, мол, наступают, сейчас мы им жару дадим. Боевые деды! Едва уговорил их, что не следует зря соваться под огонь, без них справимся. Да помощи и не требовалось: немцы, потеряв убитыми с десятков солдат и офицеров, отступили от Гутки.

После боя приводят к нам гутковские деды своего партизана-командира. Одет по-граждански, на пиджаке медаль «За отвагу» — участник войны с белофиннами в 1939—1940 годах. Оказалось, что это Петр Леонтьевич Кульбака, работник глуховского райпотребсоюза, оставленный партийной организацией в районе для создания партизанского отряда. Мы с ним уже встречались. Он приходил к нам в Спадщанский лес на то самое совещание, которое было прервано появлением в лесу немецких танков. Потом он куда-то исчез со своим отрядом. Только теперь мы узнали, что глуховцы, действовавшие сначала рядом с нами, в урочище Марица, решили потом одни пробиваться в Брянские леса. Это им не удалось. Они попали в окружение и едва выбрались из него лесными тропками. После этого они осели в Слоутских лесах, выстроили здесь землянки и, как выразился Кульбака, «крепко законспирировались» — выходили из лесу, только когда снег заметал следы.

— Отряд маленький — всего двадцать четыре бойца. Далеко не высунешься! — пожаловался Кульбака. — Поддержку бы иметь, тогда совсем другое дело. Без поддержки, одни, что мы можем сделать! — сказал он.

Предложили глуховцам присоединиться к нам. Они посовещались и дали свое согласие действовать совместно. Один из глуховцев показал нам пожелтевшую от сырости газету «Правда» от 7 ноября 1941 года с докладом Сталина и его портретом. Эта газета была найдена в лесу, вероятно, ее сбросили с самолета. Она висела на дереве, притрушенная снегом.

Позднее, летом или осенью сорок второго года, нам пришлось еще раз проходить через село Гутку. Подходим к нему и диву даемся: что такое, где Гутка? Местность как будто та же, а Гутки нет. Остались от села только угольки, да и угольков из бурьяна не видно. Спалили фашисты село дотла. Где деды? В соседнем селе говорят:

— В Гутке все живо живо сгорели. Гитлеровцы никого не выпускали из горящих домов, держали под обстрелом все окна и двери.

Много еще пришлось видеть на Украине пустырей и пожарищ на месте сел, сожженных гитлеровцами, но милая Гутка нам особенно запомнилась.

ПАРАД В ДУБОВИЧАХ

Путивльский отряд все больше и больше обрастал небольшими партизанскими группами. Мы называли их «дочерними отрядами». Формально они не входили в Путивльский отряд, но действовали совместно с ним, по общему плану. Через два-три дня после присоединения к нам глуховской партизанской группы, 1 февраля, когда мы стояли в селе Новоселице, из леса Кочубейщина к нам пришла группа партизан Шалыгинского района — тринадцать товарищей. И эта группа была присоединена к Путивльскому отряду, так же как и глуховская, как еще раньше конотопская. В течение февраля в Путивльский отряд влились еще две небольшие группы партизан. Теперь наше партизанское соединение, выросшее с декабря в несколько раз, насчитывало в своих рядах уже больше полутысячи бойцов.

Немецкое командование бросило на борьбу с нами регулярные части венгерской армии. В середине февраля мадьяры начали выгружаться из эшелонов на ближайших железнодорожных станциях. Они сосредоточивались в Путивле, Глухове и Кролевце. Противник опять пытался зажать нас в кольцо. Мы ничем не были связаны, имели полную свободу маневра, могли уйти в любом направлении, могли вернуться в Хинельские леса, но мы чувствовали себя достаточно сильными, чтобы разгромить пытающегося окружить нас врага, и решили принять бой.

Когда молодой командир одной партизанской группы, Войцехович, вернувшись из разведки, прибежал ко мне и доложил, что мадьяры уже в пятнадцати километрах от нас, что они расквартировываются по хуторам вокруг нашей стоянки, я сказал ему:

— Иди, сынок, отдыхай спокойно.

Это было вечером, накануне Дня Красной Армии, который мы решили отпраздновать получше — хотелось показать всем, что и в тылу врага наши люди живут по революционным традициям, почитают советские праздники. На этот день у нас был назначен парад в селе Дубовичах Глуховского района — народный смотр партизанских сил. Чтобы ввести противника в заблуждение относительно численности отряда и его расположения, мы объявили, что в параде примут участие не все партизаны, а только представители частей, входящих в наше соединение, и что бойцы приедут из далеких лесных урочищ.

Вокруг Дубовичей — большие Слоутские леса. Партизаны прибывали в село на парад в разное время, с разных сторон лесными дорогами — пешие, на лыжах, верхом, на саниах. Строгой нормы представительства,

конечно, не было. На параде побывать хотелось всем, и большинство боевых групп выслало в качестве своих представителей всех свободных от нарядов бойцов. Так что, когда на улице Дубовичей выстроились стрелки, автоматчики, пулеметчики, минометчики, лыжники и кавалеристы — «представители всех частей соединения», как мне громко и ясно доложено было в рапорте, с упоминанием о том, что «охрана обеспечена», — у присутствующих на параде зрителей должно было создаться очень внушительное представление о партизанских силах.

Тысячи две колхозников и колхозниц приняли участие в нашем празднике, происходившем на улице, при тридцатипятиградусном морозе, сначала под музыку партизанского оркестра, состоявшего из четырех баянов и одной скрипки, а потом, когда у школы был установлен появившийся откуда-то радиоприемник, — под музыку, передававшуюся из Москвы.

В это время отряды мадьяр подходили уже к селу Тулиголово, а от Тулиголово до Дубовичей лесом — несколько километров. О том, что мадьяры недалеко, что, может быть, уже сегодня они будут здесь, знали все. С утра колхозники — по всему видно было — не очень-то верили, что мы к параду готовимся, думали — к бою. А когда увидели, что верно — для парада строятся партизаны, на улице сразу началось гулянье, хотя и был лютый мороз. Услышали по радио музыку из Москвы — о мадьярах и думать забыли! В селе так весело стало, будто Советская власть и на день не уходила отсюда. Кто-то вдруг крикнул:

— Тише! Приказ товарища Сталина...

Как выразить, что значили для наших людей, съехавшихся из лесов в Дубовичи на праздник Красной Армии, донесшиеся из Москвы слова: «Да здравствуют партизаны и партизанки!»

Многие ли знают, что есть на северной Сумщине, в Глуховском районе на Украине, село Дубовичи? А нам, когда мы слушали в Дубовичах голос московского диктора, передававшего приказ Сталина, представлялись на карте советской земли только Два пункта: Москва и Дубовичи.

Вся страна, весь советский народ празднует День Красной Армии, разгромившей врага под Москвой. И мы здесь, в лесах Сумщины, не забыты.

Красная Армия на фронтах и мы в тылу врага — одно неразрывное целое. Красная Армия наливается новыми силами, и наши силы растут вместе с ней. Сколько было нас, когда мы в декабре ночью вырвались из окружения и ушли из Спадщанского леса «в дальний путь, на славные дела», как поется в нашей партизанской песне, а сейчас сколько!

Мы боролись с врагом маленькими группами. Каждая сидела в своем лесу — у Путивля, Глухова, Шалыгина, Кролевца, Конотопа, и каждый думал: где же другие товарищи, что они делают, почему не дают о себе знать?

Мы не видели друг друга, но всех нас, своих сыновей, видела наша мать, Советская Родина, и она подала нам голос с Большой земли, собрала нас здесь всех воедино: украинцев, русских, белорусов.

Красная Армия наступает, и мы, маленькая частица ее, здесь, в тылу врага, тоже берем инициативу в свои руки. Одна кровь у нас с Красной Армией, одна мать — Родина.

Должно быть, и враг слышал громкое «ура», которое не раз прокатывалось по селу и отзывалось в лесу четким эхом. Во время митинга мимо трибун проходили автоматчики, мчались лыжники, конники, проезжали тачанки с пулеметами и минометами. После каждого выступления играл оркестр. Баянисты, чтобы не замерзнуть, играли попеременно: двое на улице, двое в школе. А скрипачу, так как он был один, пришлось играть на морозе без смены.

БОЙ В СЕЛЕ ВЕСЕЛОМ

Мадыры подошли к Дубовичам на другой день с разных сторон двумя колоннами. Каждая колонна по своей численности была равна всему Путивльскому отряду. Попав под пулеметный огонь наших застав, обе колонны быстро отступили. Вероятно, слухи о партизанском параде дошли до мадыр, и окруженное лесом село показалось им ловушкой.

Чтобы вынудить мадыр к бою, мы стали искать открытой позиции и остановили свой выбор на селе Веселом Шалыгинского района.

Это село лежит между Шалыгином и Путивлем в небольшой котловине, в центре которой маленькая высотка. Местность вокруг открытая: лес есть только к северу, в отдалении от села. Располагаясь здесь, мы получали то, что было для нас тогда главным: хорошие условия для ведения огня. Мадыры издалека должны были наступать под обстрелом, идя по глубокой снежной целине.

Решив дать мадырам бой в Веселом, мы предполагали, что противник проявит упорство, что его очень соблазнит возможность сразу покончить со всем нашим отрядом, запертым в котловине села, и он будет наступать, невзирая на тяжелые потери, введет в дело все свои резервы.

Немецкое командование, как мы знали из перехваченных документов противника, внушало мадырам, что партизан нечего бояться — среди них, мол, совсем нет людей, как следует обученных военному делу, большинство не умеет даже владеть оружием. В одном документе было прямо сказано, что «партизаны военной ценности не имеют». Однако в секретных приказах противника, которые тоже попадали в руки партизан, наши силы всегда преувеличивались. В приказе генерала Блаумана, которому после нашего парада в Дубовичах было поручено в течение трех дней уничтожить партизан, указывалось, что у нас есть на вооружении артиллерия — три дальнобойных орудия... Об этом мы только могли мечтать. Из этого же приказа было видно, что противник готовится к операции против нас, как к большому бою. Вот мы и решили дать ему бой по всем правилам, перемолоть как можно больше вражеских сил, показать мадырам, что такое советские партизаны.

Из Дубовичей мы вышли с большим обозом — до ста саней, шли полями, лесами, в сильную вьюгу, пробивая дорогу в глубоком снегу. 26 февраля, разгромив группу полиции, пытавшуюся оказать нам сопротивление, отряд вступил в село Веселое. Следующий день мы занимались тем, что очищали от полиции окружающие села, пополняли при этом свои боеприпасы, вели разведку. За день наши группы очистили от врага около двадцати сел. К вечеру стало известно, что противник подтягивает к Веселому войска из Путивля и Глухова. Мы поняли, что он намеревается окружить нас. Численность мадьяр определялась в полторы тысячи солдат с минометами и артиллерией — более чем трехкратное превосходство. Сейчас же был отдан приказ занять круговую оборону, выставить наблюдательные посты и быть готовыми в любой момент вступить в бой.

Основным в нашем замысле боя была организация засады с сильными огневыми средствами в лесу у дороги, идущей из Шалыгина, откуда, судя по сосредоточению сил противника, надо было ожидать главного удара. В засаду была послана группа конотопцев под командованием своего районного прокурора Кочемазова, усиленная группой путивлян во главе с бывшим военнотружачим командиром взвода Цимбалом. Это были отборные люди, и вооружили мы их хорошо — дали миномет и несколько пулеметов. Комиссаром засады был назначен Канавец, председатель Конотопского райисполкома. Засаде приказано было не обнаруживать себя до решающего момента боя, чтобы при подходе вражеских резервов уничтожить их кинжальным огнем во фланг.

Большое значение придавали мы также обороне хутора Байдарова, что неподалеку от восточной окраины Веселого. Из этого хутора очень хорошо обстреливались подступы к селу. Здесь была поставлена группа Павловского, отчаянно храброго человека, партизанившего первые месяцы войны где-то в низовьях Днепра, а потом пробравшегося под видом полицейского к себе на родину в Путивльский район. Он вступил в наш отряд перед боем в Веселом.

Этот бой, который предстояло провести в условиях, отличающихся от фронтовых по существу только тем, что мы не имели соседей ни справа, ни слева, был для нашего народа первым серьезным экзаменом на воинскую зрелость и прежде всего — на стойкость. На параде в Дубовичах мы показали себя как воинская часть, созданная народом в тылу врага, а сейчас мы должны были показать в бою свое умение и доблесть солдата. Семен Васильевич постоянно старался внушить бойцам, что на оккупированной немцами территории партизан — представитель Красной Армии.

Помню разговор на крыльце утром после бессонной, напряженной ночи. Только что затихла стрельба, доносившаяся со стороны Шалыгина. Мы терялись в догадках, кто и с кем там сражается — все наши группы были уже собраны в Веселом. Оказалось (это мы установили потом из дневника одного гитлеровца), что мадьярский батальон, двигавшийся к Веселому, встретил у Шалыгина немцев, и так как после

нашего парада и немцам и мадьярам всюду чудились партизаны, они со страху приняли в темноте друг друга за партизан. «Завязался бой. Ошибка выяснилась только к утру. В 8.00 пошли дальше на Веселое, где много партизан», — писал автор этого дневника, мадьярский офицер.

И в этот день было градусов тридцать пять ниже нуля. Солнце, поднимавшееся в морозном тумане, пылало, как костер в снежном поле. Мы с Рудневым Поглядывали на село, на шалыгинскую дорогу и на путивльскую, на лес, на поле, прислушивались. Неприятная тишина. Знаешь, что противник надвигается на нас со всех сторон, а слышишь только, как снег поскрипывает под ногами проходящих рядом по улице бойцов. Подходит Дед-Мороз — в шубе, валенках, меховой ушанке, весь в инее, с заледеневшими усами и бородой, кряхтя поднимается на крыльцо и говорит:

— Мороз нам на руку сегодня... Все хорошо, только вот мин мало — пятнадцать штук на миномет.

Я молчу. Семен Васильевич предлагает:

— Пойдем в хату. Хозяйка пшеничных блинов напекла. Выпьем по чарке. — И тихо, как будто сам себе, говорит: — Да, боеприпасов мало-вато... — А потом вдруг громко: — Дело будет сегодня жаркое! Это нам не Дубовичи, не парад. Сегодня, товарищи, решается судьба отряда! Быть нам или не быть, победить или умереть с честью...

Хозяйка усиленно угощала нас блинами с салом и сметаной, но, кажется, только Дед-Мороз и Радик, у которых никогда не пропадал аппетит — у одного, должно быть, по старости, у другого по молодости, — отдали честь угощению. Мы прислушивались, не началась ли стрельба, и курили одну сигарку за другой. Наконец длинная пулеметная очередь всех разом подняла на ноги.

— Ну, товарищи дорогие, драться будем так, чтобы потом песни пели про село Веселое! — сказал Семен Васильевич, затягивая пояс, на котором по бокам в кожаных сумках висели автоматные диски.

Я остался на крыльце хаты — обычное местонахождение моего командного пункта, когда бой шел в селе. Комиссар и начальник штаба побежали на свои места, как было условлено. Распарившись после чарки и блинов, Дед-Мороз, вытирая с лица пот, затрусил к миномету: как только у нас появились минометы, он объявил себя минометчиком — все-таки меньше беготни старику.

Противник шел в атаку цепями и вел беспорядочный огонь. Мадьяры спускались по склону поля к южной окраине села. Руднев, взявший на себя руководство отражением атаки, приказал бойцам выбирать цели и не спускать с них глаз, но не стрелять, пока противник не подойдет к нашей обороне на сто метров. Это решало все: сумеют ли люди, в большинстве не имевшие армейской выучки, совладать с собой, не стрелять, ждать команды, когда бегущие на них вражеские солдаты уже так близко.

С крыльца, на котором я стоял, видны были все цепи и группки противника. В атаку на южную окраину села шло до трехсот мадьяр.

Партизаны, укрывшись в глубоких снежных окопах и в постройках, ничем не выдавали себя. Село выглядело безлюдным, точно все население покинуло его или вымерло.

По сведениям, добытым нашими разведчиками, мы еще ночью раскрыли группировку войск противника и тем самым его замысел: атакой с юга сковать наши силы и тогда ударить с севера. Поэтому, отражая атаку с юга, мы не ослабляли нашей круговой обороны: партизанские группы на северной окраине стояли наготове к отражению атаки главных сил противника, которые подходили со стороны Шалыгина. Наши бойцы с минуты на минуту ожидали появления противника перед собой, в то время как за спиной их уже шел бой.

Когда южные группы партизан открыли огонь с дистанции в сто метров (кое-кто подпустил противника и на пятьдесят метров), снежное поле стало чернеть от убитых и раненых мадяров. Выскакивая из своих укрытий, взбираясь на крыши домов и сараев, наши бойцы на выбор расстреливали бегущих солдат. Некоторые партизаны сейчас же кинулись подбирать брошенные мадярами пулеметы и винтовки. Перед этим боем в отряд вступило много новых людей, и не все они еще успели вооружиться. Вот люди и торопились добыть себе оружие.

Бой начался около десяти часов утра. Спустя час против северной окраины Веселого развернулся отряд мадяров до пятисот человек. Противник, наступая цепями, загибал свои фланги, чтобы окружить село. В бой вступили все группы, за исключением сидевшей в засаде.

Руднев, руководя огнем пулеметчиков, указывал им цели ракетами. При этом, чтобы лучше видеть противника, он вылезал на самые открытые места, под пули. В этом отношении с ним вечная беда была. В бою он вел себя так, как будто один за все отвечает, где бы что ни произошло. Всегда приходилось бояться за него. Но тут уж ничего нельзя было поделать: личный пример такого опытного военного, как Руднев, очень много значил для партизан. Сам он учил бойцов зря не высовываться, сердился, если кто-нибудь бравировал своей храбростью, а вот в трудный момент ходил под пулями во весь рост, чтобы подбодрить людей.

До сих пор ему везло, а в этом бою он получил тяжелую рану: пуля вошла под левым ухом и вышла под правым; челюсть, нёбо, язык — все разбито. Секретарь партбюро Панин и Радик несли его по селу с лицом, залитым кровью. Разнеслась весть, что комиссар убит. Но он был в полном сознании — не выпускал из рук автомата. Его положили в хате санчасти, переполненной ужераненными бойцами. Дина и ее помощницы с трудом остановили кровь, бившую из раны фонтаном. Когда они перевязывали Семена Васильевича, он потерял сознание и выронил автомат. Радик решил, что отец умер, схватил его автомат и как сумасшедший выбежал из хаты. Я столкнулся с ним во дворе, где партизаны вели огневой бой с группой мадяр, прорвавшихся в село и стрелявших уже из-под молотилок, которые стояли на задворках хаты санчасти.

— Папа убит! — в отчаянии крикнул мне Радик и, метнувшись в сторону, стал бить из автомата.

Я зашел в хату. Семен Васильевич лежал на соломе у печки. Он был в залитой кровью шинели, в шапке-кубанке, с забинтованным лицом. При мне к нему вернулось сознание — заблестели глаза и он зашарил рукой вокруг себя: искал автомат. Дина сказала, что автомат взял Радик, и положила у ног Семена Васильевича его парабеллум: ведь враг был в ста пятидесяти—'двухстах метрах от хаты санчасти.

Изю рта его шла кровь, он хрипел, хотел о чем-то спросить меня и не мог.

— Лежи, Семен Васильевич, спокойно, все в порядке, — сказал я, торопясь на свой командный пункт.

Он терпел, должно быть, адскую боль, но видно было — его больше мучило то, что в решающий момент боя ему приходится лежать в хате. Для такого человека, как он, это было невыносимо. Партизаны понимали состояние комиссара, всем хотелось сделать что-нибудь такое, чтобы он меньше волновался. При малейшей возможности люди прибегали к нему, сообщали, что все в порядке, оборона держится крепко, а он махал рукой, отсылая на линию огня.

До конца боя не оставляло наших людей это беспокойство за комиссара, и люди дрались, не щадя себя.

Когда я вышел из санчасти, мадьяры, пробравшиеся к молотилкам, были уже перебиты. Наши смельчаки под огнем противника подползали к этим молотилкам, чтобы завладеть автоматами и патронами убитых.

Тяжелее всех приходилось группе Павловского, оборонявшейся на хуторе, который противник торопился взять, так как этот хутор занимает господствующую над селом местность. Павловский был дважды ранен, командовал лежа, переползал с одного места на другое, подальше от огня, охватывавшего одну постройку за другой. Хутор горел. Самое страшное было то, что его бойцы расходovali последние патроны. В записке, переданной мне связным, Павловский сообщал, что осталось по двенадцати патронов на бойца, а мы не могли ему ничего дать — патроны были на исходе у всех. Я ответил запиской: «Держитесь, товарищ Павловский, заставьте противника залечь, морозьте его на снегу».

В центре мадьяры шли тремя цепями, одна за другой, все на виду у нас. Под огнем партизан, стрелявших из снежных окопов, домов, сараев, они залегли, рассыпались, как галки по снегу, перед селом. За постройками, плетнями, садиками нас не было видно. Мадьярам приходилось стрелять по всей площади села, наугад, а партизаны били их на выбор.

Несмотря на огромные потери, которые нес противник, он не отходил, вероятно, боялся выпустить нас из Веселого, ждал подкреплений.

Мороз и днем не ослабевал. Когда стрельба затихала, четко слышно было, как гитлеровцы стучали каблуками, стараясь согреть ноги. Лежа на открытом скате, обдуваемом ледяным ветром, они замерзали на наших глазах.

В третьем часу дня со стороны леса начала подтягиваться еще одна группа мадьяр, тоже человек пятьсот. Противник опять со всех сторон

надвигался на село, торопился покончить с нами, пока еще светло. Патронов у нас почти уже не было. Дед-Мороз выпустил из миномета последнюю мину. Оставалась одна надежда на посланную в лес засаду. Наши люди давно уже спрашивали меня, почему засада все еще не дает себя знать, сидит в лесу без дела, когда нам так трудно приходится, тревожились — не случилось ли чего с ней. А Кочемазов и Цимбал просто ждали моего сигнала. Мы с Рудневым еще перед боем договорились, что засада должна быть последней гирей, брошенной нами на чашу весов. И вот настало время бросить эту гирю. Я дал сигнал, когда вновь прибывшая группа мадьяр слезла с саней, построилась в колонны и весь санный обоз противника сгрудился возле леса. Момент был очень удачный для введения в бой засады. Она ударила сразу из всех своих пулеметов и минометов во фланг развертывавшихся для наступления колонн противника и по его обозу. Лавина саней и расстроенная масса мадьярской пехоты кинулась от леса в поле. Огонь засады валил бегущих.

Это решило исход боя. Паника, поднявшаяся в тылу атакующих цепей, вызвала в них замешательство, они опять залегли. А мороз к вечеру стал крепчать, замерзавшие на снегу мадьяры всё сильнее стучали каблуками.

Все произошло так, как мы предполагали, обсуждая свой план с Рудневым и Базимой. Не думали мы только, что мадьяры примут нашу засаду за десант Красной Армии, выброшенный им в тыл с самолетов. А оказалось, что на этот счет у них даже сомнений не было... «Когда батальоны стали отходить от Веселого, русские самолеты высадили в тылу у нас десант», — писал в своем дневнике тот самый мадьярский офицер, который со своим батальоном по пути в Веселое ночью с перепугу сражался с немцами, приняв их за партизан.

— Это все после парада в Дубовичах!.. — смеялись партизаны.

Бойцы, целый день просидевшие в лесу под боком врага, были очень горды тем, что противник принял их за красноармейский десант. Они стали после этого в шутку называть себя парашютистами.

К ночи бой затих. Мы выиграли его. Противник откатился от Веселого, потеряв убитыми и замерзшими более шестисот человек. У нас погибло всего одиннадцать товарищей. Но что будет завтра? Мы окружены врагом, к утру он подтянет свои резервы и снова пойдет в наступление, а у нас все боеприпасы израсходованы. Надо уходить ночью, найти какую-нибудь лазейку во вражеском кольце.

Бойцы, посланные мною на разведку выходов из села, вернулись с женщиной-колхозницей. Кажется, это была жена одного из наших бойцов. Она взялась нас проводить оврагами мимо застав, расставленных противником по дорогам.

— Только скорее, пока поземка сильная, она заметет все следы, — сказала мне эта женщина.

СНОВА В ХИНЕЛЬСКИХ ЛЕСАХ

В полночь наш санный обоз вытянулся из села Веселого. Бойцы шли группками за санями и, чтобы не обморозиться, все время приплясывали, потирали на ходу руки, лица. Ночь была звездная, но отряд оторвался от противника незамеченным.

Проводница шла рядом со мной так закутанная в платок, что нельзя было разглядеть ее лицо. Не знаю, молодая это была женщина или пожилая, не знаю и фамилии ее. Прощаясь, я хотел узнать, кто она такая.

— А зачем вам моя фамилия? Больно любопытные! — засмеялась она и помахала рукой: — Счастливый путь, товарищи!

Мы шли на север, в направлении своей тыловой базы, в Хинельские леса. Отпустив проводницу, двигались не торопясь, так как везли на санях раненых, останавливались на дневки в селах, проводили, по обыкновению, собрания колхозников. По пути слышали доносившиеся со стороны Веселого разрывы авиабомб. Как выяснилось потом, немецкая авиация, вызванная паническими радиограммами мадьяр о советских воздушных десантах, бомбила самих же мадьяр.

Отряд проходил недалеко от деревни Моисеевки, где скрывались от фашистов жена и младший сын Руднева. При виде Семена Васильевича, молча лежавшего под овчиной на санях, рядом с которыми шагал неразлучный с отцом Радик, нельзя было не подумать о том, как, вероятно, беспокоится комиссар за судьбу своей семьи, как он обрадовался бы, увидев ее!

Не помню уже, кто первый предложил послать за семьей Руднева сани с пулеметным расчетом. Сейчас кажется, что мысль об этом возникла сразу у всех. В качестве проводника на санях с пулеметчиками отправился Радик. Ночью они заскочили в село, подняли с постели Домникию Даниловну и Юрика, велели захватить кое-что из одежды, самое необходимое, и садиться в сани. К утру пулеметчики благополучно доставили семью комиссара в село Бруски, где мы остановились на дневку.

Это была большая радость для всех путивлян. Домникии Даниловне сейчас же был вручен карабин, и партизаны стали называть ее «наша мамаша». Семилетнего Юрика бойцы одарили немецкими и венгерскими крестами и всеми видами оружия, какое только можно сделать перочинным ножом из куска дерева. Радик немедленно решил создать семейный пулеметный расчет: он будет первым номером, мать — вторым, Юрик — третьим, и тут же у постели раненого отца начал обучать своих помощников подавать в пулемет ленту.

Семен Васильевич сильно ослаб. Он ничего не мог есть, питался одним молоком и то с трудом глотал его. Бойцы опасались, что наши медработники-девушки недостаточно опытные, чтобы оказать нужную помощь комиссару, и на каждой дневке в селах расспрашивали население о врачах, нет ли поблизости хорошего хирурга. Кто-то сказал, что

есть замечательный хирург, местная знаменитость в Хуторе Михайловском. Это большая железнодорожная станция. Там стоял немецкий гарнизон, полно было полиции. Но партизанам так хотелось, чтобы Семен Васильевич скорее встал на ноги, чтобы Домникия Даниловна не убивалась, глядя на него, что сейчас же нашлись смельчаки, решившие во что бы то ни стало выкрасть хирурга у немцев. И выкрали.

Мы были в это время уже в Хинельских лесах, расположились километрах в двадцати пяти от Хутора Михайловского. Партизаны пошли к местечку ночью. Одна группа заняла оборону на окраине его, а другая пошла на операцию — впереди несколько разведчиков, за ними отделение автоматчиков, за автоматчиками рота с пулеметами. Бесшумно уничтожив немецкие посты, партизаны ворвались в центр Хутора Михайловского и разбудили спящее местечко стрельбой по железнодорожной станции и комендантскому управлению. Подняла стрельбу и группа, оставленная в резерве. Проснувшись, немцы замялись в панике. Боевого порядка они не сумели принять, стреляли без толку в разные стороны. Тем временем наши разведчики разыскали квартиру хирурга, попросили его скорее одеться, да потеплее, так как дорога к больному предстоит дальняя, посадили в сани и увезли.

Руководил этим делом учитель Петышкин, самый мирный и по своему характеру и по внешнему виду человек — небольшого роста, длинноволосый, с улыбочатым лицом. Он часто вспоминал своих бывших учеников, от которых в первые месяцы войны получал письма с фронта, и, тихонько посмеиваясь, говорил:

— Сам глубоко штатский человек, а сколько из моих учеников военных людей вышло!

Хирург, которого привезли партизаны, по дороге чуть не умер от страха, но когда увидел, как партизаны обеспокоены состоянием здоровья своего комиссара, быстро пришел в себя. Наш врач Дина была, кажется, немного обижена тем, что мы усомнились в ее врачебном опыте, поглядывала сначала на выкраденного хирурга не очень доверчиво, но после того, как тот, осмотрев Руднева, заявил, что лечение ведется правильно и комиссар скоро выздоровеет, она тоже признала авторитет этой знаменитости Хутора Михайловского. В ту же ночь хирург был в полной сохранности доставлен обратно на свою квартиру.

Руднев действительно оправился от тяжелого ранения очень быстро. Спустя несколько недель он уже был почти здоров, но голос к нему возвращался медленно. Семен Васильевич долгое время мог разговаривать только шепотом. Все советовали ему есть побольше сырых яиц. Каждый, кто приходил к комиссару, приносил с собой одно, два, три яйца. Домникия Даниловна махала руками, кричала:

— Хватит, хватит яиц!

Она не знала уже, куда девать их, а партизаны всё совали и совали в руки ей яйца и обижались, если она отказывалась брать.

В Хинельские леса мы вернулись в десятых числах марта. Как изменилась здесь обстановка с декабря, когда мы первый раз пришли в Хинельские леса из-под Путивля! Тогда здесь была глушь, люди жили в лесу, как барсуки в своих норах, боялись выглянуть на свет, а сейчас — большой, шумный партизанский лагерь, вокруг — целый советский район. Партизанские группы, оставленные нами тут в декабре, к нашему возвращению выросли в крупные отряды, насчитывавшие по несколько сот бойцов.

Здесь действовали Эсанский, Севский, Хомутовский, Ямпольский отряды и два отряда имени Ворошилова. Командиры их съезжались на совещания, подготавливали совместные операции, поддерживали связь с орловскими партизанами, базировавшимися в южной зоне Брянских лесов.

Встревоженное этим немецкое командование готовилось к крупной операции против Хинельского партизанского района. Мы появились тут как раз в те дни, когда противник сосредоточивал мадыарские войска севернее Хинельских лесов. Он хотел, прежде чем начать наступление, преградить нам путь в Брянские леса и с этой целью расставлял за-слоны и засады. Одна наша группа, выйдя из лесу, сразу же наткнулась у села на засаду противника. Группу вел на операцию помощник начальника нашего объединенного штаба Николай Михайлович Курс. Этого коммуниста, бывшего директора средней школы, бойцы называли «профессором минного дела». Вот уж полюбил человек работу минера! Достаточно лежало на нем и штабных обязанностей, но отправляются минеры на операцию — Николая Михайловича не удержишь в штабе. А вернется — опять возится с минами: то сам изучает какую-нибудь новую систему, то объясняет людям секрет изученного им механизма. Базима часто с опаской поглядывал на своего помощника, когда тот рядом с ним ковырялся в mine. Вздыхая, говорил:

— Ой. чует мое сердце — взорвешь ты нас всех, Николай Михайлович. Весь штаб полетит на воздух.

Руднев смеялся:

— У Николая Михайловича одна забота: куда бы еще сунуть мину. Взырвчатка лимитирует, а то бы он насовал!..

Все знали, что он мстит гитлеровцам за свою жену. Она осталась где-то в Белоруссии. Курс думал, что его жена погибла. Впоследствии выяснилось, что она спаслась от немцев — ушла в партизанский отряд и так же бесстрашно боролась с врагом, как и ее муж. Но когда мы получили об этом известие, Курса уже не было в жи-зых. Он был убит при первых выстрелах вражеской засады, на которую натолкнулась его группа.

После этого в Хинельских лесах начались тяжелые бои — противник пошел в наступление. Мы успели заблаговременно занять оборону. 20 марта два батальона мадыар четыре раза бросались в атаку и каж-

дый раз, понеся потери, откатывались назад. Захваченные нами пленные показали, что противник подтягивает крупные силы, артиллерию, минометы, что в каждый батальон мадьяр влито по сто немцев, которым приказано идти позади мадьярских цепей и расстреливать тех, кто побежит назад. Узнав об этом, я решил перенести оборону дальше в лес. На том месте, где мы оборонялись накануне, были оставлены только небольшие заслоны. Они получили приказание при появлении противника бежать в глубь леса.

Утром противник начал наступление тремя цепями. Позади шли немцы. При преследовании притворно бегущих партизан задние цепи противника влились в передние, и все три цепи вместе попали под шквальный огонь с дистанции в пятьдесят — шестьдесят метров. Оставив в лесу около двухсот трупов, мадьяры и гнавшие их в бой немцы бежали назад с одинаковым проворством.

Днем появилась немецкая авиация. Несколько бомбардировщиков сбросило на нас бомбы, и противник опять начал наступление. Ударом во фланг мы отразили еще одну атаку, после чего решили прорываться в Брянские леса. Так как все дороги были перехвачены немецкими заставами, отряды двинулись снежной целиной. Для прокладывания дороги в голову колонны было выделено несколько саней, запряженных самыми сильными конями. За ночь линия вражеских застав была обойдена. Выйдя в тыл наступающих войск противника, мы пошли напрямик к Брянским лесам.

ПАРТИЗАНСКАЯ СТОЛИЦА

На большой поляне у южной опушки Брянских лесов есть село Старая Гута. Много Гут, и Старых и Новых, прошли мы на своем партизанском пути по Украине, но это лесное село вспоминали с каким-то особенно теплым чувством. Партизанская столица — так называли Старую Гуту ее жители. Народ здесь был исключительно смелый, ничего не боялся, жил как при Советской власти, оккупантов ни во что не ставил. Старогутовцы сказали нам, как только мы пришли в их село:

— Одна у нас судьба с вами, товарищи партизаны! Бояться нам нечего. В случае чего в лес уйдем — народ мы лесной.

Леса здесь огромные, не то что на Сумщине; их не окружишь, как Спадщанский лес окружили немцы. К северу от Старой Гуты они тянутся далеко за Брянск. Десятки километров можно пройти ими, не видя просвета, а за их краем — фронт, Большая земля, Москва. Ближе к Большой земле и народ чувствовал себя увереннее.

В Старой Гуте мы получили долгожданную рацию. 9 апреля нам сбросили с самолета на парашютах трех радистов с походной радиостанцией. «Москва прилетела в Старую Гуту», — говорили жители и были очень горды: значит, знают в Москве, что есть в Брянских лесах такое село Старая Гута и там стоят партизаны.

В Старой Гуте сводки Совинформбюро, получавшиеся теперь регулярно, уже не переписывались от руки, а печатались на типографском станке, захваченном при разгроме, одного из гарнизонов противника. Панин организовал настоящую типографию, ежедневно выпускавшую листовки. Были тут организованы и оружейная мастерская и даже портняжная, перешивавшая трофейное обмундирование на красноармейский лад. Действительно, настоящая партизанская столица!

Здесь мы впервые встретились с представителями орловских партизан, договорились с ними о созыве совещания всех командиров и комиссаров отрядов, действовавших в Брянских лесах. Мы хотели обменяться опытом. Ясно было, что борьба предстоит упорная и долгая, что мы всерьез должны стать военными людьми и нам надо как следует учиться воевать.

Сначала основным для нас было изучение оружия. На вооружение отряда поступало то, что партизаны захватывали и у противника; это было оружие самых разнообразных систем, зачастую никому из нас не известных. Каких только винтовок, пулеметов, автоматов, пистолетов немцы не насобирали по всей Европе! И нам приходилось все это оружие изучать, и, конечно, без всяких наставлений и руководств.

Еще в Спадшанском лесу вопрос об изучении оружия у нас был поставлен так: у тебя пока только винтовка, но ты должен добыть себе в бою автомат или пулемет и сразу же обратить это трофейное оружие против врага — значит, изволь предварительно изучить его. Каким образом? А вот у твоего товарища трофейный автомат — он научит тебя владеть этим оружием. Появился в отряде новый пулемет — изучайте его все. Захватили миномет — каждый готовься стать минометчиком.

Новое трофейное оружие изучали сперва несколько человек, а потом каждый из них, в свою очередь, обучал группу бойцов. Так, вначале у нас было всего четверо или пятеро знавших минное дело — они прошли курсы минеров, организованные для партизан обкомом партии. А вскоре уже любой боец сам мог обучать этому делу новых людей, приходивших в отряд. Точно так же все стали автоматчиками еще тогда, когда на весь отряд было не больше десятка трофейных автоматов.

Свободного времени для учебы не было — совмещали ее с выполнением боевых заданий, с несением караульной службы. Назначаются на пост или в секрет три бойца: автоматчик и два стрелка; один стрелок ведет наблюдение, а другой, резервный, рядом где-нибудь в кустах сидит с автоматчиком и изучает с его помощью автомат.

Пройдешь иной раз по землянкам, постам, заставам, и кажется — не партизанский отряд в лесу стоит, а осоавиахимовцы здесь учебным лагерем расположились: всюду — где вокруг пенька, где под деревом — группами занимаются партизаны сборкой и разборкой оружия, изучают взаимодействие частей пулемета, автомата. Молодежь все быстрее схватывала — и не только городская, но и сельская привыкла уже в колхозах к технике. Смотришь, какой-нибудь связист или разведчик-подросток объясняет, показывает, а усахи и бородачи внимательно его слушают.

В Брянских лесах Руднев, к этому времени уже оправившийся от ранения, установил обычай производить разбор каждой проведенной нами боевой операции. Возле штаба собирались командиры, приходили и рядовые бойцы — никому не запрещалось присутствовать. Я, Руднев или Базима начинали с того, что вызывали какого-нибудь командира, говорили: «Ты имел задачу выйти со своей группой к такому-то пункту, а вышел куда? Почему неточно выполнил приказ?» Он оправдывается, объясняет опоздание тем, к примеру, что ночь была очень темная и группа потеряла ориентировку. Тут вот и начинается разбор: «А почему вы потеряли ориентировку, когда все другие группы вышли точно к назначенным пунктам?»

Рудневу и Базиме очень пригодился их опыт осоавиахимовской работы. По сути дела, они ее в партизанских отрядах продолжали, и отчасти даже с теми же людьми, приспособляя прежний учебный опыт к лесным условиям. Вообще в партизанской борьбе нам пригодилось очень многое из того, к чему приучила прежняя работа в мирных условиях советской жизни.

Вспоминаю партизан гражданской войны. Тогда говорили: вот это бывший солдат, фронтовик — его, конечно, надо командиром назначить. Я сам вот так стал командиром. А теперь у нас вполне достаточно было людей, которые могли командовать. Армейские привычки обнаруживались даже у тех, которые вовсе не служили в армии. Если товарищ был хорошим председателем колхоза, сельсовета или бригадиром, его быстро можно было сделать хорошим партизанским командиром. Существовавшее вначале разделение бойцов на «военных» и «невоенных» быстро исчезло. К тому времени, когда мы расположились в Старой Гуте, все путивляне стали военными. Это и на внешнем виде сказалось.

Руднев и Базима — до чего разные по характеру люди! Об одном говорили «орел», — а о другом — «душа-человек». Посмотришь на Семена Васильевича — ну прямо из города человек приехал. Посмотришь на Григория Яковлевича и подумаешь: «Этот, наверно, никогда из лесу не выходил, оброс как — ужас!» И вдруг вижу — Григорий Яковлевич щеки начал подбривать, усики, бородку подстригать. У меня самого в Спадщанском лесу лицо так заросло, что люди пугались. Прошло это время. Теперь не побреешься денька два — и кто-нибудь, намыливая у пенька товарища, уже приглашает:

— Товарищ командир, не пора ли побриться?

С мылом очень трудно было, но для бритья у каждого имелся обмылок.

*

Неподалеку от нас, в селе Красной Слободке, находился штаб партизанского соединения Сабурова. Красная Слобода, расположенная в глубине Брянских лесов, представляла в то время такую же партизанскую столицу, какой была наша Старая Гута. Много было тогда таких «столиц» в лесных районах Украины и Белоруссии.

Вскоре после того, как мы обосновались в Старой Гуте, я получил приглашение на партизанское совещание в Красную Слободу. Эта встреча еще больше сплотила нас, украинцев, с русскими партизанами. Был создан объединенный штаб Брянских лесов, после чего все партизанские отряды, действовавшие от Новгород-Северского до Суземки, начали активные операции против немцев и мадьяр, блокировавших Брянские леса. Образовался почти сплошной партизанский фронт протяжением приблизительно в сто пятьдесят километров.

Теперь мы действовали уже с артиллерией. Наша батарея, о существовании которой долгое время напоминал только объявленный мною в Спадщанском лесу приказ, обзавелась наконец материальной частью. Батарейцы добыли две 45-миллиметровые пушки. Правда, пушки эти были не совсем обычные, их собирали из разбитых орудий — там станину найдем, там ствол. В лесах валялось много подбитых и подорванных пушек. Сначала мы с досадой поглядывали на них — ни одной годной для стрельбы! А потом кому-то пришла в голову простая мысль, что целое состоит из частей — значит, надо только все части собрать и соединить их. И дело вышло — мастера нашлись.

Весь апрель шли бои на нашем партизанском фронте. Сумские отряды громили вражеские гарнизоны в селах Середина-Будского района, не допуская создания противником заградительной зоны между Хинельскими и Брянскими лесами. Середина-Будский район был для нас воротами из Брянских лесов на родную Украину. За эти ворота партизаны вели ожесточенную борьбу с конца марта до начала мая и не позволили врагу закрыть их. Основными опорными пунктами противника были здесь села Жихов, Пигаревка, Чернатское и Середина-Буда, расположенные приблизительно на одной линии с запада на восток, километрах в семи-восьми друг от друга. Местность вокруг них открытая — леса в этом районе лежат только островками. Ни к одному из этих сел нельзя было подойти лесом. Для скрытности подхода и внезапности удара мы пользовались темными ночами. Боевые группы выходили из леса с наступлением темноты и наносили удар по противнику в середине ночи.

В селе Жихове стоял гарнизоном батальон 51-го мадьярского полка. Операция против него была проведена совместно с Хомутовским отрядом 3 апреля. Это был наш первый наступательный бой. В три часа ночи с расстояния в несколько сот метров от села был открыт огонь из 45-миллиметровых пушек и минометов. Разведчик Саша Стариков пробрался с ротным минометом в самое село. Выпустит мину, отбежит в сторону, даст очередь из автомата, перетащит миномет на другое место и опять выпустит мину. Разбуженные стрельбой мадьяры выскакивали из хат не обувшись и не одевшись, как ошалелые кидались из стороны в сторону. Все пути отступления были перехвачены партизанами. Бегущих из села мадьяр мы встретили ружейно-пулеметным огнем с дистанции сто — сто пятьдесят метров. Противник потерял здесь только убитыми сто девяносто семь человек, из них четырнадцать офи-

церов. А сколько мы задержали потом мадьяр, бегавших по лесу в одном нижнем белье!

Вслед за уничтожением жиховского гарнизона противника последовали такие же ночные удары по опорным пунктам немцев в селах Чернатском и Пигаревке.

При налете на Чернатское мы допустили оплошность. Это село находится в трех километрах от районного центра Середина-Буда, где противник имел многочисленный гарнизон. Нам надо было организовать на дороге из Чернатского в Середина-Буду засаду или выставить тут заслон. Этого не было сделано, и когда партизаны атаковали Чернатское, вражеский гарнизон, пользуясь темнотой, ускользнул из села в Середина-Буду, поднял там на ноги всех гитлеровцев, и партизаны вынуждены были отступить. Все-таки и здесь наши объединенные отряды уничтожили около сотни вражеских солдат и офицеров.

Потом мы каждую ночь посылали к Чернатскому группы автоматчиков и пулеметчиков, задача которых состояла в том, чтобы не давать врагу покоя. Они подбирались вплотную к расположению противника, открывали ураганный огонь, а как только вражеский гарнизон принимал боевой порядок, уходили в лес, и гитлеровцы падали в пустоту.

28 апреля наше соединение совместно с отрядом имени Ворошилова совершило налет на вражеский гарнизон в Пигаревке. Тут партизаны открыли огонь только после того, как заняли все выходы из села. Наши артиллеристы и минометчики выпустили всего по пять снарядов, и этого вполне хватило — мадьяры заматались. Многие не успели взяться за оружие. Только небольшой части гарнизона удалось вырваться из кольца, опрокинув наши заслоны.

Утром, когда Пигаревка была уже в руках партизан, мы насчитали в селе около трехсот вражеских трупов. Нам достались богатые трофеи. На долю нашего соединения пришлось двенадцать пулеметов, свыше двухсот тысяч патронов и много разного военного имущества — лошади, седла, рация, две кухни, большой запас маскировочных халатов.

Мы простояли в Старой Гуте около двух месяцев. Противник не раз бомбил нас с воздуха, обстреливал из дальнбойной артиллерии, но наступать на партизанскую столицу долго не решался. Только в конце апреля он сделал попытку прорваться к Старой Гуте. Перед этим гитлеровцы предприняли боевую разведку — хотели установить расположение наших застав, их силы и огневые средства: Партизанские заставы, защищавшие подступы к Старой Гуте, стояли в селах и хуторах по опушке леса. Противнику не удалось раскрыть систему нашей обороны. Как только мы узнали о его приготовлениях, заставы были передвинуты в другие пункты.

Не принесла врагу успеха и подлая хитрость, к которой он прибегнул, чтобы заранее выявить наши огневые средства. Гитлеровцы гнали впереди себя группу местных жителей. Они надели на них белые халаты, но вооружить побоялись даже для вида — вместо винтовок дали палки. Эти палки помогли партизанам раскрыть обман. Притаившись за хата-

ми, они пропустили наших людей, дали им знак молча идти дальше, а затем с короткой дистанции срезали огнем вражеские цепи.

Таковыми же результатами, как эта разведка, закончилось для противника и долго подготавливавшееся им наступление на Старую Гуту. Бой был жестокий, партизанские отряды немного отошли в глубь леса, но потом перешли в контратаку — и враг побежал, оставив на поле боя до восьмидесяти убитых, три миномета, два пулемета и одну полковую пушку. После этого у гитлеровцев вовсе отпала охота приближаться к партизанской столице.

Немецкое командование вынуждено было признать, что мадьярские солдаты «потеряли чувство полноценности», как выражался автор одного перехваченного нами документа — инструкции № 555 по 108-й мадьярской пехотной дивизии. Для поднятия упавшего духа солдат инструкция предлагала следующий хитроумный метод: «В первую очередь нужно солдатам ставить такую задачу, которая наверняка будет иметь успех, например: «Перед нашей линией обороны находятся группы домов или часть леса, где наверняка нет противника. Мы ставим солдатам задачу осмотреть этот лес или эти дома». Другими словами: «Будьте осторожны, не нарвитесь на партизан, осматривайте только те леса и села, где их наверняка нет».

В РОДНОМ ГОРОДЕ

После первомайского митинга, который мы провели в Старой Гуте, пригласив на него население всех окружающих сел и хуторов, наши отряды снова стали собираться в поход — опять мы шли в Путивльский район. Надо было нарушить движение на железнодорожной магистрали Конотоп — Ворожба — Курск и на параллельных ей шоссейных дорогах. Эти коммуникации противника приобрели важное значение, так как началась подготовка немцев к наступлению на Воронежском направлении.

Теперь уже наши удары нацеливались командованием Красной Армии, с которым мы установили в Брянских лесах прочную связь.

После ожесточенных боев в апреле система обороны противника в Середина-Будском районе была нарушена, и выход из Брянских лесов не представлял для нас трудности. На нашем пути был только один мадьярский гарнизон в селе Каменке. Это село находится в нескольких километрах от Хутора Михайловского, в котором тогда противник сосредоточил много войск. Вступать здесь в бой не имело смысла, надо было проскользнуть мимо незаметно. С этой целью при подходе к селу я выслал нескольких разведчиков и приказал им обойти село и обстрелять его гарнизон с противоположной нашему движению стороны.

Обстрелянные нашими разведчиками мадьяры прибегнули к своему обычному способу освещения местности при ночных налетах парти-

зан — они подожгли окраины села. Из Хутора Михайловского сейчас же был выслан на помощь мадьярам отряд немцев. Так как этот отряд подошел с той стороны, откуда незадолго до того стреляли наши разведчики, мадьяры приняли немцев за партизан и открыли по ним огонь. Немцы же решили, что село уже занято партизанами, и начали наступление. Завязался очередной ночной бой между немцами и мадьярами. Пока они разобрались, что колотят друг друга, партизанское соединение со всем своим обозом спокойно прошло мимо Каменки на юг.

Мы шли к Путивлю прямой дорогой через Хинельские и Слоутские леса, через села, в которых уже бывали зимой несколько раз. В пути нас обстреливали издали полицейские отряды, но они быстро рассеивались партизанскими группами, которые высылались нами вперед. Движение отрядов не приостанавливалось. Только на дневке в Хинельских лесах пришлось вступить в бой с пытавшимся атаковать нас батальоном противника. Потеряв пятьдесят человек убитыми, этот батальон разбежался по лесу.

Весь марш, включая дневки, продолжался десять дней. 24 мая, взорвав по пути железнодорожный мост на перегоне Ямполь — Маков и гужевой мост на дороге Глухов — Маков, партизанское соединение вышло в Путивльский район и остановилось в лесу Марица, рядом с урочищем Вишневые горы. Здесь была высотка, курган, где накануне войны Базима со своими учениками производил раскопки в поисках старинного оружия и утвари. Этот самый курган, господствующий над низиной Клевени, стал моим командным пунктом.

Во всех селах по ту сторону реки — в Старой Шарповке, Яцыне, Черепове и Стрельниках — стояли заслонами, прикрывая Путивль, мадыарские гарнизоны и полицейские. В Спадчанском лесу работали две роты вражеских солдат — они заготавливали лесоматериалы. С командного пункта видно было все: наши родные, такие знакомые села, лес, ветряки, дороги, по которым сновали немецкие машины; на горизонте виднелись колокольни старинных путивльских церквей.

Странное чувство охватило нас, путивлян, когда мы собрались на командном пункте. Бинокли держим в руках, но никто в них не смотрит, никому они не нужны. Внизу под нами, в селах, за болотистой низиной Клевени — противник. С ним ночью предстоит бой, но народ смотрит не сюда, а дальше, через головы противника, туда, где над поймой Сейма темнеет Путивль. То, что хочется увидеть, в бинокль все равно не увидишь. Не о домиках и садах своих думали партизаны-путивляне, а о всей своей жизни. Весь город был нашим домом. Посмотришь на него — и вспомнишь свои заботы, свои дела. Одни колокольни торчат на горизонте, а ты видишь все, как будто по улице идешь. Вот райком партии. Возле него — запыленная машина; кто-то из области приехал, может, идет заседание бюро. Вот большое здание райисполкома. У подъезда несколько бричек; на втором этаже все окна настежь, кто-то на подоконнике сидит спиной к улице — должно быть, совещание в кабинете у председателя. А вот горсовет. У дверей толпа женщин — меня,

вероятно, дожидаются. Вспоминаешь и думаешь: когда это было, сколько времени прошло с тех пор. И все, знаю, то же самое думают — у нас, путивлян, одни были тогда мысли: мы, хозяева города, стоим на лесном кургане и смотрим на свой город, как будто сон видим.

Я, Руднев, Базима, Панин, Кюрнев — на командном пункте, а рядом с нами, в лесу, сотни людей. И сотни глаз из-за деревьев смотрят поверх сел, лежащих внизу, у Клевени, как будто нет им никакого дела до противника. Кто-то влез на ветвистый старый дуб и смотрит туда же. Что он видит на горизонте? Едва заметную зубчатую полосу, а у него, наверно, вся жизнь перед глазами. Все, что ему дорого, все, за что он воюет, все, что дала ему Советская власть, все — там, в Путивле.

Мадьярские гарнизоны, прикрывавшие Путивль со стороны Брянских лесов, были расставлены по фронту в двадцать километров. Мы предприняли наступление сразу по всему этому фронту, одновременно четырьмя группами.

Это было ночью. Шел дождь, тьма непроглядная. В Стрельниках мадьяры услышали вдруг, что в Вязенках поднялась стрельба, выскочили из хат, побежали на восточную окраину, установили пулеметы в направлении Вязенок, а партизаны уже у них в селе — перешли через мост. И с другой стороны, из Яцына, доносится стрельба. Мадьярский гарнизон в Яцыне, внезапно атакованный из-за Клевени, отошел, отстреливаясь, к Старой Шарповке, а там тоже бой — и в Старой Шарповке уже партизаны.

К утру все села были очищены от противника, только в Старой Шарповке мадьяры еще сопротивлялись, пока одна наша группа, обойдя село, не проникла в Спадчанский лес и не ударила им в тыл.

Триста семьдесят групп солдат и офицеров оставили мадьяры в селах на Клевени при бегстве оттуда. В этих селах стояла какая-то велосипедная часть. Мы нашли здесь множество велосипедов, разбросанных по всем улицам и дворам.

Наша задача состояла в том, чтобы очистить от противника пункты, в которых должен был расположиться отряд. Занимать Путивль мы не предполагали, но оказалось, что все дороги к нему свободны — заставы противника как будто бурей смело. Когда в Путивль начали стекаться остатки разгромленных гарнизонов, «полицаян» и старосты, а также солдаты, работавшие в Спадчанском лесу на заготовке лесоматериалов, в городе поднялась невероятная паника. Немцы, должно быть, воображали, что на них идет целая армия партизан. К вечеру в городе не осталось ни одного оккупанта, все — кто на машинах, кто на лошадях, а кто пешком — бежали за Сейм, в Бурынский район. Некоторые в панике переправлялись через Сейм вплавь и прибегали в Бурын голышом. Мы нашли потом на берегу много обмундирования, среди него — мундир немецкого майора с десятком орденов.

На другой день немецкая авиация уже бомбила Путивль, хотя там была только наша разведка, заскочившая в город на трофейных велосипедах. Узнав о том, что произошло в Путивле, мы решили занять

город и вывезти из него имущество и продовольствие, оставленное немцами на складах.

Боевые группы вступили в Путивль ночью 27 мая. Штаб расположился в помещении райкома партии. На окраинах города были выставлены заставы, на улицах начали курсировать пешие и конные партизанские патрули. С утра приступили к вывозке складов, на которых оказалось много масла, яиц, табака, соли, зерна, награбленных гитлеровцами по селам. Часть продуктов мы роздали голодающему населению города.

Когда я прошелся по Путивлю, город показался мне каким-то чужим. Внешне он остался таким же красивым, как прежде: те же прямые, широкие улицы, все в зелени, знакомые дома, сады, так же пышно цвела сирень на старинном валу, как всегда в это время, и вид отсюда на Сейм, на его огромную пойму, был такой же, как обычно весной. Но все же Путивль изменился. На сквере нет памятника Ленину — один пустой пьедестал. И город представился мне таким же пустым, как этот пьедестал, хотя по улицам ходили люди и кое-кто выглядывал из окон и калиток.

Зашел по пути в краеведческий музей. Оказалось, что музей и при немцах был открыт, но в залах его остались только чучела птиц, разные скелеты и куски минералов. Наиболее ценные исторические экспонаты и все экспонаты, относящиеся к советскому периоду, все дорогое, связанное с нашей жизнью, работой, посетителю музея удалось от немцев скрыть — спрятать в подвале, на чердаке, в церкви за иконостасами. По существу, то же самое произошло во всем городе: дома, улицы, природа — все это на своих местах, а жизнь куда-то спрятана, все дорогое, советское где-то глубоко бережется людьми.

В районной библиотеке на полках не осталось ни одной советской книги. Мы думали, что они уничтожены — сожжены немцами. Нет, все книги в сохранности. Только не на полках лежат они, а в мешках, и мешки эти рассованы библиотекарем по душникам бездействовавшего калориферного отопления.

В соседнем здании помещался парткабинет. Там пусто — полный разгром. Кажется, там уж ничего не уцелело. Нет, и оборудование парткабинета почти все в сохранности. Немцы выкинули его во двор, стали жечь как дрова, но кто-то украдкой перетащил это оборудование со двора в темный коридорчик, в который немцы не заглядывали, а чтобы случайно не заглянули, забили дверь этого коридорчика, завалили ее хламом.

Кто этот человек? Да тот же беспартийный библиотекарь. Должно быть, думал про себя, что не из храброго десятка. А ведь как рисковал он!

Вот приходит в штаб пожилой человек, освобожденный партизанам из тюрьмы вместе со всеми заключенными. На лице только в глазах жизнь, трясется весь, говорит так, что трудно понять. Он просидел у гитлеровцев в тюрьме несколько недель. За что? Сам не знает.

Каждый день этот человек видел в окно, как из сарая выносили лопаты, клали их на телеги, покрывали сеном и увозили со двора, потом на дворе начинали приготавливать веревки, которыми связывали заключенных, перед тем как вывозить из тюрьмы на расстрел. Вывозили небольшими партиями, сколько могли погрузить на одну машину. Отвезут за город, ко рву, и возвращаются за новой партией, и так целый день. Целый день, пока не вернется во двор телега с лопатами, человек ждет своей очереди, и вся тюрьма ждет. К концу дня у людей в глазах уже темно, все расплывается, и руки как тряпки висят. Но если сегодня очередь не дошла, то завтра ведь опять то же самое начнется, опять с утра смотри в окно — не выносят ли из сарая лопаты.

Хотелось собрать всех горожан, поговорить с ними, подбодрить людей, как это делали мы в каждом селе, но на этот раз не успели. Только закончили вывозку немецких складов в Спадщанский лес, отправили туда три воза с оружием и боеприпасами, как немецкие танки вдруг загрохотали на улицах. Наша застава прозевала их появление, не успела открыть огонь. Мы выходили из Путивля садами, огородами в разных направлениях, разбившись на маленькие группки.

К вечеру все собрались в Спадщанском лесу. Не было только сына комиссара — Радика. В Путивле он отпросился у отца к своим товарищам по школе. Некоторые его товарищи часто помогали нам: добывали разные сведения о противнике, писали плакаты, листовки и расклеивали их по улицам. У Радика возникла идея создать в отряде боевую группу школьных друзей. Вот он и хотел поговорить об этом с ребятами.

Семен Васильевич и Домникия Даниловна всю ночь не находили себе места — думали, что Радик не успел выбраться из города и попал в руки немцев. Утром он явился — приехал с заставы на подводе. Боевую группу школьников ему не удалось привести: немецкие танки ворвались в город раньше, чем он успел собрать своих товарищей. До полуночи Радик пролежал в канаве на окраине города, надеясь, что они найдут его здесь, и тем временем наблюдал за передвижением немцев. Товарищи его не нашли, но он принес нам ценные сведения о силах и расположении немецкого отряда, занявшего Путивль.

*

Лагери объединенных отрядов раскинулись на большом пространстве по обоим берегам Клевени, в стыке Путивльского, Конотопского, Кролевецкого, Глуховского и Шалыгинского районов. Каждый отряд был обращен лицом к своему району, к селам, из которых вышли его бойцы, где у многих из них были десятки родственников и знакомых — партизанских помощников. Благодаря этому наше влияние распространилось далеко за пределами расположения отрядов.

Объединенный штаб обосновался под прикрытием Путивльского отряда в северо-западном углу Спадщанского леса, у речки Звани, од-

ного из рукавов Клевени. Несколько наскоро сложенных среди молодого дуба, вяза и орешника шалашей, покрытых зелеными ветками, походная радиостанция, связывавшая этот уголок леса с Большой землей, крошечный столик, на котором в ясные дни Базима работал на лужайке под ветвистым деревом, — вот как выглядел наш штаб, управлявший боевой деятельностью пяти отрядов.

Пытаясь разгромить партизанский штаб, немцы предпринимали одну операцию за другой, с участием танков и артиллерии. 28 мая в лес ворвались восемь танков, четыре броневики и пехота, прибывшая на тридцати автомашинах. Двум немецким танкам и сопровождавшей их пехоте удалось проникнуть до того места, где стоял домик лесника, сгоревший еще осенью. Потеряв убитыми тридцать человек, немцы не решились идти дальше. На следующий день они опять проникли в глубь леса, но, потеряв два танка, подорвавшихся на минах, и около полусотни солдат, повернули назад.

4 июня немцы еще раз пошли в наступление. После артиллерийской подготовки из двух батарей 122-миллиметровых пушек десятков танков и сопровождавшие их автоматчики вошли в лес с севера, со стороны Старой Шарповки. Танки, наткнувшись на болото, остановились, открыли огонь. Под прикрытием их огня автомашины продолжали углубляться в лес в направлении штаба. Противник хотел отрезать штаб и боевые группы путивлян от остальных отрядов, расположенных за Клевенью. Однако в решающий момент боя немцы испугались, как бы эти отряды не ударили им в тыл, и отступили в Путивль.

Почти вся часть Сумской области, лежащая к северу от Сейма, оказалась под контролем партизанского соединения. Немецкие гарнизоны остались только в районных центрах, где они были фактически блокированы и занимали круговую оборону. Партизанские группы свободно передвигались по своим районам, наши агитаторы проникали в села, отстоявшие на десятки километров от расположения отрядов. Все шляхи, проходящие через северную Сумщину в сторону фронта, были закрыты для немецкого автотранспорта. Партизанские группы подрывников из Спадшанского леса выходили поймой Сейма на железную дорогу Коногоп — Ворожба. В начале июня здесь один за другим были пущены под откос три воинских эшелона. Движение по этой железнодорожной магистрали было прекращено на восемь дней.

Тихо стало в Спадшанском лесу. Домникия Даниловна, сидя у шалаша, за столиком Базимы, выстукивала на машинке суворовские изречения, которые Семен Васильевич диктовал ей на память для распространения по боевым группам. Юрий один бродил по лесу со своими игрушечными автоматами, кинжалом, гранатами или ходил по шалашам, раздавал бойцам немецкие кресты — у него были полные карманы трофейных орденов. Некоторые запаслись в Путивле книгами и сидели кучками, читая вслух. На речке Звани возле штаба появились рыболовы. Открыл здесь рыбалку Руднев. Возле комиссара уселись с удочками все его воспитанники — наши юные бойцы.

К этому времени в отряде было уже много боевых подростков, пареньков четырнадцати — шестнадцати лет. Мы, старые путивляне, относились к ним как к своим внукам.

И они нас дедами называли. Дружная это была компания. Все земляки из соседних сел. Один другого тянул в отряд. И в отряде все они держались вместе, на отдыхе всегда собирались кучкой. Выполняли они у нас обязанности и разведчиков и связных.

Замечательные хлопцы! Придумают, бывало, что-нибудь такое, что потом только ахнешь. Вернется пострел из разведки — сразу вижу, что фокус какой-то выкинул: глаза у него так и горят.

Было у нас двое Леней, очень похожих друг на друга: шестнадцатилетние комсомольцы Чечеткин и Забелин. В одном ночном бою наши расчеты, работавшие на трофейных пулеметах, остались без патронов. Вдруг возле пулеметчиков появляется один из этих Леней — Чечеткин. Ведет на поводу вьючную лошадь.

— Вот вам патроны.

— Откуда?

— Трофеи.

Оказывается, воспользовался этот Леня ночной тьмой, прошмыгнул через цепи немцев в занятое ими село, увидел лошадь, которая стояла у изгороди, нагруженная двумя ящиками патронов, взял ее за повод и привел к своим, опять пройдя через цепи противника.

Или вот их товарищ — помоложе на год — семиклассник Володя Шишов. Как его было не принять в отряд, когда у него имелся свой склад оружия: выкрадывал у немцев и прятал в какой-то яме. Он приволок нам целый мешок патронов и несколько винтовок. Мы зачислили его в отряд связным, дали коня и подушку вместо седла. Во время боя он как черт носился по лесу, пух и перья летали из разодранной сучьями подушки, а после боя заведет под кустиком патефон и по несколько раз слушает одну и ту же пластинку. Любимой его пластинкой была:

Шумел, горел пожар московский...

Патефон он добыл сам при разгроме одного немецкого гарнизона и просиживал над ним все свободное время. Сидит, слушает московский бас, а к нему всё подсаживаются и подсаживаются — вокруг патефона собирается вся компания наших юных разведчиков и связных.

За старшего в этой компании был Радик. Он с раннего детства жил среди военных, в пограничных гарнизонах на Дальнем Востоке, привык к армейским порядкам и считал своим комсомольским долгом во всем помогать отцу.

Одно время кое-кто из нашей молодежи пристрастился к игре в карты. Играли на трофейные часы, вынимая их из кармана горстями, как орехи. Руднев велел отбирать у бойцов карты, но не всегда командиры могли уследить за картежниками. Радик не раз накрывал игроков на месте преступления. Подойдет к ним, посмотрит так выразительно, что с самого азартного весь азарт слетит мигом, и скажет:

— Ну, часы разбирайте, а карты отдайте отцу. Хуже будет, если он сам отберет.

В школе Радик увлекался математикой, а в лесу на отдыхе — шахматами. Постоянным партнером его был Иван Григорьевич Архипов — в мирной жизни учитель, а в партизанском отряде разведчик. Этот высокий, сутулый боец, первым из наших партизан одевшийся с ног до головы в трофейное обмундирование, был страстным шахматистом. Он вечно таскал за поясом шахматную доску и мог играть с невозмутимым спокойствием в любой обстановке: перед боем, каким бы тяжелым он ни обещал быть, сейчас же после боя и даже во время боя, если только выпадала минута затишья, когда не надо было стрелять или бросать гранаты. Вернувшись из разведки, он прежде всего искал, кому бы предложить сыграть. Встретит Радика и сейчас же:

— Сыграем?

— Давай!

Поставят доску под кустиком. Радик ляжет, подопрет голову рукой, долго размышляет, а Архипов ходит рядом, заложив руки за спину. Остановится, быстро передвинет фигуру и опять зашагает. Часами так играли — молча.

В НОВОСЛОБОДСКОМ ЛЕСУ

Недолго продолжалось затишье в Спадшанском лесу. Немецкое командование, готовясь к большому летнему наступлению 1942 года — в обход Москвы на Волгу, — перебрасывало на восток все свои свободные резервы. Мы стояли на пути их движения, держа под ударом железнодорожную магистраль Конотоп — Курск. Это заставило противника выделить против партизан северной Сумщины несколько полков, предназначавшихся для фронта.

Мадьярские части начали надвигаться на объединенные отряды и со стороны Путивля и со стороны Кролевца. 20 июня завязались ожесточенные бои. Противник силой до трех полков с танками предпринимал одну атаку за другой одновременно против всех отрядов, стремясь их окружить и прижать к болотистым берегам Клевени. На следующий день запылали подожженные мадярами села на правом берегу реки, где защищались наши братские отряды. Путивльский отряд был зажат в северо-западном углу Спадшанского леса вместе с объединенным штабом. Оставался один выход отсюда — через речку, болотами на горящее село Литвиновичи.

Этот выход из леса защищали Кролевецкий отряд и группа путивлян под командой Павловского, уроженца Литвиновичей. Наша судьба зависела от того, продержатся ли партизаны в Литвиновичах, пока мы построим мост и переправим по нему свои обозы. Трудная была переправа: мост сложили узенький, из нескольких бревен и жердей — торопились. Ночь, лошади вязнут в болоте, подводы приходится перетаски-

вать на руках, а впереди полыхает зарево пожара. Это горели Литвиничи, куда мы двигались. Там шел бой.

На площади села была пожарная вышка. На этой вышке, в кольце горящих домов, стояла девушка. В ярком освещении пожара вышка и девушка на ней были видны издали. Спрашиваю, кто такая. Говорят:

— Комсомолка из группы Павловского, его односельчанка, только что вступила в отряд.

Потом мы узнали ее имя — Таня Быкова. По заданию Павловского, она наблюдала с пожарной вышки за противником, указывала пулеметчикам цели. Тут и погибла она от пули. Всем запомнилась она. Все, когда узнали ее имя, говорили:

— В ту ночь, когда Таня стояла на вышке...

К утру все объединенные отряды, оторвавшись от противника после двухдневного боя, собрались в лесу Марица. Дальше на север, в Брянские леса, путь был свободен. Но мы еще не могли возвращаться на свою тыловую базу: нельзя было уходить от железной дороги Конотоп — Курск. Немцы восстановили разрушенный нами в начале июня участок пути, и опять на Курск один за другим шли воинские эшелоны. Поэтому из леса Марица нам пришлось двинуться на восток, по направлению железнодорожной магистрали, с тем чтобы продолжать на ней подрывную работу. Нашей целью была узловая станция Ворожба.

26 июня Путивльский отряд с объединенным штабом занял бывший Софроньевский монастырь в Новослободском лесу — километров двадцать от станции Ворожбы. Братские отряды расположились в стороне: в лесах по обе стороны железной дороги Ворожба — Хутор Михайловский. Группы подрывников сейчас же вышли на работу. Начало своей деятельности в районе Ворожбы они ознакомили одновременным взрывом двух мостов на Сейме: железнодорожного у станции Теткино и гужевого у села Корыж.

Только что оторвавшись от противника, мы снова навлекали его на себя, но в создавшейся обстановке это было неизбежно. Без тяжелых оборонительных боев нельзя было держать под ударом немецкие коммуникации в районе, наводненном войсками оккупантов. Поэтому-то мы и выбрали для расположения своих баз Новослободский лес.

Этот лес тянется полосой на расстоянии семи километров между селами Новая Слобода и Линово, по высокому берегу обширного торфяного болота в долине Сейма. Когда въезжаешь в него из Новой Слободы, дорога, вьющаяся среди зеленых зарослей, круто поднимается на изрезанную оврагами гору, к бывшему монастырю, стоящему в самой высокой части леса. Здесь торфяники огибают его с юга на восток, так что монастырь высится на горе, полуокруженный болотом. В ясные дни местность отсюда просматривается на десятки километров, на горизонте за Сеймом видна Ворожба.

У ограды монастыря растут по лугу вековые дубы в два обхвата толщиной. Дальше, по дороге на Линово, местность понижается, лес

становится моложе и гуще, среди дуба появляются клен и вяз, а у Линова — уже сплошные заросли орешника и ольхи.

До войны бывшие монастырские дома и огромный фруктовый сад за каменной оградой принадлежали нашей детворе. Это был шумный детский городок. Он так и назывался — Городок. Когда мы пришли сюда, в Городке было пусто, двор зарос травой, в церковных развалинах шелестели змеи. Нас встретил лесник Георгий Иванович Замула, ни за что не желавший расстаться со своим родным лесом. Наши разведчики уже раньше часто навещали его по разным делам. У него всегда можно было получить полезные сведения и пробыть в безопасности день-другой. Он был тут полным хозяином.

Немцы не решались заглядывать в бывший монастырь: распространился слух, пущенный, вероятно, самим же лесником, что в монастырь подземным ходом часто проникают партизаны, которые будто бы живут в тайных лесных пещерах. Здесь действительно есть какой-то полуразвалившийся подземный ход. Кажется, он соединял в свое время монастырь со скитом, выстроенным монахами в самой чаще леса. Есть тут и пещеры — тоже, кажется, вырытые монахами. Нас они, конечно, мало интересовали, хотя, может быть, кто-нибудь из партизанских разведчиков и укрывался когда-нибудь от непогоды в этих старинных тайных убежищах. Больше интересовались ими ребятишки соседних сел, которых привлекал сюда монастырский фруктовый сад. От этих ребятишек, лазивших по пещерам с деревянными кинжалами, воображая себя партизанами, Замула, не выходя из лесу, узнавал все, что происходит в районе.

Кое-кого из этих «пещерных партизан» пришлось принять в отряд — оказались сыновьями наших бойцов.

Только мы расположились лагерем в Новослободском лесу, как один из обитателей монастырских пещер явился к нам.

Вижу, шныряет по шалашам какой-то незнакомый мальчик лет четырнадцати, кого-то ищет. Спрашиваю:

— Чего тебе?

— Батьку шукаю.

— А ты кто такой?

— Иван Иванович Черняк.

— Что же ты, Иван Иванович, тоже в партизаны собрался?

Обиделся:

— Чего мне собираться! Мы с Замулой давно уже здесь в лесу базируемся.

После появления Ивана Ивановича всех подростков в отряде стали величать по имени и отчеству, и они сами себя тоже так называли.

Взорвав мосты на Сейме в районе Ворожбы, наши группы подрывников с боевым прикрытием ушли на главную железнодорожную магистраль, а основные силы Путивльского отряда, оставаясь на месте, отвлекали войска противника на себя.

Уже 3 июля все села вокруг Новослободского леса были заняты

немцами и мадьярами. Противник стянул сюда против партизан три полка. Кольцо вражеского окружения оказалось таким плотным, что связные, посланные нами ночью через болото в братские отряды, вернулись назад, нигде не сумев проскочить. Гарнизоны немцев, заняв разбросанные по болоту поселки рабочих-торфяников, стерегли все проходы. Мы послали еще несколько пар связных, и только одной из них в темноте удалось пройти топким участком болота, по горло в воде и грязи.

Рассчитывать на то, что одному Путивльскому отряду удастся прорвать кольцо окружения, нельзя было, мы надеялись на помощь братских отрядов. Но противник это учел и выставил против них сильный заслон. Мы видели танкетки, курсировавшие далеко на возвышенности, севернее Новой Слободы и за болотом. Эти танкетки, не принимавшие участия в наступлении, тревожили нас больше всего.

8 июля с утра противник под прикрытием артиллерийского огня ворвался в лес и начал быстро продвигаться вдоль центральной дороги со стороны Линова к монастырю. Одновременно он прочесывал опушки. Группа Карпенко, занимавшая оборону на опушке против Линова, сразу же оказалась в тылу противника. Отрезана была и отдаленная от штаба группа Деда-Мороза. Окружив эти группы, засевшие в чаще мелколесья и кустарника, мадьяры по центральной дороге приблизились к шалашам штаба, стоявшим на склоне монастырской горы. Их отделяла от штабных шалашей только небольшая лесная ложбинка.

Штаб прикрывала одна боевая группа и комендантская команда — несколько десятков бойцов во главе с Базимой. Они окопались возле самых шалашей. Там был молодой дубовый лес, он весь просматривался, а деревья насквозь простреливались. За шалашами, в роще вековых дубов, стояли обозы, теснившиеся все ближе и ближе к монастырской ограде.

Противник пытался зажать нас на этой горе, нависшей над болотом, и уничтожить артиллерийским огнем.

Из Новой Слободы и со стороны поселков рабочих-торфяников немецкая артиллерия непрерывно била по монастырю. Разбитая снарядами колокольня осыпалась от сотрясения. Весь двор был завален кирпичом.

Под монастырской кручей, на дороге, проходящей краем болота, завязалась рукопашная схватка. Группа партизан, занимавшая здесь оборону, пошла в контратаку, чтобы отбросить мадьяр, пытавшихся обойти низом центр нашего сопротивления, ударить во фланг и прорваться к ограде монастыря. В этой рукопашной схватке погибло несколько наших бойцов, в числе их — лесник Замула, только что вступивший в отряд.

Обоз пришлось тягивать за ограду, но и там артиллерия противника крошила все. Была у нас немецкая овчарка — подарок разведчиков комиссару. Радик прозвал ее Зевсом. Этот Зевс во время боя был всегда как страж возле Домникии Даниловны и Юрика, бегал вокруг них и рычал. А тут он впервые струхнул — забился под телегу и только жалобно

гавкал из-под нее. Домникия Даниловна не знала, где ей укрыть Юрика. Его непрерывно тошнило. Она затащила мальчика в какой-то монастырский подвал, но они сейчас же оба выскочили оттуда — в подвал сползло много перепуганных боем змей.

Раненные перебирались с места на место, ища какого-нибудь уголка, защищенного если не от снарядов, то хотя бы от разлетающихся повсюду осколков кирпича. Те из них, которые еще в состоянии были держать в руках оружие, встали у проломов ограды. Казалось, что не остается ничего больше, как драться здесь до последнего человека. Трудно было уже рассчитывать, что братские отряды успеют прийти на выручку.

Целый день по всей изрезанной оврагами площади леса проходили самостоятельные, изолированные друг от друга схватки. Кое-где бойцы, расстрелявшие все патроны, продолжали драться, вырывая оружие из рук немцев и мадьяр.

С наступлением темноты партизаны, дравшиеся в отдаленных частях леса, стали прорываться к монастырю. Последним вырвался из окружения Дед-Мороз со своей группой. Весь отряд собрался на монастырской горе. Люди изнемогли от усталости. Три дня они ничего не ели, не пили, не отдыхали. Они могли бы еще продержаться, но патронов уже почти не оставалось. Это всегда было самым страшным для нас.

Что будем делать завтра, если за ночь братские отряды не помогут нам прорвать кольцо окружения? Я знал, что этот вопрос у всех в мыслях, но вслух его никто не задавал. В трудных случаях люди рассуждали про себя так: раз мне тяжело — значит, всем тяжело, о чем же тут разговаривать. А в те дни, когда мы дрались, окруженные в Новослободском лесу, на фронте немцы рвались к Дону и Волге. И если в такое время мы отвлекали с фронта несколько полков противника, одного сознания этого было для наших партизан вполне достаточно, чтобы не беспокоиться о своей судьбе. Когда дерешься в таких условиях, в каких приходилось драться нам, и знаешь, что на фронте происходят решающие события, особенно чувствуешь, что твоя судьба слита с судьбой всего советского народа.

Вечером, собравшись на монастырской горе, мы слышали ружейно-пулеметную стрельбу за болотом, в стороне одного из поселков рабочих-торфяников, в тылу противника. И прежде чем поняли, что это пришли к нам на помощь братские отряды, оттуда же, где вспыхнула стрельба, донеслось пение. Стрельба была ясно слышна, а пение — едва-едва, как будто стреляли близко, а пели где-то очень далеко. Что-то в этом пении мне сразу напомнило годы гражданской войны, Царицын, Каховку, Перекоп. Только потом уже я уловил родной мотив «Интернационала» и невольно поддержал поющих: «Это есть наш последний и решительный бой». Бывает так: случается с тобой что-нибудь, а тебе кажется, что это с тобой уже происходило много лет назад. Вот такое чувство и у меня тогда было. Как будто бы идет девятнадцатый год и я — красноармеец, только что вступивший в партию большевиков.

То, что произошло тогда, похоже на сказку. В темноте неожиданно

бросившись в атаку с пением «Интернационала», наш братский отряд конотопцев обратил в бегство танкетки противника и занял поселок, расположенный против монастыря. В кольце окружения Новослободского леса была пробита брешь, в нее мы и проскользнули под покровом ночи.

Рассвет нас застал уже далеко от монастыря, на дороге, проходящей по ту сторону болота. Из низины нам было хорошо видно, как на освещенной утренней зарей возвышенности у Новой Слободы какая-то часть противника развертывалась в цепь для наступления на лес. Наша колонна, растянувшаяся по совершенно открытой дороге, тоже была перед противником как на ладони. Но взоры мадьяр были прикованы к* лесу, никто из них не взглянул в сторону болота. Мы прошли незамеченными.

Потом до нас дошло, что мадьяры говорили:

— Да разве уничтожишь партизан! Они по земле не "ходят, всё под землей. У них подземные ходы от самой Москвы до этих лесов. Куст поднимется, они и выходят из-под куста.

*

Отсутствие боеприпасов не давало нам возможности продолжать борьбу в этом районе, наводненном регулярными частями противника. Решено было двигаться обратно в Старую Гуту. Наши подрывники тем временем сделали свое дело на железной дороге: пока мы отвлекали на себя войска оккупантов, они пустили под откос в районе Ворожбы еще два воинских эшелона.

Мы поджидали возвращения подрывников в Казенном лесу за селом Бруски — это километров пятнадцать от Новой Слободы, на границе Курской области. Здесь мы узнали о страшных злодеяниях, которые совершали гитлеровцы в Новой Слободе и окружающих ее деревнях. Обнаружив, что партизаны исчезли, ни в монастыре, ни в лесу никого нет, они вернулись в село и стали в отместку уничтожать мирных жителей. Гитлеровские солдаты как бешеные бегали по дворам и хатам, стреляли из автоматов направо и налево, швыряли гранаты в окна, подвалы, сараи, закалывали детей кинжалами. В течение, может быть, полчаса было убито свыше семисот стариков, женщин, детей. Потом на всех убитых, в том числе и на грудных младенцев, был составлен поименный список, как на расстрелянных партизан. Этот список гитлеровцы увезли с собой из Новой Слободы в доказательство того, что отряд Ковпака уничтожен. Так эти подлые трусы боролись с партизанами!

Разведчики сообщили, что в Новой Слободе осталось много тяжело-раненых, сумевших уползти из заваленных трупами хат и прятавшихся на огородах, в ямах и оврагах. Чтобы оказать им помощь, в Новую Слободу были посланы под прикрытием автоматчиков наши медицинские сестры во главе с Галей Борисенко. Мы старались беречь своих

девушек, не брали их на очень опасные операции, но после того, что они увидели в Новой Слободе — эти груды расстрелянных, заколотых кинжалами женщин и детей, — их нельзя было удержать. Галя Борисенко, мужественная девушка, навзрыд плакала, если ее не брали в бой.

СТАРАЯ ГУТА — МОСКВА

Из Путивльского района объединенные отряды возвращались в Брянские леса старым маршрутом, отбрасывая с пути мелкие группировки противника. Натыкаясь на сильные заслоны, встречавшие нас артиллерийским огнем, мы сворачивали в сторону, делали петлю и снова выходили на прежний маршрут. 24 июля отряды вступили в южную зону Брянских лесов, немного западнее Старой Гуты. Наша столица была занята батальоном 47-го мадьярского полка. Несколько дней мы отдыхали в лесу в близком соседстве с мадьярами, не подозревавшими о нашем возвращении. В ночь на 29 июля старогутовский гарнизон противника был наголову разгромлен. Партизаны уничтожили при этом более двухсот солдат и офицеров.

Пусто было в Старой Гуте, когда мы вступили в нее. Зайдешь в знакомую хату — ни души, кругом никаких признаков крестьянского жилья, только следы мадьярского постоя. На огородах позаросло все лопухом и репейником; на картофельных посадках такой бурьян, что и ботвы не видно. Все погибло, один подсолнух кое-где пробился из сорняка. Было время уборки. Хлеба на полях перезревали.

Где народ, куда девался?

Спасаясь от гитлеровцев, вся Старая Гута вместе со скотом ушла в леса. Забился народ в лесные трущобы, питается ягодой и молоком, ждет, пока вернутся «колпачки», как называли нас здесь, в Брянских лесах. «Ковпак» не выговаривали, говорили «товарищ Колпак», отсюда и пошло «колпачки».

Весть о том, что «колпачки» уже вернулись и прогнали фашистов из Старой Гуты, тотчас разнеслась по лесу. Возле партизанских шалашей залаяли выбежавшие вдруг из чащи собаки, за ними появились люди, старые и малые, тащившие на себе узлы и мешки со всяким домашним скарбом.

Большое, окруженное лесами село заново начинало жить. Партизаны чем могли помогали своим старым друзьям, все лето прятавшимся от фашистов, вместе с ними убирали перестоявшие хлеба, косили луга, копали картофель. Нередко урожай приходилось убирать с боем. Неподалеку от Старой Гуты было большое картофельное поле. По одну сторону его проходила наша оборона, по другую стояли мадьяры. Партизаны поползут с мешками — мадьяры открывают огонь; мадьяры поползут, чтобы картофеля накопать, — партизаны поднимают стрельбу. Каждую ночь тут бой шел, пока все поле не было перекопано.

Многие колхозники пришли из леса больными. Больше всего народ страдал от цинги. Где получить медицинскую помощь? Только у партизан. И люди стали ходить в нашу санчасть, как в свою колхозную амбулаторию. Сначала из Старой Гуты, а потом и издалека приходили. На подводах привозили тяжелобольных, разыскивали в лесу партизанского доктора. У шалаша санчасти всегда толпился народ, в очереди стояли женщины и дети. Наши медработники никому не отказывали в помощи. Дина в экстренных случаях тут же у шалаша делала операции. Потребовалось много медикаментов, а у нас и для партизан самого необходимого не было. Передали об этом по радио на Большую землю. Думали, что сбросят на парашюте, а нам ответили, что вышлют самолет.

Самолет из Москвы!

В самом деле, через несколько дней на поляне в стороне от нашего лагеря приземлился самолет, направленный специально к нам. Мало кто видел его, но несколько дней в Старой Гуте только и было разговоров, что об этом первом самолете, доставившем нам медикаменты с Большой земли. Больных в санчасть еще больше стало приходить. Каждому, хоть он и здоров, хотелось получить какой-нибудь целебный порошок из Москвы. Москва, Москва родная!

А какая радость была для всех, когда наши радисты установили в селе репродуктор и ожившая Старая Гута услышала Москву! Артистка какая-нибудь песенку поет в Москве, а люди здесь слушают ее и плачут. Запомнилась мне одна женщина. Стоит у репродуктора с девочкой на руках, слушает передачу из Москвы и слезы рукой вытирает. Девочка маленькая еще, ничего не понимает, а тоже кулачком глазки трет.

На много километров по опушке леса раскинулись вокруг Старой Гуты шалашные лагеря наших объединенных отрядов. В мае из Старой Гуты ушло в рейд на Сумщину около семисот пятидесяти человек, а в августе, когда мы вернулись в Брянские леса, в отрядах уже насчитывалось больше тысячи трехсот бойцов.

Приближалась годовщина Путивльского отряда. Мы могли с гордостью оглядеть, проделанный нами тяжелый, полный лишений путь. Вытяни в одну прямую эту запутавшуюся в клубок на карте Сумщины линию наших боевых маршрутов, и она протянется не на одну тысячу километров. За год борьбы в тылу фашистов, отряд провел двадцать оборонительных и наступательных боев, уничтожил около четырех тысяч фашистов.

Но время было такое, что оглянешься назад, а думаешь о том, что впереди, какую сводку с Большой земли примет ночью радист. Немцы были у Воронежа, на Кубани, подходили к Сталинграду. Тут хочешь не хочешь, а берешь не карту Сумщины, а другую — где Волга, Кавказ... Что значит наш маленький островок со столицей Старая Гута, когда в опасности вся Большая земля! Правда, в Брянских лесах

партизанских островков было уже много, и они сливались друг с другом, но съедутся командиры—и, смотришь, карты-то вынимают из полевых сумок тоже не своих районов, а всей Европейской части СССР: школьные, железнодорожные, административные, какие кому удалось раздобыть. Вот возьмешь такую карту и измеряешь расстояние от Десны до Волги.

*

В один из тревожных дней — это было во второй половине августа — я получил радиogramму с вызовом на совещание командиров партизанских отрядов в Москву.

Понятно, в каком состоянии я был, когда прощался с товарищами, окружавшими подводу, на которой мне предстояло добираться до аэродрома орловских партизан.

Пробираясь глухими лесными дорогами к аэродрому — до него было около ста километров, — я нет-нет да и подумывал, какое это будет огорчение, если полет почему-либо не состоится, если придется вернуться назад, не побывав в Москве. Но стоило мне только увидеть стоящий в лесу на аэродроме огромный пассажирский самолет, как Москва стала казаться совсем уж не такой далекой. Все пассажиры, как и я, получили радиogramмы с вызовом в Москву, будучи в лесу, в землянках или шалашах. Большинство добиралось до аэродрома на лошадях, издалека. То, что нужно было еще пролететь над территорией, занятой врагом, пересечь линию фронта, как будто не имело уже никакого значения. Раз столько людей получили радиogramмы и самолет прилетел — значит, дело надежное, в Москве мы будем.

Не успела машина набрать высоту, как у нас начались деловые разговоры о том, что прежде всего надо будет сделать, прилетев в Москву, какие вопросы решить, на что можно рассчитывать, на что нельзя. Например, если будет идти речь об оружии, что следует просить, а о чем не стоит и заикаться, учитывая тяжелую обстановку на фронте под Сталинградом, где, по-видимому, начались решающие бои.

Мы еще не могли, конечно, представить себе, что произойдет под Сталинградом, но уже один тот факт, что нас вызывают в Москву на совещание, что в такой момент мы летим из вражеского тыла в родную Москву, внушал уверенность в прочности положения на Большой земле. Уже забывалось то время, когда мы сидели в Спадшанском лесу, как моряки, выброшенные бурей на необитаемый остров. Потеря связи с Москвой была, пожалуй, самым тяжелым из всего, что нам пришлось испытать в тылу врага. Не враг страшен был, а сознание, что Москва стала очень далекой. Когда мы говорили «Москва» или «Большая земля», в этих словах было все, что спланивало нас, разбросанных по лесам среди врагов, в одно целое, что давало нам силы.

Нас очень ободряли успехи, которые мы, партизаны, одерживали в неравных боях с врагом, но еще большее значение в поднятии боевого духа наших людей имело быстрое восстановление связи с Москвой.

В Спадшанском лесу нас воодушевила уже одна мысль, что о нашем существовании, о нашей борьбе узнали в Москве, что там на карте наше расположение отмечено красным карандашом. Это была первая нить, вновь связывавшая нас с Москвой.

В Хинельских лесах мы стали получать сводки Совинформбюро. Сначала получали их, как я уже рассказывал, из вторых рук, нам приносили их откуда-то из лесу, записанные карандашом на клочке бумаги. Иногда в этих записях не все можно было понять, но как дороги были для нас несколько слов, принятых из Москвы таинственным радистом! Из этих первых полученных нами в лесу сводок Совинформбюро мы узнали о разгроме немцев под Москвой, и сейчас, когда вспоминаешь о Хинельских лесах, декабре сорок первого года, кажется, что тогда не было ничего более важного, чем переписывание этих сводок, которые мы старались как можно скорее и в возможно большем количестве экземпляров распространить среди населения.

Нить, связавшая нас с Москвой, протянулась дальше, в народ, и она делалась все крепче и крепче.

Затем мы сами услышали знакомый голос московского диктора, голос Москвы, приказ Сталина. Потом из Москвы прилетел самолет, сбросивший нам рацию и радистов, — связь с Большой землей стала регулярной. Потребовались медикаменты, мы запросили Москву, и она прислала нам самолет с медикаментами. И вот наконец я сам лечу в Москву. Все опять на своем месте, крепко, надежно.

Линию фронта мы пролетели ночью на высоте трех тысяч метров. С земли по нас стреляли, видны были вспышки огня, метались лучи прожекторов, но среди наших пассажиров вызвал некоторое оживление только один зенитный разрыв, давший себя почувствовать довольно сильно. Экипаж, в отместку немцам, высыпал вниз, на их головы, ящик мелких бомб. Мы заспорили, на каком расстоянии от хвоста самолета разорвался снаряд — в двадцати, пятидесяти или ста метрах, — а потом снова разговор перешел на деловые темы. Между прочим, много говорили о соли — из-за отсутствия ее очень страдали все отряды, — о возможности получения соли из Москвы, о помощи колхозникам, болеющим цингой.

Под нами была уже советская территория, тылы Брянского фронта. Но и та земля, что лежала позади, временно оккупированная немцами, тоже оставалась советской землей, и мы летели в Москву как ее представители.

Вероятно, в эту ночь не один наш самолет под огнем немецких зениток летел в Москву из занятых немцами районов. Может быть, летели и из Белоруссии, откуда-нибудь из Полесья и со Смоленщины, из-под Новгорода, Пскова, Старой Руссы. Разрежь советскую землю на тысячи кусочков, а Москва, как магнит, притянет их к себе, сольет в одно неразрывное целое. Вот мысли, которые тогда владели нами.

Вскоре по приезде в Москву нас вызвали в Кремль и провели прямо в кабинет Сталина.

На приеме в Кремле нас было человек двадцать — командиров партизанских соединений и отрядов: русских, украинцев, белорусов. С одними я часто встречался в тылу врага — наши отряды действовали бок о бок, — с другими установил связь незадолго до полета в Москву на партизанском совещании в Брянских лесах, с некоторыми познакомился уже в самолете, а до того знал их только по партизанским кличкам да по народной славе. Но вот сели мы, партизаны, за длинный стол в кремлевском кабинете, и все это было так просто, словно мы уже не раз собирались тут и все хорошо знали друг друга. И в то же время знакомые лица выглядели как-то необычно.

Мы думали, что прием будет очень короткий — ведь такое тяжелое время. Но Сталин не торопился. Он долго расспрашивал нас о наших партизанских делах. Иногда, задав вопрос, прерывал беседу, вставал из-за стола, подходил к телефонам, отдавал приказания.

Вернувшись к столу, Сталин повторял вопрос. Он спрашивал то одного, то другого. На некоторых вопросах он останавливал наше внимание, другие задавал попутно, мимоходом.

На обращенный ко мне вопрос, как мы вооружены, обмундированы, какой у нас источник пополнения боеприпасами, я ответил:

— Один источник, товарищ Сталин, — за счет противника, трофеи.

— Ничего, — сказал Сталин, — теперь мы поможем отечественным вооружением.

А затем спросил меня, почему наш отряд стал рейдирующим.

Я попытался рассказать о тех выгодах маневренных действий, в которых мы убедились на своем опыте борьбы на Сумщине. Выслушав меня, Сталин сказал, что если все это так, если рейды оправдывают себя, то не можем ли мы совершить рейд на правый берег Днепра. Почувствовав, что я затрудняюсь сразу ответить, Сталин сказал:

— Подумайте, — и стал задавать вопросы другим.

О выходе на Правобережную Украину у нас никогда не заходила речь. Мы не смели мечтать об этом, пока фронт был на Волге. Сталин назвал наш отряд рейдирующим. В этом вся суть нашей тактики. Но мы совершали рейды из одного района в другой. А тут предстояло пройти несколько областей, форсировать Десну, Днепр. Масштабы совсем другие. Ну и что же из этого, подумал я. Разве операции, которые мы предпринимали из Хинельских лесов, из Старой Гуты, по своим масштабам не превзошли все, что мы делали на первых порах? Разве летний рейд в Путивле не оставил по своему размаху далеко позади зимний рейд из Хвоштовки? Масштабы наших операций непрерывно расширяются. Сначала мы не выходили из пределов района, потом рейдировали уже по всей северной части Сумской области, а теперь мы вышли уже из пределов Сумщины. Все преимущество нашей маневренной тактики в том, что мы все время держим инициативу в своих руках, всегда можем нанести удар врагу в самое больное место. Это решало для меня вопрос.

Сталин, разговаривавший в это время с другими, мельком взглянул

на меня и сразу, должно быть, по моему виду понял, что я могу уже ответить, жду, когда он обратится ко мне. Повернувшись ко мне, Сталин сказал:

— Пожалуйста, я слушаю вас, товарищ Ковпак.

— Я думаю, товарищ Сталин, — сказал я, — что выйти на правый берег Днепра мы можем.

Напротив меня сидел командир другого украинского партизанского соединения — Сабуров. Еще до вылета в Москву мы с ним толковали о совместном рейде. Он сказал Сталину, что тоже хотел бы пойти со своими отрядами на правый берег Днепра.

— А что вам для этого нужно? — внимательно глядя на нас, спросил Сталин.

Мы ответили, что больше всего нам нужны будут пушки, автоматы, противотанковые ружья.

— Все будет, — сказал Сталин и приказал нам тут же составить заявку на все, что требуется для рейда на Правобережье.

Я написал заявку и, подсчитав количество самолето-вылетов, необходимых для того, чтобы перебросить все, что я прошу, ужаснулся — цифра мне показалась огромной: сто самолето-вылетов. «Разве можно сейчас просить столько?» — подумал я и переписал свою заявку, урезав ее наполовину.

И все-таки, передавая свою заявку Сталину, я боялся, что он скажет: «Да, размахнулись вы, товарищ Ковпак». Произошло совсем по-другому. Взглянув на поданную мной бумажку, Сталин спросил:

— Разве это вас обеспечит?

А когда я сказал, что не решился просить большего, Сталин вернул мне заявку и приказал составить заново.

— Мы можем дать все, что нужно, * — сказал он..

Пересоставляя заявку, я подумал, что было бы очень хорошо получить для бойцов сапоги, но решил, что это уже чересчур, и вместо сапог попросил ботинки. Сталин, прочитав новую заявку, тотчас вычеркнул ботинки... «Ну вот, а я еще хотел сапоги просить». Но не успел я выругать себя, как над зачеркнутым словом «ботинки» рукой Сталина было написано «сапоги».

На прощанье, напутствуя нас, Сталин сказал:

— Главное, товарищи, крепче держите связь с народом. — И, улыбувшись, провел рукой, показал на всех нас, сидящих у стола: — Пока вы наш второй фронт.

Много толковали мы тогда о том, что Сталин, конечно, не случайно назвал нас, партизан, вторым фронтом. Нам стало ясно, что на союзников особенно рассчитывать не приходится. Что ж, пришли мы к выводу — у советского народа хватит сил разгромить врага без чужой помощи. Американцы и англичане не торопятся открывать второй фронт в Европе, так мы сами откроем его. Один фронт у нас на Волге, а второй, партизанский, будет на Днестре.

Возвращаясь на самолетах обратно через фронт в Брянские леса,

мы были твердо убеждены, что приближаются дни коренного перелома в ходе войны. Приказ на выход в рейд, который мы с Сабуровым прочли под расписку перед вылетом из Москвы, не оставлял на этот счет никакого сомнения.

Нам было приказано выйти в районы Житомирской и Киевской областей. В приказе говорилось, что эти районы, расположенные в Правобережной Украине, с разветвленной сетью железных и шоссейных дорог, с многочисленными переправами через реки, являются в данный момент важнейшими стратегическими путями. Наша задача состоит в диверсионной работе на этих путях подвоза из Германии живой силы и техники к Волге и предгорьям Кавказа, где происходили тогда решающие бои. Одновременно нам ставилась задача по разведке укреплений, возводимых немцами на правом берегу Днепра, и тут же указывалось, что этот господствующий берег, несомненно, скоро будет представлять собой плацдарм ожесточенных боев.

Приказ был совершенно секретный. Но можно было догадаться, что этот партизанский рейд связывается с какой-то большой, очень скрытно подготовливаемой операцией Красной Армии, что как ни тяжело сейчас на фронте, а надо ждать радостных событий, и они произойдут скоро. Тем большая ответственность лежала на нас за сохранение тайны.

Вернувшись в Старую Гуту, я мог только комиссару сообщить полностью содержание секретного приказа. Мы заперлись с Семеном Васильевичем в трофейной венгерской санитарке, стоявшей в лесу рядом со штабным шалашом на случай, если кому нужно уединиться, чтобы поработать спокойно.

— Вот... — сказал я, постучав пальцем по карте в районе между речья Волги и Дона, — вот куда мы смотрели. А вот куда показала нам Москва, — и я очертил пальцем указанные в приказе районы Правобережной Украины.

Наверно, у меня так блестели тогда глаза, что Семен Васильевич и без слов мог понять, что это означает.

Он молча посмотрел на меня.

— Понял? — спросил я.

— Кажется, — ответил Семен Васильевич, — ты хочешь сказать, что мы идем на правый берег Днепра.

— Да, идут пока только наши отряды и. Сабурова.

Я сказал это так, что Семен Васильевич тоже сразу понял, что означает «пока». Вообще нам не надо было много слов, чтобы понять друг друга.

В ДАЛЬНИЙ ПУТЬ, НА СЛАВНЫЕ ДЕЛА...

Я прилетел из Москвы с таким чувством, как будто вся наша прошлая борьба, весь ее опыт вдруг приобрели какое-то новое, не предвиденное нами значение, новый, большой смысл. И в то же время мне

казалось, что все то, что мы делали до сих пор, — только подготовка к тому, что нам еще предстоит.'

Действительно, что показал нам собственный опыт, к чему он толкал?

Труднее всего нам приходилось в оборонительных боях, которые навязывал нам противник. Только в этих боях он мог использовать свое превосходство в численности и технике. Наибольших успехов мы достигли, когда пользовались свободой маневра. Все наши расчеты и планы с момента выхода из Спадшанского леса всегда строились на стремительности марша, скрытности подхода, внезапности нападения. Находясь в движении, маневрируя, имея возможность в любой момент изменить маршрут, мы были неуловимы для врага. Не успевая сосредоточить силы для удара, он уже терял наш след. Даже когда ему удавалось окружить нас превосходящими силами, благодаря своей подвижности мы выскальзывали из кольца.

Насколько же возрастут эти преимущества, когда мы выйдем из ограниченного пространства нескольких смежных районов, по которым мы до сих пор петляли вокруг своих родных сел, когда вырвемся на широкий простор Украины!

Чем больше думали мы, изучая по карте маршрут предстоящего рейда, тем яснее становился нам смысл собственного опыта.

Дело, конечно, не только в рейдах — тактика могла быть и другой: приемов борьбы много. Разве наша тактика имела бы такой успех, не располагая мы поддержкой народа? Наша борьба — частица всенародной борьбы. В этом наша сила. Разве мы могли бы выйти из Спадшанского леса и свободно маневрировать по всей северной Сумщине, если бы действовали сами по себе, без связи с оставшимися в районах представителями партийных организаций, если бы в селах нас не встречали, как родных сыновей, если бы в каждом колхозе, где останавливались на дневку, не находили десятки помощников? И, с другой стороны, достаточно было нам пройти через село, чтобы в этом селе народ уже почувствовал себя увереннее, чтобы сопротивление его оккупантам стало активнее, смелее. Там, где во время нашей стоянки создавалась небольшая партизанская группа, к нашему возвращению она вырастала в крупный отряд. Если мы проходили через какое-нибудь село два или три раза, это село называло себя партизанским, туда уже больше ни один предатель не осмеливался показываться: мы были для народа представителями Советской власти, Красной Армии.

Сейчас нам предстоит пройти несколько областей Украины, сотни сел, проникнуть в глубокий тыл противника, раздуть пламя народной борьбы в районах, где немецкие захватчики хозяйничают второй год.

Как не подумать было, какое это произведет впечатление на народ в Правобережье, когда там появятся наши отряды! Немцы кричат, что они разгромили Красную Армию на Волге, вышли на Кавказ, а мы вдруг появляемся на Днепре, на Припяти, появляемся вооруженные, как регулярная часть Красной Армии.

Сейчас же после возвращения из Москвы у Старой Гуты была под-

готовлена посадочная площадка для транспортных самолетов, и вскоре на нашем партизанском аэродроме началась выгрузка доставленного нам воздушным путем через фронт оружия и боеприпасов.

Больше всего радости доставили нам 76-миллиметровые пушки. Теперь мы могли ответить немцам, безнаказанно разрушавшим нашу славную Старую Гуту. Больно было смотреть, как жители этого села, уходившие на время обстрела в лес, возвращаясь, находили на месте своих хат груды догоравших бревен. Батарея, стрелявшая по Старой Гуте, стояла в глубоком тылу немцев. Мы пробовали бить по ней из своих пушечек, но безуспешно. Одна только мысль и утешала: скоро и у нас будет настоящая артиллерия. Посмотришь на небо, прислушиваясь, не шумит ли самолет, и подумашь: пушки летят. И вот действительно прилетели. Их ожидали на аэродроме заранее выделенные в батарею люди и кони. Одни бойцы выгружали пушки, а другие уже волнуются, кричат:

— А передки где?

Прилетели и передки. Ничего не забыла Москва. Даже конскую сбрую прислали, на что я не рассчитывал — приказал приготовить самим.

Так как командиром батареи пришлось назначить человека еще нового в отряде, майора Анисимова, из окруженцев, комиссаром к батареям мы послали одного из самых авторитетных у нас людей — старейшего партизана Алексея Ильича Корнева. Похаживает наш Дед-Мороз возле орудий и посмеивается, вспоминая, как в гражданскую войну партизаны стреляли из самодельных пушек:

— Пол-лаптя вправо — огонь по гадам! Пол-лаптя влево — огонь по гадам!

Я испугался: если наши артиллеристы будут стрелять таким дедовским способом, ненадолго нам хватит присланных из Москвы снарядов.

Пересчитали мы все снаряды и стали думать, как их поэкономнее расходовать — когда еще пришлют и пришлют ли. Решили, что в партизанских условиях артиллеристы должны стрелять исключительно прямой наводкой и не стесняться подтаскивать пушки к самому противнику, бить в упор, чтобы ни один снаряд не пропал даром.

— Может быть, это покажется кому-нибудь невозможным, артиллеристы имеют привычку стрелять издалека, — сказал я Алексею Ильичу, — но ты старый большевик и, значит, обязан обеспечить подбор артиллеристов.

Кроме умения стрелять и смелости, наш батареец должен был обладать еще и большой физической силой. Ведь на лошадях не подвезешь пушку к противнику, чтобы бить по нему в упор — надо ночью подтащить на руках.

Командиром одного из орудий был назначен Давид Ильич Бакрадзе, сержант, по специальности инженер-механик. Он бежал из немецкого плена. Партизаны полюбили его прежде всего за то, что он грузин. Всем было приятно, что среди нас, украинцев, белорусов, русских, появился человек грузинской национальности. Понравился он и тем, что

обладал поистине богатырской силой. До него самым сильным человеком среди наших партизан считался Кульбака, командир глуховцев. Узнав об этом, Бакрадзе сейчас же своим громовым басом вызвал Кульбаку на поединок, сказал, что поборет его одной рукой, и действительно вмиг положил на обе лопатки к всеобщему восторгу партизан.

Когда Бакрадзе получил назначение в батарею, артиллеристы, смеясь, говорили:

— Теперь нам и коней не треба. Давид-грузин на руках перетащит все пушки.

Еще больше полюбили партизаны Бакрадзе, узнав его поближе. В богатырском теле жил богатырский дух. Боевой приказ был для него святая святых. У него была страсть к точности: он делал все как по чертежу.

Вместе с пушками и снарядами прибыли на наш аэродром противотанковые ружья, автоматы, патроны, медикаменты, обмундирование.

Среди этих посылок были и пачки с литературой, листовки. Для выполнения нашей задачи это оружие было не менее необходимо, чем пушки. На партийных собраниях вопрос ставился так: в рейде каждый боец должен быть агитатором и пропагандистом — ведь там, куда мы идем, народ второй год не слышал советского слова.

*

Всем не терпелось испробовать пушки в бою, ударить по немцам, запиравшим нам выход из лесу. Прежде всего хотелось ударить по этой проклятой батарее, варварски обстреливавшей Старую Гуту со стороны хутора Лукашенкова. Как только артиллерия была доставлена с аэродрома, мы тотчас вывели пушки на передовые заставы и в первую же ночь начали наступление на противника, занимавшего здесь укрепленную оборону с системой опорных пунктов, дзотов и других фортификационных сооружений.

Я пошел сам с батареей, чтобы на практике окончательно, раз навсегда договориться с артиллеристами, как следует экономить снаряды.

— С трех снарядов там ничего не должно остаться, — говорил я, показывая на цель.

Артиллеристы быстро поняли, как надо действовать, и постарались, пользуясь темнотой, подтащить свои пушки к немецким дзотам на такое расстояние, чтобы ни один снаряд не пропал даром.

Впервые приходилось нам наступать на укрепленную оборону противника, преодолевать заграждения, штурмовать дзоты. Противник оказывал сильное сопротивление, но когда загрели наши пушки, партизан ничто уже не могло удержать. Мы выбили немцев из хутора Поделого и продвинулись за ночь километров на пять. Немцам пришлось убрать свою батарею, стоявшую на позициях у хутора Лукашенкова. отодвинуть ее подальше. Теперь Старая Гута была уже вне досягаемости немецкой артиллерии.

Подготовка к дальнему рейду была завершена пробным выходом. Члены комиссии, проверявшей готовность к походу, придирались к каждой мелочи, которая могла бы помешать в пути, затруднить или демаскировать движение колонны, например: колеса сильно стучат, хомут маловат. Чтобы взять с собой побольше боеприпасов, с повозок снимали все, без чего можно обойтись в пути. Бойцы, ничем так не дорожившие, как боеприпасами, готовые все выбросить из карманов, чтобы только взять с собой побольше патронов, на этот раз особенно постарались: при прощании старогутовцы получили от нас на память много подарков — партизаны раздаривали все, что имели.

Некоторым бойцам и командирам перед выходом в рейд пришлось расстаться со своими семьями. К этому времени в нашем обозе собралось уже немало партизанских семей. Одни сами бежали к нам, других вывели наши люди, когда отряды проходили неподалеку от родных сел. Семьи обременяли нас, загружали обоз, но нельзя было отказать в приюте женщинам и детям, за которыми охотились фашистские палачи, и партизаны возили семьи 'с собой. Теперь решено было отправить семьи вместе с тяжелоранеными в Москву. Мы посадили их на те самые самолеты, которые доставили нам оружие, и пожелали счастливого пути.

Проводил свою семью и Руднев. До аэродрома было два дня езды на подводах. Семен Васильевич три раза верхом на коне догонял обоз. Простится с семьей, вернется назад, что-то вспомнит и опять скачет во весь опор вдогонку за обозом. Радик провожал мать и младшего братишку пешком несколько километров. Вернулся он расстроенный, колотя по голове Зевса, которого нес на руках, так как тот все порывался бежать за Домникийей Даниловной. Эта овчарка очень привязалась к жене Руднева. После ее отъезда собака заскучала и вскоре куда-то исчезла.

В ночь на 26 октября партизанское соединение выступило в рейд. Много старогутовцев вышло на дорогу, по которой бесшумно двигалась лесом партизанская колонна. Долго стояли люди, провожая наших хлопцев в «дальний путь, на славные дела», как поется в нашей любимой песне.

На несколько километров растянулась колонна. Впереди — конная разведка с квартирерами. На некотором расстоянии — головная походная застава. Затем — авангард. За ним — несколько порожних подвод для сбора трофеев. Следом за трофейными подводами — рота боковых заслонов, чтобы при переходе железных и шоссейных дорог прикрывать колонну с обеих сторон. Авангард замыкался ротой маяков. Эта рота выставляла на перекрестках бойцов, которые указывали направление движения.

В голове основных сил — батарея и все тяжелое оружие: минометы, крупнокалиберные пулеметы, бронебойки. Затем — штаб на верховых конях с группой связных от всех подразделений, подводы радистов, хозчасть, санчасть с госпиталем-на колесах и все остальные роты,

за исключением двух, которые составляют арьергард и движутся далеко позади. Арьергардные, так же как и авангардные, роты усилились 45-миллиметровыми орудиями и бронебойками. Такое построение на марше давало возможность в любой момент занять круговую оборону.

Укрепленная линия противника, блокировавшего Брянские леса, была преодолена без боя. Под покровом темноты партизанская колонна в полной тишине прошла мимо разгромленных в последнем бою опорных пунктов противника, и к утру мы были уже далеко от Старой Гуты.

ДЕСНА, ДНЕПР, ПРИПЯТЬ

При выходе в рейд командиры и политработники больше всего были озабочены поддержанием*строгой дисциплины марша. Мы добивались, чтобы ночью колонны не видно было и не слышно. С курением и разговорами на марше велась беспощадная борьба.

Первые две ночи марша прошли в такой тишине, что отойдешь от дороги на несколько десятков шагов — и уже ничего не слышно, хотя по дороге двигаются сотни повозок.

Днем отдых в лесу, варка пищи, ночью — скрытый марш, стремительный бросок на сорок — пятьдесят километров.

На третью ночь тишина была нарушена — противник напал на наш след. И мы двигались дальше уже с «треском и шумом», как говорили партизаны, то есть взрывали мосты, водокачки, стрелки на железнодорожных путях, уничтожали склады противника и его полицию.

Первый удар в рейде был нанесен на станции Ямполь. Три партизанские роты под командой Цимбала, разгромив немецкий гарнизон станции, вывели из строя все ее дорожное хозяйство, взорвали вагоны, стоявшие на путях, подожгли тысячи тонн заготовленного оккупантами сена. После этого немцы, собрав несколько гарнизонов из соседних районов, пытались атаковать партизанское соединение, остановившееся на дневку в лесу у села Червона Дубрава. Противник был отброшен нашими заставами.

Дальше маршрут рейда проходил неподалеку от города Кролевца. Мы миновали его не задерживаясь, а чтобы немецкий гарнизон Кролевца не вздумал напасть на нас сзади, я приказал артиллеристам припугнуть его. Они развернули орудия, встали на позиции и ударили из всех стволов. Огонь был прицельный, так как наши разведчики перед этим уже побывали в городе и знали, где расположен немецкий гарнизон. Несколько разведчиков было послано в Кролевец для проверки точности попадания снарядов. Они удостоверили, что наши батарейцы не промахнулись. Огневой налет артиллерии произвел на оккупантов в Кролевце сильное впечатление. Пока они там метались в панике, мы беспрепятственно двигались на запад и вступили в Черниговскую область.

Однажды по пути из Старой Гуты на отдаленную партизанскую

заставу, пробираясь лесом на коне, я натолкнулся на народ, живший табором на берегу небольшой лесной речки.

Только я остановился здесь, чтобы напоить коня, как ко мне подошли несколько женщин и, назвав меня по фамилии, стали просить, чтобы я выступил у них в таборе, сделал народу доклад. Соблюдая необходимую во вражеском тылу конспирацию, я никогда не называл своей фамилии незнакомым людям.

— Обознались, бабы, моя фамилия вовсе не Ковпак, а Сидоренко. Женщины засмеялись:

— То неважно: Ковпак или Сидоренко, — и потащили меня к себе в табор.

Пришлось мне подняться на телегу, выкаченную на середину табора, и выступить перед народом.

— Я, товарищи, не отказываюсь сделать доклад, — сказал я, — но убедительно прошу вас поверить, что я вовсе не Ковпак.

Слышу, бабы захихикали. И вдруг одна закричала:

— Да брось ты прикидываться... Мы же тебя як облупленного знаем, Сидор Артемович! Глянь — свои же люди все.

Я стал всматриваться в окружающие меня лица и не удержался, сам засмеялся: куда ни глянешь — всё знакомый народ.

Это было на родной Сумщине. Но теперь мы вступили в районы, где нас никто не знал, куда не проникали даже наши дальние разведчики. Как-то встретит нас народ здесь?

У города Коропа нам предстояло переправиться через Десну. Противник тут уже подготовился к встрече партизан. Наша разведка донесла, что на подходах к мосту немцы создали линию полевой обороны. Задумав дать нам здесь бой, немецкое командование для усиления обороны сняло охрану моста, посадило ее в окопы. Нам пришла мысль воспользоваться этим, чтобы захватить мост без боя. Решили спросить у жителей, нельзя ли как-нибудь выйти к мосту, миновав немецкие окопы.

В соседнем с городом селе Вольном первая же женщина, которой был задан этот вопрос, сама вызвалась проводить нас к мосту обходной дорогой.

— А артиллерия пройдет? — спросили ее.

— И танки пройдут, — ответила она.

Мы не стали говорить, что у нас нет танков, — пусть пронесется слух, что мы идем с танками: больше паники будет у немцев.

Она провела нас к мосту берегом реки. Рядом немцы, вот-вот они могли обнаружить двигавшуюся в темноте колонну и открыть огонь, а эта смелая женщина шла впереди колонны совершенно спокойно, как будто шла на базар. Я спросил ее фамилию. Она ответила мне точно так же, как та колхозница, которая выводила нас оврагами после боя в селе Веселом. Когда я, настаивая, стал говорить, что она заслуживает того, чтобы ей была объявлена благодарность в приказе, проводница сказала, смеясь:

— Придет время, и, может быть, встретимся, тогда узнаем друг

друга и поблагодарим, а пока я не спрашиваю вашей фамилии, и вы не спрашивайте моей.

Я вспомнил тогда случай в Брянском лесу, неудачную попытку выдать себя за другого и подумал, не посмеивается ли эта женщина над нашей партизанской конспирацией, которая, по правде сказать, бывала иногда довольно наивной.

У меня осталось впечатление, что эта простая украинская колхозница прошла уже хорошую школу нелегальной работы, что это настоящая подпольщица¹. И сколько таких безымянных помощников и помощниц нашли мы на своем пути через оккупированные немцами районы Украины!

Не потому ли, думается мне, в самые тяжелые дни на душе иной раз бывало так легко, светло, свободно, как в мирное время, в хороший летний вечер, когда возвращаешься из поездки по району и райисполкомовский рысак мчит тебя на линейке по наезженной дороге среди массивов пшеницы, обещающей обильный урожай. И, вспоминая разговоры с колхозниками, забываешь о всяких мелких неурядицах, недочетах и думаешь: какой народ стал — с таким народом горы можно свернуть!

Прощаясь с отважной проводницей, наш веселый разведчик Миша Черемушкин пошутил:

— Гражданка, не знаю, как вас по имени, вы нас очень хорошо провели 'под носом у немцев, за это вам спасибо, — но, может быть, вы знаете и дорогу в Берлин?

Женщина не растерялась, ответила хлопцу в тон:

— Как не знать — знаю! Подниметесь вверх от берега, дойдете до шляха, возьмете влево, и этот шлях вас прямо до Берлина доведет.

Сотни подвод партизанского обоза бесшумно прошли в тылу немцев, которые, сидя в окопах, поджидали нас с противоположной стороны. Они узнали о нашей переправе через Десну, когда, пропустив последнюю подводу, наши подрывники взорвали мост. Чтобы затруднить немцам преследование, мы разослали по берегу несколько групп бойцов, и они уничтожили на реке все паромы и лодки в радиусе пятнадцати километров.

Черниговскую область партизанское соединение прошло без боев. Здесь, так же как на Сумщине, были целые районы, контролируемые партизанами; партизанские столицы, такие, как Старая Гута; села, заросшие бурьяном пожарища, из которых все жители ушли в леса.

Все черниговские партизаны, с которыми мы встретились, называли себя щорсовцами. Тогда в народе мало кто знал подлинное имя ныне дважды Героя Советского Союза Федорова — секретаря Черниговского обкома партии, оставшегося в своей области на подпольной работе и, как Щорс в свое время, собравшего вокруг себя тысячи партизан. Но о том, что во главе партизан Черниговщины стоит секретарь обкома пар-

¹ После освобождения Украины помощник начальника штаба нашего соединения Герой Советского Союза В. А. Войцехович ездил в село Вольное, чтобы узнать имя этой колхозницы. Ее зовут Александра Прохоренко.

тии, мы сразу услышали. И Федоров тоже собирался в рейд на Правобережье. В том же направлении уже двигались из Брянских лесов отряды Сабурова. Не одни мы шли. Вместе с нами передвигались на запад большие партизанские массы.

7 ноября наши отряды вышли на берег Днепра, к месту впадения в него реки Сож, остановились в лесу против города Лоева.

Здесь мы услышали по радио приказ Сталина, его поздравление с днем 25-летия Великой Октябрьской социалистической революции, его слова: «Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!» Надо было видеть, как загорелись глаза у наших хлопцев, как все многозначительно переглядывались, когда эти слова разнеслись по отрядам, готовившимся к переправе через Днепр. Предчувствие радостных событий у меня было уже в Москве после приема в Кремле. Из разговора со Сталиным мы поняли, что самое тяжелое осталось позади. Когда я вернулся в Брянские леса, мое настроение сразу передалось всем, хотя ничего определенного сказать людям я не мог. И вот вдруг в далеком пути до нас донеслись слова из Москвы.

Как не вспомнить было в этот день прошлогодний Октябрьский праздник, проведенный в глуши Спадщанского леса, под родным Путивлем! Тогда нас было несколько десятков бойцов, мы жили в землянках, как в волчьих норах, ставили вокруг мины, на которых иногда сами же подрывались. Когда к нам приходили люди, бродившие в лесных дебрях в одиночку, мы говорили им, что нечего падать духом — надо бороться, а сами спрашивали себя: что будем делать завтра, если немцы опять начнут прочесывать лес, — патронов больше нет, израсходованы последние, взрывчатка тоже на исходе, фронт отодвигается все дальше на восток...

Принимая решение осуществить первые боевые задачи, я говорил, посмеиваясь над своей неопытностью в таких делах:

— Партизанская тактика еще не разработана — прежде чем задачу решить, треба хорошенько головой об сосну постучать.

Нет, просто не верилось, что это было всего год назад. Мы думали тогда о Москве, о Красной Армии, как о чем-то далеком-далеком, а сейчас вот идем на запад как частица Красной Армии, как ее разведка.

Еще перед выходом из Брянских лесов партизанские группы были переименованы в роты, отряды — в батальоны, и названия подразделений заменены порядковыми номерами. Это было сделано с целью маскировки — отряды наши назывались по районам своих формирований, что позволяло противнику сразу определять, с кем он имеет дело. Но очень многие партизаны поняли смысл переименования иначе. Они увидели в этом признание своих заслуг, признание за партизаном права считать себя воином Красной Армии.

Коротким был наш праздничный митинг в лесу, на котором я зачитал приветственную телеграмму, полученную нами в тот день по радио из Москвы.

Одним желанием горели все: скорее перейти через Днепр, скорее приступить к выполнению боевого задания.

Никаких средств переправы, кроме нескольких рыбацких лодок, найденных в прибрежных деревнях, мы не имели. Курсировавший тут паром немцы угнали к правому берегу, в город. Решено было, как только стемнеет, перебросить на лодках в город роту автоматчиков, с тем чтобы она захватила паром и обеспечила переправу отрядов.

Был у нас боец по кличке Сапер-водичка. Сапер — потому, что когда-то служил в армии сапером, любил говорить: «мы, саперы», а «водичка» — потому, что ни о чем не мог коротко рассказать, увлечется, расписывая подробности, и не поймешь у него, в чем существо дела. Командир как-то предупредил его сердито, когда он явился к нему с докладом:

— Только поменьше, сапер, водички!

С тех пор и пошло: Сапер-водичка.

Между прочим, у нас были большие мастера по изобретению кличек. Только поступил в отряд новый боец, как, слышишь, его уже окрестили. Давали, конечно, и такие клички, которые приходилось сейчас же запрещать.

На Днепре Сапер-водичка, отправившийся ночью на лодке с автоматчиками в Лоев, впервые изменил своему прозвищу. Вернувшись спустя два часа, он доложил мне без единого лишнего слова:

— Товарищ командир, переправа готова.

— Паром где? — спросил я, так как усомнился, услышав такое необычное для него лаконичное донесение.

— Тут, у берега, товарищ командир. Пригнали его.

Мне все-таки не верилось, подозрительно было, что Сапер-водичка отвечает так коротко и ясно, да и что-то уж очень быстро переправа обеспечена. Послал конных на берег проверить. Прискакали назад, докладывают то же самое:

— Паром пришвартован к левому берегу.

Автоматчики переправились на правый берег в полночь. К двум часам захваченный врасплох гарнизон Лоева был уничтожен. В три часа началась переправа отрядов.

Мы торопились перебраться через Днепр, так как на реке появилось уже «сало», но переправочных средств было мало — и пришлось задержаться в Лоеве на трое суток. Артиллерия и обозы переправлялись на пароме, бойцы — на лодках, а лошади — вплавь. К нашему появлению на правом берегу Днепра немцы совершенно не были готовы. Вблизи Лоева сколько-нибудь крупных сил у них не оказалось. Противнику пришлось наскоро собирать мелкие гарнизоны. И только на другой день, когда переправа шла уже полным ходом, к Лоеву подошел отряд немцев, человек двести на автомашинах с несколькими броневиками. Наша передовая застава, выдвинутая за город, отбросила противника. Переправа продолжалась безостановочно. Одни роты переправлялись, другие прикрывали их. На третий день немцы пытались

атаковать переправу силой батальона, но были рассеяны огнем нашей артиллерии, переправившейся в Лоев вслед за первыми ротами.

Жители города, не понимавшие, откуда вдруг появилась такая масса партизан, да еще с пушками, сначала робко выглядывали из окон, но быстро ожили. Как гитлеровцы ни запугивали народ, ни дурили людям головы, но затрепетал красный флаг, поднятый на пожарной вышке, грянула гармонь, пустились партизанские деды в пляс, я тоже не удержался — и праздничное веселье разлилось по всему городу.

В Лоеве у немцев были склады. Мы создали к ним население, стали раздавать продовольствие, промтовары, давали каждому столько, сколько он мог унести, и не отказывали, если человек приходил второй раз.

Одновременно с нами к Днепру подошло партизанское соединение Сабурова, которое тоже переправлялось на тот берег. Зима уже набирала силы, морозило все крепче. Мы опасались, что еще день-другой — и Днепр прихватит ледком, тогда на лодках не поплывешь, а между тем немцы уже надвигались со всех сторон.

Бывает так: нависают тучи, черные, грозовые, воздух становится невероятно тяжелым, давит на сердце, дышать трудно, ждешь — сейчас разразится страшная гроза, но нет — ветер уносит тучи, кружит их, и только вдали погромыхивает, молнии блещут. Вроде этого было и в Лоеве. Думали мы — не пустят нас немцы на Правобережье без сильного боя, ударит гром; но гроза так и не собралась. Погромыхало, посверкало вокруг, на заставах, и этим обошлось.

Вечером 10 ноября наше партизанское соединение, сосредоточившись на правом берегу Днепра, двинулось дальше по маршруту своего рейда. По-прежнему неподалеку от нас шел со своими отрядами Сабуров.

Наш путь лежал Полесьем в район Олевска, откуда мы должны были нанести удар по важнейшему на Правобережье железнодорожному узлу — Сарны. Для того чтобы войти в этот район, предстояло переправиться еще через Припять.

Быстрота продвижения имела сейчас решающее значение. Выход крупной партизанской массы на правый берег Днепра заставил немецких оккупантов забить тревогу. Надо было проскочить через Припять раньше, чем немцы сумеют сосредоточить против нас крупные силы.

Мы вышли к Припяти 18 ноября. По пути взорвали мост на железной дороге Гомель — Калинковичи, уничтожили путевое хозяйство станции Демиха и несколько тысяч метров телефонной связи.

Припять уже замерзла, но ледяной покров был еще очень неустойчивым, толщиной всего пять — десять сантиметров. У села Юровичи, куда отряды вышли для переправы, лед лежал между промоинами полосой от одного берега к другому, как наплавной мост. Местные жители сказали, что пока еще никто не решался переезжать реку по льду. Неподалеку в большой, во всю ширину реки, промоине стоял паром. Мы стали переправлять на нем артиллерию, а людей и обозы решили попытаться переправить по льду.

Спустили на лед одну подводу, и проба показала, что если пере-

права будет происходить в полном порядке, с соблюдением дистанции между бойцами и подводами в десять — пятнадцать метров, то лед может выдержать. Но выдержат ли люди, сохранят ли необходимую дистанцию? Это требовало большого хладнокровия, так как противник уже наседал на арьергард.

Путивльский отряд переправился по тонкому, колеблющемуся ледяному мосту без каких-либо осложнений. Потом положение ухудшилось — вода выступила из промоин и начала растекаться по льду. К тому же батальон противника, прибывший на автомашинах в район переправы, пошел в наступление. Немцы атаковали Глуховский отряд, стоявший заставой в поселке Большие Водовичи. Однако порядок переправы не был нарушен, положенная дистанция по-прежнему строго соблюдалась. В то время как часть Глуховского отряда переправлялась, остальные группы огнем из пулеметов и минометов заставили противника залечь. Кролевецкий отряд, ожидавший своей очереди на переправу, пошел в контратаку и ударом во фланг обратил врага в бегство.

Последние группы партизан форсировали Припять ночью по льду, залитому водой. Все обошлось благополучно, если не считать маленькой неприятности с волами, которых никак нельзя было заставить соблюдать необходимую дистанцию. Несколько сгрудившихся животных провалилось в воду. Но это произошло недалеко от берега, и волы все-таки выбрались на сушу.

В Полесье о партизанах складывались легенды. Наша переправа через Припять тоже вскоре стала легендой. Эту легенду о чудесном ледовом мосте мы слышали потом не раз. Старики рассказывали, будто бы дело было летом. Немцы большими силами, с танками навалились на партизан, прижали их к Припяти, хотели потопить. Партизаны думали, как им переправиться на тот берег, не было у них ни лодок, ни плотов, а река широкая, глубокая — и вдруг смотрят они и не верят своим глазам: солнце печет, жара, а на Припяти лед появился, с одного берега на другой ледяная дорога идет. Попробовали ступить — лед крепкий, как в самые лютые морозы, не трещит, не гнется. Перешли партизаны на тот берег, и когда последний боец ступил на землю, ледовый мост тотчас растаял, будто и не было его.

В ГЛУШИ ПОЛЕСЬЯ

Как раз в те дни, когда партизанское соединение вышло в район Олевска, на границу Украины и Белоруссии и подрывники отправились к Сарнам для взрыва железнодорожных мостов на реках Горыни и Случи, наши радисты приняли весть из Москвы о переходе Красной Армии в решительное наступление под Сталинградом. Наш удар в глубоком тылу немцев по их важнейшим коммуникациям наносился одновременно с ударом Красной Армии на решающем участке фронта.

Опять Григорий Яковлевич Базима со своим помощником Васей Войцеховичем раскладывают в штабе карту, на которой Волга и Дон. Снова мы собираемся вокруг этой карты, старики надевают очки и ищут населенные пункты, названные в последней сводке, но думы у нас уже совсем другие. Раньше нас все тревожило, что фронт далеко, мы все измеряли расстояние до него, а сейчас смотришь на те же пункты, на Волгу, Дон и думаешь: какие масштабы! Вот ведь и там, под Сталинградом, и здесь, в Полесье, на фронте и в глубоком немецком тылу, борьба идет по единому плану — как все накрепко связано в один узел!

Да, наступил праздник на нашей улице, радостно было на душе. Далеко ушли мы от своей базы, а чувства оторванности не было у нас теперь и в помине. Казалось, что расстояния не имеют уже значения.

Когда партизанское соединение перешло Припять, немецкие войска, разбросанные в Полесье небольшими гарнизонами по местечкам, окруженным труднопроходимыми лесами и болотами, начали рыть окопы и приспособливать для обороны все каменные здания.

Опорным пунктом немцев в этом глухом районе Полесья был город Лельчицы на берегу реки Уборти. При нашем приближении к Лельчицам под защиту немецкого гарнизона города сбежалась полиция всех окружающих сел. На полицаев особенное впечатление произвели наши пушки. Они решили, что идут не партизаны, а части Красной Армии, появившиеся откуда-то в Полесье, наверно переброшенные по воздуху. В те дни немцам не трудно было поверить в это: они были в ужасе от того, что так внезапно для них произошло под Сталинградом.

В Лельчицах поднялась суматоха: спешно приспособливались к обороне каменные здания центральной части города, строились оборонительные сооружения в парке, все немецкие прислужники перебирались с окраин ближе к немецкой комендатуре.

Штаб нашего соединения остановился в селе Буйновичах. Это село было захвачено нами с хода. Сбежавшая полиция оставила здесь в полной сохранности узел связи. Телефонистки сидели на своих местах. Я решил воспользоваться этим. Приказал связать меня с немецкой комендатурой в Лельчицах. Потребовал коменданта, но его не оказалось. Со мной разговаривал какой-то офицер, довольно прилично изъяснявшийся по-русски. Этот волк уже напаялил на себя овечью шкуру и научился блять.

— Что вы хотите? — спросил он, когда я сказал, что с ним разговаривает командир части Красной Армии, действующей в тылу немцев.

— Хочу, чтобы и духа вашего не оставалось на советской земле! — ответил я.

— Да, собственно говоря, я и сам не прочь поехать домой, — ответил он.

— В чем же дело?

— Да, видите ли, у меня есть начальник, и разговаривать с ним на эту тему совершенно невозможно.

— А вы кто такой?
— Я просто немецкий офицер.
— Приказываю гарнизону сложить оружие. В противном случае все вы без различия будете уничтожены!
— Хорошо, я передам ваш ультиматум своему начальнику.

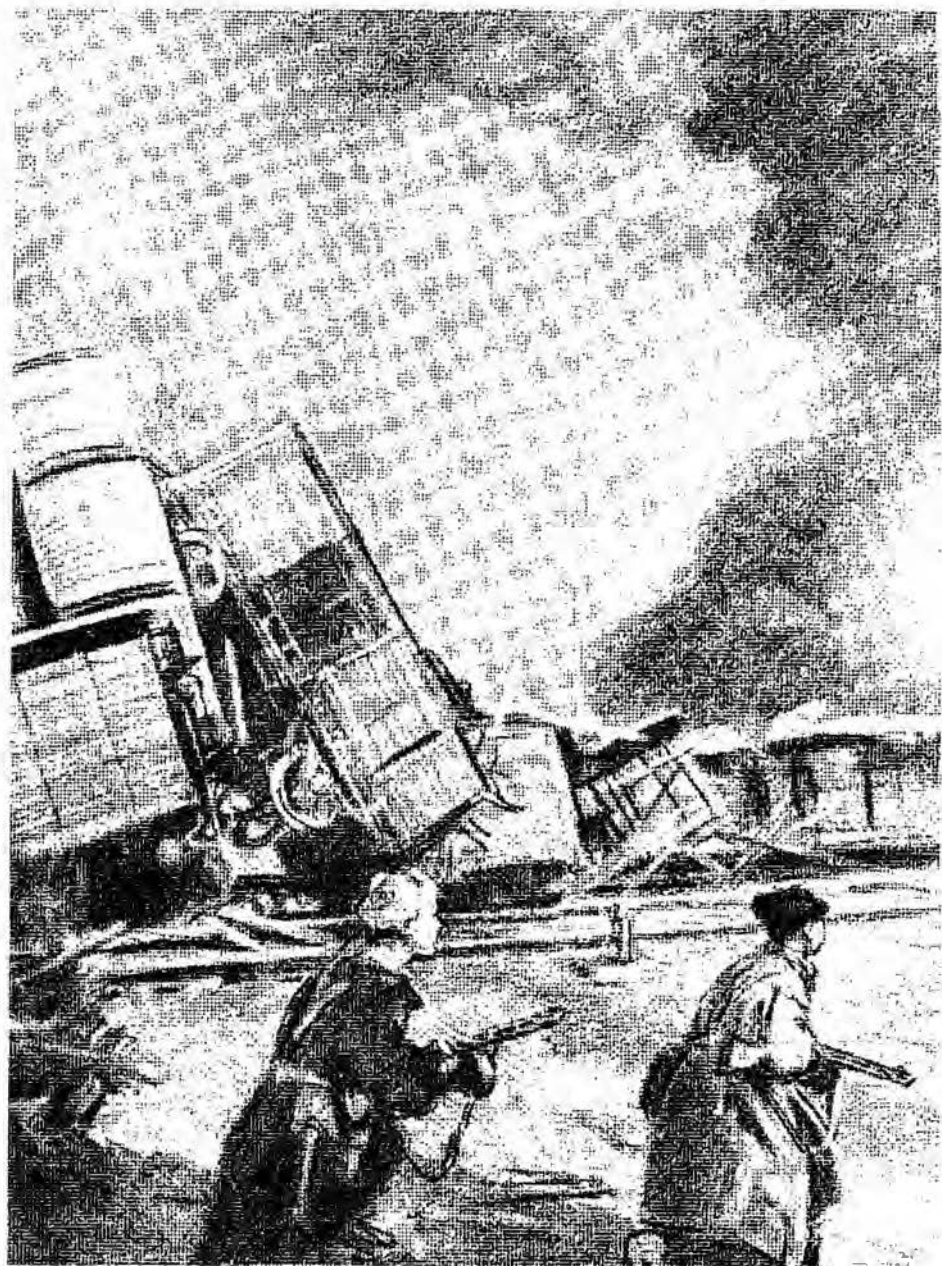
Район Лельчиц со своими лесами и болотами, которые подходили с севера к магистралям Ковель — Киев и к железнодорожному узлу Сарны, был для нас очень удобен как база для действий на немецких коммуникациях. Поэтому, несмотря на то что немцы в Лельчицах уже успели подготовиться к обороне и, следовательно, рассчитывать на внезапность нападения, что всегда было для нас вернейшим залогом успеха, тут уже не приходилось, мы все же решили во что бы то ни стало уничтожить лельчицкий гарнизон немцев.

В ночь на 26 ноября партизанские роты подошли лесами к Лельчицам с разных сторон и, быстро заняв окраины, окружили немцев, засевших в каменных домах центра города и в парке, где были вырыты окопы и сооружен основательный дот. Гитлеровцы использовали для него пьедестал разрушенного памятника. Вот когда пришлось поработать нашим артиллеристам! И поработали они на славу. Под прикрытием ночи батареицы подтащили свои пушки на восемьдесят — сто метров и на рассвете открыли огонь прямой наводкой. Окопы в парке взяли под обстрел минометчики. Несколько часов продолжался ожесточенный бой. Немцы, поняв, что им не уйти, сопротивлялись бешено.

В разгар этого боя была смертельно ранена в живот комсомолка Маруся Медведь, полная, красивая восемнадцатилетняя девушка. Она вступила в отряд еще в Спадчанском лесу. Сначала Маруся воевала рядовым бойцом, потом ее взяли на курсы медсестер, организованные при санчасти соединения. Любили эту девушку партизаны — смелая была: участвовала во всех боях своей роты, перевязывала раненых под огнем, не торопясь, не волнуясь, как будто пули не могли ее задеть. И вот бойцы принесли Марусю на руках к моему командному пункту, находившемуся на окраине Лельчиц. Тут же был и медпункт. Дина, осмотрев рану, не могла скрыть, что состояние Маруси безнадежное. Она умирала в страшных муках.

Только стало известно об этом в ротах, штурмовавших немецкие укрепления, как разнеслась весть о том, что смертельно ранена в бою другая наша медсестра — Тамара Литвиненко, тоже храбрая и красивая девушка из Путивльского района, высокая, гибкая, как лозинка, со светлыми ласковыми глазами. Ну, тут уж бойцов нельзя было удержать — стали мстить за наших девушек. Потом бойцы говорили: «В Лельчицах мы ходили по шиколотку в крови гитлеровцев». Был уничтожен весь вражеский гарнизон, вся полиция, сбежавшаяся из соседних сел, — несколько сот человек. Спасся, кажется, только один начальник гарнизона, под каким-то предлогом укативший из города, после того как ему стал известен наш ультиматум.

Утром над Лельчицами появились немецкие самолеты, и вскоре со

стороны Овруча показались автомашины с вражескими подкреплениями. Опоздали эти подкрепления: партизаны полностью овладели городом и успели подготовиться к встрече со свежими силами противника. Вражеская колонна была разгромлена наголову раньше, чем она подошла к Лельчицам. После этого мы занялись раздачей населению продовольствия, лежавшего на немецких складах. У немцев имелись в городе большие запасы зерна и картофеля.

Уничтожив лельчицкий гарнизон, мы тем самым очистили от оккупантов большой район Полесья. В этом районе до нас действовало много разрозненных партизанских групп. Как только мы пришли сюда, они стали объединяться, и вскоре тут появилась целая партизанская бригада.

27 ноября партизанское соединение расположилось в полесских селах Глушкевичах, Милашевичах, Приболовичах. Это — в лесах между Лельчицами и Олевском, вблизи железной дороги Сарны — Коростень, на границе Белоруссии и Украины. Отсюда группы наших подрывников нанесли удар по сарнскому железнодорожному узлу. Было взорвано девять больших железнодорожных мостов на участках Сарны — Луинец, Сарны — Ковель, Сарны — Ровно, Сарны — Коростень, то есть нарушено движение на всех дорогах, скрещивающихся в Сарнах. Работа сарнского железнодорожного узла была полностью парализована на полтора месяца.

Эта операция получила у нас название «Сарнского креста». Все мосты были взорваны одновременно пятью ударными группами, выступившими из Глушкевичей в ночь на 30 ноября. У каждого моста происходило одно и то же. Немецкая охрана нигде не успела открыть огонь. Партизаны уничтожили ее, не потеряв при этом ни одного человека.

После взрывов мостов подрывники развелись на уцелевших звеньях огромные кормовые тывки: взрывчатых веществ не хватило — пришлось схитрить. Как и рассчитывали партизаны, немцы решили, что тывки не зря повешены, что внутри их, несомненно, находятся адские машины. Потом об этих тывках ходили легенды. Крестьяне рассказывали нам, что специальная техническая комиссия немцев больше двух недель ломала себе голову, пытаясь разгадать секрет механизма скрытых в тывках мин. И подойти к ним боялись, издали всё разглядывали в бинокль и расстреливать не решались: как бы не взлетело в воздух и то, что уцелело от моста.

Штаб партизанского соединения все это время стоял в Глушкевичах. Это большое село с нашим приходом после разгрома немецкого гарнизона в Лельчицах стало центром всего партизанского района. Глушкевичи были связаны телефоном со всеми селами, в которых стояли наши отряды. Отсюда принятые партизанской радиостанцией сводки Совинформбюро, сообщения о победах Красной Армии под Сталинградом распространялись по всему южному Полесью. Эти сводки, как боевой клич, поднимали народ на борьбу с вражескими захватчиками.

Жители соседних сел Борового, Шугалей, Рубеж постановили на общих собраниях закрыть для движения немцев все дороги и сейчас

же приступили в своем районе к разборке мостов и устройству завалов. Польское население Будки Войткевицке еще до нашего вступления в эту деревню вынесло на собрании решение произвести сбор мяса, картофеля и фуража для партизан.

В Глушкевичах к нам пришел небольшой партизанский отряд из села Ельск. На наших глазах этот отряд, насчитывавший несколько десятков бойцов, вырос до двухсот человек. Мы вооружили его, подучили и отправили обратно в свой район для самостоятельной работы. Непрерывно росли и ряды наших батальонов.

Одна группа добровольцев в несколько десятков человек подошла к нашему штабу строем под командой.

— Прибыло пополнение! — отпартовал мне командир.

Среди добровольцев были две пятнадцатилетние девочки-подружки: Нина Шустер и Полина Рахман. Выглядели эти девочки далеко не воинственно: совсем еще дети. Что привело их к нам? Нина — полька. Она долго укрывала у себя от немцев свою подругу-еврейку: где только не прятала ее — в погребе, в подвале, на чердаке! Они жили в вечном страхе, обе по ночам дрожали при каждом подозрительном стуке: не немцы ли идут? Ну как было не принять их в отряд! Иначе спасти их мы не могли.

Взрывы железнодорожных мостов вокруг Сарн всполошили немцев, но они не могли сразу ответить ударом на удар: не было вблизи достаточно сил для этого. Прошло около месяца, прежде чем немецкое командование подготовилось к операции против нас.

22 декабря, сконцентрировав в районе села Хочин крупные силы отборных частей СС и жандармерии, немцы повели наступление на Глушкевичи. Наступало пять батальонов двумя группировками: с запада и юго-востока. После ожесточенного боя, продолжавшегося непрерывно день и ночь 22—23 декабря, нам пришлось принять решение оторваться от противника.

На «Сарнский крест» мы израсходовали весь запас взрывчатки, да и прочие боеприпасы были на исходе. Надо было искать подходящее место для аэродрома, чтобы принять самолеты из Москвы. Мы решили уходить на север, в самую глушь Полесья, в гнездовья белорусских партизан.

Избранный нами маршрут проходил через село Бухчу Туровского района. Это село оказалось занятым батальоном немцев. Мы рассчитывали прорваться через Бухчу, опрокинув немецкий гарнизон внезапным ударом с хода, — не удалось. Передовые роты партизан на подступах к селу были встречены ураганным огнем из домов, в которых немцы уже успели укрепиться. Партизанам, третьи сутки не имевшим ни минуты отдыха (бой, потом ночной марш), чтобы пробить себе дорогу через село, пришлось каждый дом брать штурмом, выбивать из него немцев пушками.

Кровопролитие в Бухче было сильное. Партизаны сходились с противником врукопашную. Разгорячившись, я скинул с плеч свою длинно-

полою, на меху шубу. Ее подхватил один командир. Он тут же был тяжело ранен. Когда его понесли в санчасть, по ротам разнеслась весть, что это меня несут: шуба была приметная, единственная в отряде, ирофейная, снятая с убитого венгерского офицера. Потом многие удивлялись, чего это я во время боя в Бухче ходил по улице. Надо было, чтобы люди видели, что командир жив.

Двадцать часов вели мы в Бухче ближний бой, пока не прорвались через село, разгромив немецкий гарнизон. Из Бухчи двинулись на село Тонеж. Немцы еще раз попытались преградить нам дорогу на север. Из Турова наперерез партизанам двигался сборный батальон врага. Он спешил на помощь своим в Бухчу, но опоздал. Мы столкнулись с ним на подходе к селу Тонеж и коротким ударом частью перебили, частью рассеяли.

Опять на нашем пути оказалась Припять. В ноябре мы подошли к ней с севера, теперь подходили с юга.. Сколько уже петель сделали мы на Украине — еще одна. Январь наступал, лед на реке был крепкий, но все-таки под тяжестью нашего обоза местами начал проламываться. Хорошо, что бойцы запаслись жердями и веревками, — было за что ухватиться, когда проваливались в полынью. За людей я не боялся — закалились: выкупался хлопец, вылез из-под льда и просит только скромно сто граммов, чтобы чуточку согреться.

Я велел выдавать в таких случаях спирт, и некоторые любители, по правде говоря, ухитрялись получать несколько раз по сто граммов: выпьют, разохотятся и опять проваливаются под лед — теперь уже нарочно, чтобы еще больше согреться.

Сильно беспокоились мы за свою артиллерию — боялись, что пойдет под лед, и тут уж спирт не поможет. Пушки не раз выручали нас в рейде. С ними мы всюду чувствовали себя как-то увереннее. И народ при виде пушек с уважением говорил про нас:

— Вот это партизаны — с пушками!

Стоим мы с комиссаром на берегу, смотрим, как тянут по льду пушки, глаз с них не сводим. Кто-то прибегает, что-то говорит, я что-то отвечаю, а сам думаю: «Ну, еще немного, и тогда уже не страшно».

Редко когда я так волновался. Обошлось счастливо, без каких-либо потерь. Переправились через Припять и пошли дальше на север, лесными дорогами, к большому озеру Червонное, по-старинному Князь-озеро. Это один из самых "глухих" уголков Полесья. Въедешь в деревню — беспорядочно разбросанные хаты. Не поймешь, где тут улица: дворов нет, вместо них навесы для скота. Вокруг кустарник по болоту, дальше — девственные леса, все завалено снегом, зима, а туман, как осенью.

Немцы не решались проникать в эти болотисто-лесные грущобы. Мы пришли сюда, к белорусам, как к себе домой. Все дороги контролировались партизанскими патрулями, каждое село было базой какого-нибудь отряда. Верующие молились в церквах за ниспослание победы Красной Армии, тут же после богослужения собирались продукты для партизан.

В этих деревнях ходило много легенд: и старинных, переживших, должно быть, не одно поколение — о затонувших на озере островах и княжеских замках, в которых томились чудесные красавицы, — и новых, сложенных уже во время войны.

В дни немецкой оккупации, когда стало народу жить невмоготу, в Полесье родилась легенда. Не знал, мол, народ, что делать, кому верить. И пришли люди к одному столетнему деду, видевшему вещие сны, и стали его спрашивать:

— Скажи, дед, кто спасет народ?

Дед велел прийти завтра. Чтобы ответить, он должен был увидеть сон.

Явился народ на другой день — полная хата набилась.

— Так вот, люди, — сказал дед, — видел я во сне, что на опушке леса у Князь-озера стоит старый дуб, а возле него лежит шесть больших камней. В камнях вся тайна! Надо найти их...

И решил народ идти искать по берегу озера тот дуб, возле которого лежит шесть камней, хранящих тайну. Долго искали, наконец нашли на берегу Князь-озера старый дуб, росший среди больших камней. Камни те наполовину в землю ушли. Сосчитали — шесть, как сказал дед. Стали отрывать, но сколько ни бьются, никак не могут оторвать, сил не хватает, слаб стал народ.

Приходят к деду и говорят, что камни нашли, но тайны открыть нельзя: камни так глубоко в землю вросли, что нет сил откопать их.

И опять дед велит народу обождать до завтра. Чуть свет собралась у его хаты вся деревня. Всем не терпелось узнать, какой сон нынче приснился вещему старцу.

Долго спал дед. Проснулся, когда солнце уже высоко было.

— Так вот, люди, — говорит он. — Приснилось мне нынче, будто над околицей нашей деревни горит звезда, как солнце.

Опустили люди головы, молчат. Много лет назад к Октябрьскому празднику была построена у околицы красивая деревянная арка, и комсомольцы украсили ее большой красной пятиугольной звездой, украсили еловыми ветками. А когда началась война и в Полесье пришли немцы, старики сняли звезду и куда-то спрятали ее.

«Что бы значил новый сон деда?» — думал народ, молча расходясь по хатам. К утру на арке, что стоит у околицы, появилась вдруг блестящая на солнце свежей краской, украшенная хвоей пятиконечная звезда.

Обрадовался народ, почувствовал, что силы к нему вернулись, и снова все пошли на берег озера, к старому дубу, дружно взялись за камни и легко вырыли их. Каждый камень оказался буквой. Сложили буквы и прочли слово: «Звезда».

*

В первых числах января 1943 года штаб соединения остановился в селе Ляховичах на берегу озера Червонного. Здесь произошла братская встреча партизан Белоруссии с партизанами Украины, было проведено

совещание командования группы отрядов Сумской области с командирами белорусских отрядов.

И мы и они сразу обратили внимание, что тактика у нас разная. В белорусском Полесье большинство партизан можно было назвать оседлыми. Здешняя природа — труднопроходимые, а местами вовсе непроходимые болота и леса — очень благоприятствовала созданию крепкой обороны. Белорусские партизаны умело воспользовались этим, усилили естественные заграждения минными и превратили свои лесные базы в неприступные крепости. Без проводников из местных партизан в этих лесах нельзя было и шагу ступить — сейчас же наскочишь на мины. Они были понатыканы тут всюду — все гати, дороги заминированы.

Наши подрывники, отправившиеся на свою очередную операцию, вернулись разочарованными. Радик, ходивший с ними, сказал отцу:

— Ну и жизнь настала! Некуда мины сунуть. На железной дороге толпы разной братвы, и все суют мины. Поезда вовсе перестали ходить.

Да, тактика у нас и у белорусов была разная. И напрасно было спорить, какая из них лучше. И та и другая имели свои преимущества. Непрерывно передвигаясь, Мы наносили удары сегодня тут, завтра там, а белорусские партизаны выполняли свою задачу на месте — непрерывно держали под ударом важнейшие коммуникации противника.

Товарищи белорусы очень заинтересовались нашим рейдом. Такой далекий поход был для них новинкой. Мы поделились с ними опытом своей маневренной тактики, а они рассказали нам о действиях подрывных групп на вражеских коммуникациях, о беспощадной рельсовой войне, опытом, который в дальнейшем нам очень пригодился.

Около месяца простояли наши отряды в Ляховичах и соседних с ним деревнях на озере Червонном.

Хата, в которой устроились радисты со своей станцией, стала чем-то вроде клуба. Тут к определенному часу собирались наши и белорусские партизаны, местные колхозники за последними новостями с Большой земли, тут можно было узнать и все партизанские новости Полесья. На озере загорелись костры ледового аэродрома. В одну ночь мы приняли на лед шесть самолетов из Москвы. Люди, высыпающие из села на берег, чуть не прыгали от радости, когда большие транспортные машины, подлетаая во тьме к горящим на озере кострам, вдруг включали сильные огни, на виду у народа одна за другой шли на посадку и, подруливая, выстраивались на льду в ряд. В Ляховичах появились люди в синих комбинезонах и меховых унтах — пилоты, бортмеханики, штурманы, стрелки-радисты. Вокруг них на улице и в хатах на «беседках» всегда толпился народ, жаждавший узнать, как живет, как выглядит Москва. Прилетели к нам корреспонденты центральных газет, кинооператоры, фоторепортеры, мы стали получать свежие номера «Правды». На санной дороге по озеру шло непрерывное движение транспорта. С аэродрома перевозились в Ляховичи доставленные самолетами боеприпасы: патроны, снаряды, взрывчатка. Из Ляховичей на аэродром прибывали для отправки в Москву раненые и больные.

Немецкая авиация обнаружила партизанский аэродром. Над озером Червонным закружились звенья «юнкерсов». Они сбрасывали бомбы на лед и прибрежные деревни, но к этому времени мы уже достаточно пополнили свои боезапасы. Кстати сказать, пополнялись и наши продовольственные запасы. Обратившись к местным рыбакам, мы с их помощью организовали подледный рыбный промысел. Бойцы возили рыбу с озера целыми обозами. Весь месяц, пока мы стояли в Ляховичах, рыбные блюда, самые разнообразные, не сходили с нашего стола, и в поход было заготовлено по несколько килограммов на человека сушеной, соленой и копченой рыбы.

Незадолго до выступления наших отрядов с озера Червонного к нам прилетел член Верховного Совета УССР товарищ Бегма. Его прибытие было для нас большим праздником. Он привез с собой ордена и медали и в Ляховичах перед строем вручил их награжденным партизанам.

В старейшем отряде соединения — Путивльском — больше половины бойцов и командиров получили ордена.

Вот как получала орден Красной Звезды наш главный врач Дина. За несколько дней до этого она заболела. Поставив себе диагноз — грипп, Дина продолжала работать в санчасти, ездила на своей Малютке по селам, оказывала медицинскую помощь населению (больных тут в это время было много — свирепствовал сыпной тиф). Температура, подскочившая до сорока, заставила ее слечь как раз в тот день, когда в санчасть привезли для операции одного раненого — надо было ампутировать руку.

Все уже приготовлено для операции — вымыт пол, посреди комнаты поставлен чистый стол и раненого уже внесли на носилках, а Дина, единственный наш хирург, лежит в постели больная. Оказалось, что у нее не грипп, а сыпной тиф уже пятый день. Что делать? Раненый был в очень тяжелом состоянии, отложить операцию — погубить человека. И Дине пришлось подняться на ноги, надеть халат и с сорокаградусной температурой приступить к операции. Раненый был спасен, а наш молодой хирург, выполнив свой долг, едва дошла до постели, как потеряла сознание. Когда Дина пришла в себя, возле нее стояли Бегма, Руднев и я. Бегма протянул ей коробочку с орденом. Она с удивлением смотрит на нее, не понимает, что это, зачем ей дают какую-то коробочку — не берет ее. Я поздравляю с правительственной наградой, и меня не понимает, смотрит мутными глазами. Тогда Семен Васильевич вынул из коробочки орден и положил ей на грудь.

Тиф дал осложнение на легкие, и перед выступлением в поход мы отправили Дину на самолете в Москву. Прощаясь с нами, она вспомнила и о своей Малютке — замечательной, горячее, как огонь, маленькой, грациозной лошадке — и подарила ее Радику, который часто восхищался этой лошадкой и говорил, что Дина на своей Малютке похожа сразу на все скульптуры древних. Он же получил в наследство от Дины тысячу патронов к пистолету-пулемету — стал самым богатым человеком в отряде.

Много раз бывало так, что бой еще идет, а у некоторых бойцов уже нет патронов. Поэтому в Ляховичах каждый старался набить патронами все свои сумки и карманы. Особенно жадничали наши юнцы-связные. Патроны тут нам несколько раз сбрасывали с самолетов на грузовых парашютах. Пока бойцы хозроты подбегут к ним по снегу, связные подскочат на конях, расшнуруют мешок, набьют карманы патронами, опять зашнуруют. И не заметно, что взято, а пересчитаешь — десятка пачек не хватает в каждом мешке. Вожаком в этих набегах на парашютные мешки был Валька-трубач. Он появился в отряде, когда мы еще были в Брянских лесах.

Незадолго до выхода в рейд к нам прибыла из Москвы на двух самолетах группа специалистов-подрывников. При встрече этой группы москвичей, ожидавшей на аэродроме подвод, я заметил мальчика лет тринадцати. Он сидел на мешке с сухарями, держал автомат и распевал во весь голос:

Алло! Алло! Барон,
Какие сводки...

Я спросил, откуда взялся этот певец, — неужели тоже прилетел из Москвы? Один из москвичей смущенно сознался, что мальчик — его брат, но как он попал на самолет, неизвестно: парня обнаружили среди мешков уже в воздухе.

— Как же ты ухитрился? — спросил я этого мальчугана.

— Подумаешь... — усмехнулся он. — До войны сам в авиации служил.

Оказалось * — воспитанник какой-то авиационной части, был в команде музыкантов — трубач. В начале войны его отправили в детдом, не доехал — удрал с дороги, устроился воспитанником на санпоезд. В санпоезде не понравилось — «какой интерес по тылам ездить», — добрался до фронта и сбежал в батарею. Пробыл там месяца два — «надоело с командиром на дереве торчать, а в разведку командир не отпускает», — захотелось в кавалерию, но и в кавалерии тоже скучно стало — «надоело коней скребать», — вот и решил парень побывать еще в партизанах. Воспользовался случаем — кавалерийская часть стояла под Москвой по соседству с аэродромом, с которого вылетал его брат.

Руднев начал воспитание этого юнца с того, что велел отобрать у него автомат — сменить на винтовку. Автоматы у нас выдавались только отличившимся бойцам.

— Не заслужил еще, — сказал Семен Васильевич. — Для кого война — горе народное, а для тебя, вижу, — баловство, — добавил он, покачивая головой.

Потом выяснилось, что автомат Валька-трубач приобрел нечестным путем — просто выкрал из партии, погруженной на самолет. Мы хотели отправить этого парня обратно в Москву, но брат упрямился оставить.

— Ну, как понравилось тебе на Малой земле? — спросил я у него спустя несколько дней после того, как он появился у нас.

— Понравилось. Главное, что свободно, милиционеров нет, — заявил он.

Трудно было взять в руки озорника. Кричишь на него — стоит опустив голову. Отпустишь, и минуты не пройдет — слышишь, распевает уже: «Сердцу без любви не легко, где же ты моя Сулико!» Только Руднева побаивался. Семен Васильевич не столько словами на него действовал, сколько взглядом — посмотрит грустно, покачает головой и вздохнет. После этого Валька-трубач долго ходит молча.

НА ПРОСТОРАХ УКРАИНЫ

За время стоянки на озере Червонном выславшиеся отсюда в дальние разведки небольшие группы партизан побывали в Ровенской, Житомирской и Киевской областях. Разведчики сообщили, что Сарнский железнодорожный узел уже восстановлен немцами и через Коростень — Киев опять непрерывно идут к фронту воинские эшелоны. Надо было повторить удар по этой вражеской коммуникации.

Мы решили на этот раз взрывать мосты поближе к Киеву, где противник меньше всего ожидал партизанского удара. Был составлен план рейда. И 2 февраля партизанское соединение выступило из Ляховичей, взяв направление на запад. Предстояло выйти из болотисто-лесной глуши Полесья на простор полей, пересечь по дуге все три изученные нашей разведкой области Украины и выйти к селу Блитче Иванковского района, Киевской области. Это село, расположенное на берегу реки Тетерева, километрах в восьмидесяти от Киева, мы избрали исходным пунктом для проведения намеченных операций.

Было время снегопадов, вьюжное. Все батальоны выехали на крестьянских саних. В пешем строю двигался только авангард. Колонна растянулась километров на восемь. И такой массе надо было переходить линии железных дорог! Дороги тут были под сильной охраной. И охрана могла получить подкрепление из гарнизонов ближайших крупных станций раньше, чем многоверстная партизанская колонна минует железнодорожный переезд. Приходилось прорываться с боем, блокируя гарнизоны станций, прикрываясь артиллерией, ставя ее на позиции у переездов, чтобы в случае подхода эшелонов с войсками противника сейчас же встретить их огнем.

Вот как было, когда после нескольких переходов лесными дорогами Полесья в западном направлении соединение, повернув на юг, в Ровенскую область, подошло ночью к железной дороге Пинск — Луинец. Одни подразделения вели бой, а другие под обстрелом противника форсировали дорогу. Вдоль полотна светился поток трассирующих пуль. Крестьянские лошади испуганно шарахались, пятились. Чтобы предотвратить затор, поставили у въезда на полотно несколько партизан с кнутами. Они подстегивали упиравшихся лошадей. Если лошадь падала

раненная или убитая, ее тотчас вместе с санями стаскивали под откос. Некоторые роты пересекли железную дорогу на галопе.

С выходом из лесов Полесья на просторы Украины в целях маскировки мы то и дело меняли направление, петляли, сбивали противника с толку, заставляли его кидаться из стороны в сторону. Конечно, если бы немцы были полными хозяевами на оккупированной территории, в конце концов им бы, наверное, удалось поймать нас в мешок. Но недаром советские люди, говоря о районах, оккупированных немцами, всегда прибавляли слово «временно». Именно временно, и не только потому, что мы никогда не сомневались в скором изгнании немцев с советской земли, но и потому, что по-настоящему немцы никогда не были хозяевами положения на захваченной ими территории.

Партизанские базы, заложенные партийными организациями, дали богатые всходы. Всюду посеянные партией семена партизанского движения попали на тучную почву. А почва эта — наш народ-боец. Одна воля поднимала всех на борьбу, единым было руководство, но в разных местах по-разному, в соответствии с местными условиями и задачами, развертывалось партизанское движение.

В Ровенской, Житомирской и Киевской областях, куда мы пришли весной 1943 года, действовали преимущественно мелкие партизанские отряды и группы. Под руководством местных подпольных партийных организаций они составляли сплошную сеть боевых ячеек, которые занимались одновременно и диверсионной, и разведывательной, и агитационной работой, имели своих агентов и помощников в каждом селе.

Благодаря этому мы и тут, так же как у себя на Сумщине, знали всё, что немцы намеревались предпринять против нас, и всегда могли вовремя изменить маршрут или прибегнуть к другим контрмерам. Когда мы вступили в Ровенскую область, разведчики, уходившие далеко вперед, сообщили, что немцы собираются устроить в одном селе засаду. В село это сейчас же была послана наша рота. Партизаны разошлись по хатам, смешались с жителями. Вскоре в село вкатилась колонна автомашин с немецкими солдатами. Они были встречены огнем автоматов и пулеметов. Стреляли из всех окон. Тут не уцелело ни одного гитлеровца.

19 февраля партизанское соединение достигло местечка Большой Стыдине — районного центра Ровенской области, расположенного в треугольнике железных дорог. Отсюда было выслано в разные стороны несколько партизанских групп для подрывной работы сообща с местными партизанами на коммуникациях противника. Мы шли на юг, потом повернули на восток в направлении Житомирской области.

Леса редели. Хвойные сменились лиственными. Простора было все больше и больше. Утром, стоя на косогоре у въезда в село, можно было увидеть всю колонну, растянувшуюся лентой по дороге, уходившей в даль снежного поля. Села, в которых мы останавливались на дневки, были уже совсем не те, что в Полесье, — белые мазанки, сады, тополя, ивовые плетни.

Впервые здесь народ видел такую мощную партизанскую колонну. Люди своим глазам не верили. Пушки в шестиконной упряжке, крупнокалиберные минометы — неужели это партизаны? Да не Красная ли это Армия уже вернулась?

Партизанские батальоны вступали в села с песней, сложенной партизаном Рудь, погибшим в Брянских лесах перед выходом в рейд:

Идем, не сгибаясь, в железном строю,
За счастье народа, за землю свою.
Чтоб снова на ней, на земле на родной,
Стояли хлеба золотой стеной.
Чтоб яблони снова дымились в цвету,
Чтоб вольная песня неслась в высоту —
О мать Украина, родная земля!
Мы вражеской кровью напоим поля,
За все твои раны врагу отомстим,
Живому отсюда уйти не дадим.

А какая радость была, когда наши радисты, поймав волну станции, на которой работало украинское радиовещание, устанавливали репродуктор и партизаны вместе с колхозниками слушали выступления членов Советского правительства Украины и Центрального Комитета КП(б)У.

В день праздника Красной Армии командование соединения получило в подарок от местных жителей и партизан тачанку в упряжке тройки карих рысаков с одинаковыми звездами на лбу, с нарядной сбруей, на которой медные бляхи сверкали как золотые. Эта тачанка стала моим походным штабом. По каким только дорогам Украины не привелось ей мчаться, через сколько рек переправляться по льду, на пароммах, плотках, по наплавным мостам и вброд!

Началась распутица. В селах нас встречали уже с букетами весенних цветов. Дальше ехать на санях было нельзя, оставили их колхозникам, боеприпасы и продовольствие перегрузили на повозки. Часть бойцов села верхом на освободившихся лошадях. На дневках всадники ковали в сельских кузницах стремена, оборудовали седла-самоделки. Так создавался наш эскадрон, впоследствии выросший до состава дивизиона, командиром которого был назначен бывший бухгалтер Ленкин, получивший у партизан прозвище Усач. По размерам усов он перешеголял всех наших усачей. Этот бухгалтер оказался прирожденным кавалеристом, несравненным по лихости командиром. И бойцы эскадрона подобрались под стать своему командиру. Были среди них живописные фигуры, одним видом наводившие панику на немцев. Например, Леша-кавалерист, получивший это прозвище еще будучи связным штаба. Надо было видеть его, как он скакал, обгоняя колонну: конь невероятных размеров, вроде битюга, с оторванным хвостом; пойдет галопом — земля гудит; на всаднике — огромная соломенная шляпа; весь он оплетен ремнями, увешан сумками, планшетками, фляжками, биноклями. Все трофейное, только чуб свой, казачий...

И вот удивительно: несмотря на всю пестроту одежды, вооружения

и снаряжения, придававшую нашей колонне очень живописный вид, не только немцы, но и свои люди, даже советские офицеры, выбравшиеся из окружения или бежавшие из плена, приходя к нам, сначала не верили, что мы партизаны, принимали нас за парашютно-десантную дивизию. Все, кто еще не видел нас, представляли партизан по старинке, по временам гражданской войны, и их, конечно, вводили в заблуждение строгая дисциплина марша, наше тяжелое вооружение, пушки, минометы и то, что мы крепко связаны с Большой землей.

Приближаясь к железной дороге Киев — Коростень, мы запросили по радио Москву, нельзя ли получить взрывчатки, запас которой уже нуждался в пополнении. Москва взяла наши координаты и условные знаки.

Продолжая марш, мы все время прислушивались к воздуху. Над нами часто шумели моторы, немецких транспортных самолетов. Опасаясь партизан, немцы летали на большой высоте. Все-таки одну транспортную машину врага удалось сбить ружейно-пулеметным огнем. Большой трехмоторный самолет на наших глазах упал в лес. Весь штаб помчался на конях к месту падения его. При ударе о землю самолет загорелся. Мы нашли его на небольшой поляне. Партизаны кинулись внутрь охваченной пламенем машины, чтобы спасти из огня все ценное. Ценного для нас там оказалось очень много: самолет был нагружен документами какого-то крупного немецкого штаба. Партизаны вынули из машины огромный ворох бумаг. Весь этот архив мы впоследствии переслали на Большую землю.

Немецкий самолет был сбит неподалеку от города Костополя. Вскоре, продвигаясь в тех же местах, мы услышали ночью шум советского авиадвигателя. Зажгли костры. Самолет, покрутившись над нами, стал сбрасывать грузовые парашюты. Специальная команда партизан, стоя у костров, подхватывала падающий на огонь груз огромной взрывной силы и укладывала его на подводы. Вслед за этим самолетом той же ночью прилетели еще два «москвича». Мы получили не только тол, но и свежие московские газеты.

Теперь центральная «Правда» на Малой земле не была уж таким событием, как раньше. Мы иногда читали ее на второй день после выхода. Бывало, на дневке, в какой-нибудь роще, под деревьями сидят кучки партизан и в каждой кучке белеет развернутая газета, а у штаба суэта: старики торопятся подобрать себе по глазам трофейные очки — свои потеряли, а без очков не могут прочесть газету. В штабе у нас был целый мешок очков; связные собирали их после боя с убитых немцев, и мы вели учет очкам — высчитывали, насколько повысился в немецкой армии процент очкастых. Процент этот рос после каждого боя, плохо вот только было, что нам попадались больше близорукие немцы, а все наши деды были дальнзоркие — десятки очков примерят, прежде чем подберут по глазам.

Месяц продолжался наш поход с озера Червонного. Мы шли открытыми, густо населенными местами, взрывая по пути мосты, громя станции, гарнизоны, склады, и все-таки выход партизанского соединения

под Киев оказался для вражеского командования полной неожиданностью. Должно быть, такая дерзость казалась немцам просто невероятной. Они всполошились, когда мы были уже в восьмидесяти — ста километрах от Киева.

В открытой местности под Коростенем, когда партизанская колонна переходила железную дорогу Коростень — Житомир, немцы напали на наш след, и отсюда несколько их батальонов шли за нами по пятам. Стали надвигаться гитлеровцы и со стороны Киева, появилась вражеская авиация.

8 марта на виду противника, начавшего уже наседать на нас, партизанские батальоны под прикрытием группы автоматчиков переправились через разлившуюся в весеннем половодье реку Тетерев. Переправа происходила по узкой полоске льда, задержавшейся на одном круглом повороте русла. Потом эта ледяная перемычка была взорвана.

Вступив в село Кодры, окруженное лесом, партизанские батальоны заняли оборону, выдвинули на лесные дороги заставы. Решено было дать здесь немцам бой, «чтобы не наступали нам на хвост», как говорили у нас. Передовой батальон гитлеровцев, натолкнувшись на партизанскую заставу, развернулся в лесу. Застава, отступая, заманила его к селу, прямо на наши станковые пулеметы. Весь этот батальон немцев полег тут под кинжальным пулеметным огнем. Второй немецкий батальон, двигавшийся вслед за первым лесной дорогой, был застигнут на марше ротой автоматчиков Карпенко, посланной в обход, и почти весь был уничтожен, прежде чем успел развернуться.

Мы потеряли в этом бою несколько человек, в числе их связного Володю Шишова, шестнадцатилетнего комсомольца, на которого возлагали много надежд — у него были все данные, чтобы стать хорошим командиром. Этот энергичный паренек, явившийся в отряд вооруженным, с большим запасом патронов, сразу же поставил себе целью добыть в бою автомат и добыл его первым из связных ребят. Мы прочили Володю в ротные командиры. Он был любимцем комиссара. Семён Васильевич часто подолгу разговаривал с ним, как с сыном. Оба они — и Радик и Володя — по заданию комиссара присматривали за такими ребятами, как Валька-трубач, чтобы не набедокурили, старались держать их в свободное время кучкой, в чем Володе очень помогал его патефон, пока эта музыка, к великому огорчению всех, не была потеряна при переходе с боем железной дороги.

В начале боя у села Кодры дежурный по штабу послал Володю в одну роту. Он долго не возвращался. Тогда в эту же роту был послан второй связной — Валька-трубач. И тот пропал. После боя их нашли возле села. Валька, выбиваясь из последних сил, волоком тащил из лесу своего товарища, не подававшего никаких признаков жизни. Как выяснилось потом, по пути в роту Володя наскочил в лесу на заблудившихся немцев и вступил с ними в бой. Когда же на помощь к нему прибежал Валька, из этих немцев в живых остался только один. Ребята решили взять его живьем, привести в штаб «языка», увлеклись

охотой, и кончилось дело тем, что немец почти в упор полоснул очередью из автомата по Володе. Три пули пробили ему грудь. Пока Валька тащил его лесом, он истек кровью. Спасти Володю не удалось. Он пришел в сознание, но ненадолго. Это было на другой день, когда мы уже двигались дальше ускоренным маршем к железной дороге Киев — Коростень.

Возле повозки, на которой везли Володю, шли кучкой все его молодые друзья. Они шли опустив головы, как за гробом, а Володя и не думал, что ему недолго осталось жить. Придя в себя, он сразу забеспокоился, не хотят ли его эвакуировать на Большую землю, сказал, что все равно вернется в отряд, а потом вдруг попросил сметаны. Несколько ребят вскочили на коней, помчались на какой-то хутор. Они вернулись с кринкой сметаны, но Володя опять уже был без сознания и вскоре умер.

На похоронах Володи Шишова выступил с речью Руднев. В речи комиссара были горькие слова по адресу некоторых наших бойцов-подростков, злоупотреблявших тем, что мы относились к ним, как к своим родным внукам, и прощали им озорство, подчас и такое, за которое надо было бы строго наказать. Кое-кто из этих ребят, недовольных тем, что им часто приходилось получать от меня нахлобучки или выслушивать выговоры комиссара, вел разговоры: опять, мол, Володька наядбедничал, тянется перед начальством, выслуживается, хочет командиром быть. На похоронах Володи больно досталось им от Руднева за эти разговоры — он в слезы вогнал ребят. Валька-трубач зарыдал, наверно первый раз в жизни. Ему особенно горько было потому, что теперь он считал себя другом Володи, а раньше сам наговаривал на него ребятам.

ПОД КИЕВОМ

На подходе к магистрали Киев — Коростень мы получили сообщение от местных партизан, что впереди дорога, по которой двигалась наша колонна, заминирована немцами. Задерживаться было нельзя, и я приказал продолжать движение, пустив вперед гурт захваченного у противника скота. Этот скот партизаны раздавали на днях колхозникам, возвращали хозяевам. Теперь пришлось использовать его для разминирования дороги.

Несколько коров взорвалось на минах, но люди прошли без потерь.

10 марта, пройдя ночью железную дорогу Киев — Коростень, все партизанское соединение вышло к селу Блитче, на исходные позиции для намеченной операции под Киевом.

Бежавшая из села немецкая полиция не сумела предупредить по телефону свое начальство в районе о приближении партизан. Здешний телефонный аппарат в помещении старостата был на одном проводе с аппаратами соседних сел. Мы не преминули воспользоваться этим и

долго слушали телефонные разговоры полицейских, не подозревавших, что в Блитче партизаны. Благодаря этому мы, не выходя из села, были в курсе всего, что предпринималось немцами в связи с появлением в Ивановском районе партизан.

Вызывают из Иванкова:

— Блитча, Блитча, Блитча! Что за черт!

Блитча не отвечает. Отзывается голос из другого села:

— Иванково. Кто это у телефона?

— Я — начальник полиции. А вы кто?

— Из Коленцы полицейский. В Блитче, должно быть, староста загулял.

— Это бы еще ничего. Мне думается, что там что-то другое.

— Думаете, партизаны?

— Надо выяснить, что там. Пошлите кого-нибудь с веревкой и топором, как будто в лес по дрова. Пусть он посмотрит, что делается в Блитче.

Я сейчас же приказал выслать несколько бойцов в лес в направлении села Коленцы. Вскоре они привели одетого в крестьянское платье полицейского с топором и веревками. Тот сознался, что его послали в Блитчу для разведки.

Продолжаем подслушивать телефонные разговоры. Иванково вызывает Коленцы:

— Ну как, посылал в Блитчу?

— Послал, но еще не вернулся.

— Пошлите кого-нибудь на подводе. Положите мешка два картошки, как будто знакомой тетке везет.

— Хорошо, сделаем. А у вас что слышно?

— Войска прибывают из Киева. Машина за машиной. С пушками и минометами.

Снова посылаю несколько бойцов в направлении села Коленцы. Возвращаются на подводе с картофелем, привозят второго немецкого разведчика. Допрашиваем его и одновременно готовим немцам встречу. Один батальон располагается в километре от села, окапывается. Батарея встает на позицию. Две роты уходят в лес, чтобы с появлением противника ударить ему во фланг и тыл. Все дороги берутся под наблюдение.

Между тем Иванково опять вызывает Коленцы:

— Ну что, никто не вернулся из Блитчи?

— Послал еще одного, но ни того, ни другого нет. А у вас что нового?

— Все улицы войсками забиты.

На следующий день противник подошел к Блитче. Наступало около двух батальонов немцев и немецко-украинских националистов. Их встретил ураганным огнем батальон шалыгинцев под командой Матющенко. С тыла ударили автоматчики сержанта Карпенко. Противник замесался и попал в подготовленную нами ловушку. Партизаны вышибли врага из леса на открытое поле, под огонь пулеметов, прижали к реке. Ошалевшие от страха солдаты бросали оружие и кидались в

широко разлившийся Тетерев, карабкались на плывущие по реке льдины, но партизанские пули настигали их и там. Весь берег был завален вражескими трупами, много трупов течение унесло на льдинах.

Перебравшись через реку, «казачки», как называли себя навербованные немцами предатели, засели в кустах и ямах поймы, которая местами была подо льдом и водой. Я вызвал «охотников», и несколько бойцов поплыли на двух лодках вылавливать этих «казачков». Вскопили в лодку и два наших подростка: связной Валька-трубач и разведчик Миша Семенистый, поклонившиеся на могиле Володи Шишова отомстить врагу за смерть товарища. С высокого берега хорошо было видно, как происходила «охота». Партизаны, подбираясь с разных сторон к залегшим «казачкам», разбивали прикладами лед и шли по пояс, по грудь в воде. Валька-трубач и Миша Семенистый шли прямо на пулеметчика: один спереди, а другой с тыла. И оба во все горло кричали: «Сдавайся!» Пулеметчик растерялся и поднял руки. После этого и остальные «казачки» сдались.

Чтобы пленные не разбежались, юные партизаны прибегли к старому надежному способу: обрезали у них на штанах все пуговицы и отбрали пояса. Поохотились люди, когда под конвоем двух парнишек с автоматами по селу шла толпа пленных «казачков», обеими руками поддерживавших штаны.-

Уничтожив в Блитче брошенные немцами против нас войска, мы приступили к выполнению своей основной задачи. В Блитче остались только штаб, обозы и небольшое прикрытие, все боевые роты разошлись в разные стороны, по обыкновению веером, для диверсионной работы на коммуникациях противника. Риск для штаба и обозов был, конечно, большой, но мы рассчитывали, что взрывы, которые должны были последовать в разных местах на большом расстоянии друг от друга, отвлекут немцев от Блитчи. Так и случилось. Немцы не знали, куда кинуться. Запылал большой деревянный мост у Иванкова на реке Тетерева, сгорел дотла. Это было дело группы шалыгинцев под командой Матющенко. Полетели в воду мосты на реках Ирпени и Здвиге, еще ближе к Киеву — там действовала группа путивлян во главе с Петышкиным.

Главный удар был направлен на станцию Тетерев. Немцы держали здесь сильный гарнизон, охранявший железнодорожный мост. Все подступы к нему прикрывались дзотами, проволочными заграждениями, минными полями. Пришлось штурмовать этот мост, предварительно заминировав железную дорогу с обеих сторон станции, чтобы немцы не могли быстро подбросить сюда подкрепления. Местные партизаны дали проводников, и две наши боевые группы — глуховцы под командой Кульбаки и кролевчане во главе с Кудрявцевым — под общим руководством моего помощника Павловского и секретаря партийного бюро соединения Панина ночью скрытно вышли к мосту. Дружным ударом с северо-востока и юго-запада немецкая оборона моста была уничтожена. На рассвете железнодорожный мост взлетел в воздух. Рядом немцы строили через Тетерев деревянный мост. Этот мост был нами подожжен.

Под Киевом свое дело мы сделали. Боевые роты вернулись в Блитчу. Теперь предстояло выполнить вторую часть задачи — произвести разведку немецких укреплений на Правобережье. Приказ, полученный по радио через Украинский штаб партизанского движения, нацеливал нас для выполнения этой задачи в район нижнего течения Припяти. Приходилось торопиться. Немцы, придя в себя, со всех сторон надвигались на Блитчу крупными силами. Они рассчитывали прижать нас к широко разлившейся реке и устроить тут партизанам кровавое побоище.

Чтобы ускользнуть из Блитчи, нам нужно было за несколько часов соорудить наплавной мост и переправиться со всем своим обозом на тот берег. Материалы для постройки моста были — на берегу лежали груды бревен, приготовленных к сплаву, но все-таки, когда я сказал нашим саперам, в какой срок должен быть построен мост, они сначала подумали, что я шучу, потом стали почесывать затылки.

— Это невозможно, — говорят.

Много раз мы уже бывали в таком положении, когда приходилось делать невозможное, и делали. Почему немцы всегда оставались в дураках? Потому, что они определяли наши силы по количеству бойцов отряда, а у нас был счет совсем другого рода. Пошли мы с Рудневым к колхозникам и сказали:

— Дорогие товарищи, нужно за час-другой построить мост. Без помощи народа у нас ничего не выйдет.

И народ помог нам. На постройку моста сбегалось все население от мала до велика, и немцы опять остались в дураках. Когда они подошли к Блитче, мы были уже на том берегу. С помощью местного населения, плотогонов, наши саперы успели не только построить мост, но и разобрать его после переправы. Не знаю, догадались ли немцы, в чем дело, или решили, что тут кроется какая-то дьявольская хитрость партизан.

Впоследствии выяснилось, что немецкое командование по данным своей разведки считало, что в нашем партизанском соединении, когда оно действовало на Правобережье, было свыше пятнадцати тысяч бойцов. На самом деле было около двух тысяч.

Раньше у нас считали, что главное — это пушки. Тогда часто можно было услышать разговоры: «Были бы у нас пушки, ну и дали бы мы фашистам жару!» Теперь мы имели свою артиллерию. Но если немцы чуть не в десять раз преувеличивали наши силы, то это не столько потому, что у нас были пушки, сколько потому, что мы крепко держали связь с народом.

БОЙ НА ПРИПЯТИ

Наши дальние разведчики, посланные вперед на Припять, вернувшись, сообщили, что оккупанты готовятся к открытию навигации и, по всему видно, придают ей большое значение. Мы посмотрели на карту и поняли, в чем дело: по Припяти идет водный путь в Германию. Мосты

взорваны, сообщение на важнейшей железнодорожной магистрали прервано. Надо прервать и водное сообщение, закрыть немцам все пути, решили мы.

К открытию навигации партизанское соединение было уже на Припяти — мы поторопились. Построив паромы, партизаны переправились на северный берег. Штаб расположился в селе Аревичах, а батальоны — в других прибрежных селах Хойницкого района. Тут вскоре и произошла первая наша встреча с гитлеровскими водниками.

Караван судов — пять барж на буксире парохода «Надежда» под охраной бронекатера, — плывший из Чернобыля на Мозырь, открывая навигацию, оказался под прицелом партизанских пушек, стоявших на берегу в лозняке.

Внезапным артиллерийским огнем пароход и баржи были подожжены, а затем потоплены. Ускользнул только катер.

Это было 6 апреля.

На следующий день немцы выслали против появившихся на Припяти партизан целую флотилию: два бронированных парохода и четыре бронекатера. Наша разведка обнаружила эту флотилию, когда она была еще далеко от Аревичей. Мы успели хорошо подготовиться к ее встрече. В стороне от села, вниз и вверх по реке, были выдвинуты засады с бронебойками и пулеметами, между ними, в центре, расположились штурмовые роты с пушками.

При подходе к Аревичам, еще километрах в пяти от села, немцы начали пулеметный и артиллерийский обстрел обоих берегов. Берега молчали. Пароходы и катера, непрерывно ведя огонь, медленно прошли мимо засады, хорошо замаскировавшейся у самой воды. Когда флотилия вошла в клещи, по судам с дистанции в несколько десятков метров ударили пушки и пулеметы штурмовых рот. Пулеметный ливень согнал команды пароходов и катеров с палуб в трюмы. Первыми выстрелами из пушек было сбито управление головного парохода. Он завихлял по реке и сел на мель. Другой пароход подошел к его борту, вероятно, чтобы взять на буксир, но никто из команды не осмелился высунуться на палубу. Несколько минут оба парохода стояли посреди реки борт к борту под огнем пушек. Сначала загорелся первый, севший на мель. Второй стал отшвартовываться от него и в этот момент тоже загорелся. Охваченный пламенем, он поплыл вниз по реке. Течение сносило его в нашу сторону. Как только пароход прибило к берегу, на его палубе уже были партизаны. Немцы, засевшие в трюме, отчаянно отбивались. Ведя на горящем пароходе рукопашную схватку, партизаны одновременно спасали снаряды — перетаскивали их на берег.

С головным пароходом, севшим на мель, пришлось повозиться дольше. Течение повернуло его носом к берегу, так, что снаряды плохо ложились, скользили по бортовой броне. Артиллеристы решили переменить позицию. Тут несколько горячих голов не утерпели — выскочили на лодки и поплыли к пароходу, заходя к корме. Гитлеровцы открыли по ним огонь, но высовываться боялись, стреляли через иллюминаторы,

вслепую, вдоль бортов. Поднявшись на палубу, партизаны стали прошивать ее огнем из стоявшего тут же немецкого крупнокалиберного пулемета. Немцы из трюма тоже ответили пальбой сквозь палубу. Артиллеристы тем временем, переменяя позицию, возобновили обстрел парохода. Партизаны вернулись на берег. По палубе повалил дым.

Вдруг на берегу слышат, что кто-то кричит из клубов дыма:

— Хлопцы, берите трошки поныще, а то ще и мене зацепите!

С берега спрашивают:

— Кто це там гукае?

— А це ж я, хлопцы, Мишка Демин!

— А чего ты там крутишься, як бис у пекле?

— Фрицев стерегу, щоб не втекли!

Оказалось, что один из наших бойцов остался на горящем пароходе, ни за что не хотел уходить — боялся, что немцы как-нибудь улизнут, если он не будет сторожить их на палубе с автоматом.

Артиллеристы кричат ему:

— Тикай, бис!..

А он одно заладил:

— Не бойтесь, хлопцы, тилько берите трошки поныще...

Так он и сторожил немцев на горящем пароходе, под артиллерийским обстрелом, пока пламя не проникло в трюм, о чем мы узнали по страшному визгу, донесшемуся оттуда.

— Теперь вже не втекут! — услышали на берегу радостный голос Демина.

Он выпрыгнул из клубов дыма и поплыл к берегу, когда пароход уже начал тонуть.

Вся флотилия, зажатая в клещи, была уничтожена. Только трем немцам из ее команды удалось выбраться на берег и скрыться в кустах. Но и они недалеко ушли.

С нашим приходом на Припять, особенно после разгрома немецкой флотилии, все окрестные села стали партизанскими, и здесь народ поднялся на борьбу: все, и старики и дети, осмелели.

Когда мне кто-то с огорчением сообщил, что трем немцам удалось удрать с парохода, я сказал:

— Не беспокойтесь, никуда они не денутся — народ не упустит.

Так и случилось.

На другой день прибегает к нам девочка из села Молочки, кричит:

— Дяденьки партизаны, у нас немцы!

Это и были те самые. Блуждали по лесам и болотам, наголодавшись, пришли ночью в село и в первой попавшейся хате потребовали еды. Хозяин хаты, улучив минутку, шепнул дочке, чтобы бежала к нам. Я тотчас послал в Молочки группу бойцов, но они опоздали. Дело было так. Один из этих немцев, жадно схватив принесенную хозяином кринку молока, выронил автомат. Колхозник воспользовался. Случаем — подхватил автомат и дал очередь. Двое упали замертво, но третий успел бросить гранату, которая, разорвавшись, ранила хозяина хаты. Этого

смелого колхозника, Кравченко Виктора Петровича, партизаны привезли из Молочек в Аревичи, откуда он вскоре был отправлен на самолете в Москву для излечения.

Аревичи с нашим приходом стали такой же партизанской столицей, какой в Брянских лесах была Старая Гута, на озере Червонном — Ляховичи. В первые же дни стоянки в Аревичах мы оборудовали неподалеку от села аэродром, сообщили об этом в Москву и только успели зажечь костры, как к нам пожаловал самолет с Большой земли. Воздушное сообщение с Москвой опять налажилось. К нам прилетали кино-механики, лекторы. Партизаны увидели в Аревичах новые советские фильмы: «Суворов», «Разгром немцев под Москвой», прослушали доклад о международном положении, прочитанный лектором ЦК КП(б)У. А тут еще летчики привезли мне и Рудневу генеральскую форму — нам обоим было присвоено звание генерал-майора.

Партизанам нравилось, что нас часто принимают за красноармейскую часть. И они были очень довольны, когда я, скинув свою трофейную мадьярскую шубу, похожую на бабий салоп, и деревенскую мягкую шапку, появился среди них в генеральской фуражке и кителе с погонами.

Во время рейда мы не раз получали по радио боевые приказы из Москвы. Приказы были секретные, часто даже мои ближние помощники не были осведомлены о том, куда ведет наш маршрут, но все знали, что нас направляют к цели, руководят нами, заботятся о нас Центральный Комитет партии, Советское правительство. Не было уже у партизан чувства оторванности от Большой земли, и все же никто не ожидал увидеть на партизанской стоянке секретаря Центрального Комитета КП(б)У.

Прилетает самолет, и из него выходит Демьян Сергеевич Коротченко. Он прибыл в Аревичи с группой работников ЦК партии и ЦК комсомола Украины.

Сначала мы никак не могли освоиться с мыслью, что среди нас, в тылу врага, секретарь Центрального Комитета. Радовались, думали: вот какое значение придает нам партия! И боялись за Демьяна Сергеевича — как бы противник не узнал, не подослал какого-нибудь мерзавца-предателя. А потом так привыкли видеть товарища Коротченко в расположении партизанских рот, расхаживающего с автоматом. или беседующего с бойцами у костра, что казалось — всегда он был с нами, старейший партизан. Обращаясь к нему, все говорили: «Товарищ Демьян», по фамилии не называли.

Вспомнишь Аревичи, заседание партийного бюро нашего соединения, разбиравшего в присутствии секретаря ЦК КП(б)У заявления бойцов о приеме в партию, и подумаешь: где это было, неужели на территории, оккупированной немцами, глубоко в тылу врага?

Не такая уж глушь Аревичи — неподалеку железные дороги Овруч — Мозырь, Овруч — Чернигов, а мы простояли здесь больше месяца, ведя разведку правого берега Днепра, и немцы не решались наступать на

нас, только с самолетов поглядывали, из-за облаков, на партизанские села да бомбы время от времени бросали на нас. Мы были тут не одни. Рядом с нами действовали в междуречье Днепра и Припяти несколько крупных партизанских отрядов. В Аревичах мы встретились с прославленным командиром черниговских партизан Алексеем Федоровичем Федоровым. Тогда он тоже рейдировал в этих местах и заехал к нам, чтобы договориться о взаимодействии. Мы договорились и вскоре нанесли совместный удар по немецкому гарнизону города Брагина. Удар был крепкий. Немцы потеряли в Брагине больше четырехсот человек и все свои склады.

Можно было двигаться дальше: задание выполнено, боеприпасы пополнены. Мы прощались с ранеными, нуждавшимися в госпитальном лечении. Как обычно, они отправлялись в Москву с обратными рейсами самолетов, прибывавших на наш аэродром с грузом.

Печальными были всегда эти проводы. Вот сняли с подводы и несут люгом к самолету шестнадцатилетнего бойца Петю.

— Первый раз лечу на самолете — интересно... А неохота, хлопцы, лететь от вас, — говорит он, плача.

Этот тихий, покладистый мальчик, на котором отыгрывались многие наши связные, заставляя его дежурить вместо себя, был ранен в бою при захвате железнодорожного моста на реке Тетерева. Пете ампутировали ногу, но он все-таки думал, что может остаться со своими боевыми товарищами. Нельзя было оставить его — операция прошла неудачно, рана загноилась. Наши юные бойцы, провожая его на самолет, несли огромную бутылку меда — подарок Пете от командования отряда. А со следующим самолетом с такой же бутылкой меда пришлось отправить в Москву и Вальку-трубача. Он был ранен в Бухче и тоже в ногу. Сначала он не обращал внимания на рану, уверял, что пустяковая, ходил прихрамывая, по-прежнему распевал «Сулико», пока не началось воспаление надкостницы. Улетая, Валька-трубач обещал «скоро-скоро вернуться к своим дедам», но мы уже больше не увидели этого пострела. В Москве Валька-трубач подружился с чехословацкими партизанами, улетавшими к себе на родину для борьбы в тылу врага. Там, в горах Чехословакии, он и закончил благополучно войну уже пятнадцатилетним юношей.

★

Еще в Брянских лесах, перед выходом в рейд, к нам прибыл из Москвы Петро Петрович Вершигора, получивший у партизан прозвище Борода. Пышная, окладистая борода Петро сразу обратила на себя внимание, потому что она очень не подходила к его круглощекому, как у юноши, лицу, к глазам, поблескивавшим всегда мягкой, как будто застенчивой улыбкой. Так как Петро никогда не расставался с «лейкой», партизаны сначала думали, что он прибыл к нам в качестве фотокорреспондента.

Кто бы к нам ни являлся и какие бы документы ни предъявлял, первое время он неизбежно чувствовал, что за ним пристально наблю-

дают сотни глаз. Прежде чем принять нового человека в свою боевую семью, партизаны должны были узнать и, конечно, не по бумагам, а по делам, что это за человек. Требования же, которые и командиры и бойцы предъявляли к своим товарищам, повышались с каждым днем нашей борьбы. Не все приходившие к нам оставались с нами. Один оказывался слаб духом, трусоват, просто говоря, а другой и смелый, отчаянный даже, но с душой, загаженной корыстными интересами.

Петро удивительно быстро вошел в нашу семью, сразу расположил к себе народ.

Можно было подумать, что он вернулся в отряд после короткой отлучки и сейчас ходит с фотоаппаратом, поглядывает, все ли так, как было до его отъезда, не появились ли новые люди или вообще что-нибудь новое, что следует заснять на пленку. Но он прибыл к нам вовсе не для того, чтобы фотографировать партизан для московских газет, как думал кое-кто сначала. Этот бородач, бывший кинорежиссер, спустившийся в Брянские леса на парашюте, уже нашел на войне свое боевое место, как нашли его многие советские люди, никогда раньше не воевавшие и не предполагавшие в себе никаких воинских способностей.

Петро Вершигора оказался талантливым разведчиком, человеком исключительной наблюдательности, большой выдержки и самообладания. Вскоре он стал моим помощником по разведке. Мне не пришлось, как говорится, вводить его в курс дела. Не успели мы с ним познакомиться, как он уже ориентировался в обстановке и знал людей не хуже меня.

Под руководством Вершигоры работала группа дальних разведчиков. Что это были за люди и как они работали? Вот один из них — Иван Григорьевич Архипов, получивший у партизан известность под прозвищем «Хапка-шапка». Это тот самый завзятый шахматист, о котором я уже упоминал.

Однажды, переодевшись в форму немецкого офицера, он влетел на мотоцикле с коляской в одно село. Из помещения старостата выбежали несколько полицейских, выстроились перед начальством. Хапка-шапка объявил им, что производит смотр полиции, скомандовал «направо», «налево», «кругом», «положить оружие», «пять шагов назад» — собрал оружие в коляску, дал очередь из автомата и умчался.

Иной раз, уйдя в разведку, Архипов пропадал неделями. Его считали уже погибшим, и вдруг ночью на оклик часового «Кто идет?» за деревьями раздавался ответ:

— Все убито.

Это был пароль Архипова, все партизаны его знали. Он произносил эти слова особым, неповторимым гробовым голосом, доносившимся как будто из-под земли.

Наши партизаны слышали в селах разговоры о том, будто я сам в целях разведки хожу по базарам, торгую лаптями, скипидаром. Конечно, это легенда, но наши разведчики действительно частенько торговали на базарах. Где только на Украине не появлялся Архипов с вязанкой лаптей на плече!

Был такой случай. Возвращаясь из разведки, Архипов решил пройти через село, занятое немцами, которые в это время готовились к наступлению против партизан. Он мог пройти и минуя село, но через село было много ближе, а Архипов торопился доставить нам добытые сведения о противнике и хотел заодно еще раз уточнить численность немцев, прибывших в село. На краю села была ветряная мельница. Он зашел на мельницу, вывалился весь в муке и отправился дальше посреди улицы, мимо немецких солдат. Те сначала смотрели на него разинув рты, а потом, решив, что это мельник идет с работы, стали потешаться над ним. На улице поднялся такой хохот, что и солдаты, шнырявшие по хатам, сбежались посмотреть, что случилось. Архипов мог пересчитать их всех до одного.

Ни одному гитлеровцу не пришло в голову, что это идет партизан. Добродушно отшучиваясь, он свободно прошел через село.

Много советских людей очень далеких от войны профессий оказались способными на самые трудные боевые дела, требующие, как можно было бы думать, специальной выучки, длительной тренировки. С большим успехом в группе дальних разведчиков работали наши партизанки, проникавшие с помощью местных жителей всюду — вплоть до немецких комендатур и штабов воинских частей.

Среди них была учительница Александра Карповна Демитчик. Она появилась в отряде уже во время нашего рейда, где-то на Правобережье. До этого она долго работала в тылу немцев в одиночку, не имея связи ни с какой организацией, на собственный страх и риск. Это была очень своеобразная подпольная работа, которую с первых же дней немецкой оккупации проводили многие наши сельские интеллигенты, оставшиеся в занятых врагом районах.

После прихода немцев Александра Карповна продолжала работать в школе, внешне как будто подчинилась всем требованиям нового начальства, а на самом деле учила детей тому, чему она учила их и при Советской власти.

Немецкая полиция, трижды ее арестовывавшая, предъявляла ей обвинения и в советской пропаганде, и в связи с партизанами, но ни разу не смогла уличить ее.

Как-то, разговаривая с бойцами и увидев, что Карповна. (партизаны так называли разведчицу) улыбается, я спросил ее:

— Чего, молодница, смеешься?

— Да такая уж я смешливая, — ответила Карповна. — Немцы меня три раза хватали, я от них каждый раз смехом отделялась. Заберут в тюрьму, допрашивают, какая у меня связь с партизанами, а я смеюсь: «Какие партизаны, где вы их видели?» — «Ты и умирать будешь смеясь?» — спрашивают, а я говорю: «Ей-богу, слушаешь вас и со смеху помрешь — какая я партизанка!»

Вскоре после появления у нас Карповны штаб соединения поручил ей одно необычное и очень рискованное дело. Неподалеку от Аревичей, в городе Хойники, стояла гарнизоном словацкая часть под командова-

нием подполковника Гусар Иозефа. Из этой части к нам пришел перебежчик-солдат. От него мы узнали, что словаки не хотят воевать с партизанами и командир их тоже будто бы настроен к нам дружелюбно. Мы решили попытаться склонить этих насильно мобилизованных людей к совместной с нами борьбе против фашистов. Я написал письмо к словацкому подполковнику. Карповна взялась лично передать его адресату.

Эта отважная женщина направилась прямо в штаб словацкой части. Явившись туда в изящном шелковом платье, она легко добилась аудиенции у подполковника. Разговор происходил с глазу на глаз. Ознакомившись с письмом, словацкий офицер спросил разведчицу:

— А что вы скажете, если я сейчас же прикажу вас расстрелять?

— Что ж, я готова к этому, я знала, на что иду, — ответила Александра Карповна.

Он был поражен ее спокойствием и спросил:

— Что вас заставило идти на смерть?

— Ненависть к фашистам, которые хотят поработить мою Родину.

— Мы, словаки, тоже ненавидим немцев, — сказал подполковник. — Я вас не выдам, но, к сожалению, предложение вашего командования принять не могу. Если мы перейдем на сторону Красной Армии, немцы немедленно расстреляют наши семьи. Мы уже предупреждены об этом. Пока я могу обещать только, что в случае, если наша часть принуждена будет выступить против партизан, солдаты будут стрелять вверх.

Прощаясь с разведчицей, словацкий офицер предупредил, что немецкое командование концентрирует крупные силы с целью прижать партизан к устью Припяти и потопить их здесь.

Это подтверждалось сообщениями, которые мы получали из разных мест. Оккупанты замыслили против нас крупную операцию с привлечением полевых войск. Случайно мы узнали, что план этой операции назван гитлеровцами «мокрый мешок». Из этого нетрудно было понять, взглянув на карту, что противник намерен зажать партизан в треугольнике Днепра и Припяти.

★

Вечером 7 мая мы выступили из Аревичей на север вверх по течению Припяти, в знакомые уже места Полесья, где в прошлом году нас застала зима. Первые ночные марши прошли спокойно, можно было даже поспать на повозке, если на дневке не успел отдохнуть. Только вот дожди мешали. Но пора была весенняя, и бойцы, промокнув до нитки, не жаловались на погоду. Выглянет солнце, согреет, и радуется боец блеску молодой листвы, буйному цветению лесов, лугов. Можно было забыть даже, что война идет. Ничто не предвещало скорой встречи с врагом. Разведчики докладывали, что путь свободен.

Одна старушка колхозница, у которой наши люди спросили, нет ли в селе немецкой полиции или войск, ответила: «Ни полиции, ни войск немецких нет, есть только партизаны». А между тем враг надвигался, и вскоре мы оказались в плотном кольце нескольких полевых дивизий,

снятых немцами с фронта, для того чтобы уничтожить партизан в «мокром мешке».

На нашем пути лежала железная дорога Гомель — Калинковичи. В ночь на 12 мая мы подошли к этой дороге на перегоне Нахов — Голевницы и встретили здесь укрепленную оборону немцев. По всей линии были настроены дзоты, вырыты окопы, протянуты провололочные заграждения; у переездов лес был вырублен на двести—триста метров; на лесных дорогах, ведущих к переездам, устроены завалы.

Как всегда, при подходе к железной дороге мы выслали вперед подрывников, чтобы заминировать путь справа и слева от намеченного нами места перехода. Противник встретил наших подрывников сильным огнем, и им не удалось установить мин. Все-таки мы пошли на прорыв вражеской обороны.

В полночь партизанские батальоны завязали бой. Три роты прорвались через железную дорогу, но к немцам подошел поезд с подкреплением, и нам пришлось отойти, а прорвавшимся — прорываться назад. Несколько небольших групп отстали, и они нагоняли нас по следам.

Решено было перейти на правый берег Припяти, в южное Полесье. Я с одним батальоном выступил вперед для постройки переправы через Припять и захвата плацдарма на правом берегу. Остальные батальоны и батарея под общим руководством Руднева заняли оборону для прикрытия переправы. Силы прикрытия были разбиты на две группы, по два батальона в каждой. Командование группой, занявшей оборону западнее села Тульговичи, принял молодой помощник начальника штаба Вася Войцехович. Руднев сказал ему в напутствие.

— Ну, сынок, надеюсь на тебя, держись!

Семен Васильевич со своим военным образованием и армейским опытом лучше, чем кто-либо из партизан, понимал всю серьезность угрожавшей нам опасности и, всегда такой сдержанный, на этот раз не мог скрыть тревоги. Он очень боялся за прибывших к нам посланцев партии во главе с товарищем Коротченко.

Утром 17 мая партизаны были атакованы у Тульговичей с земли и с воздуха.

Войцехович занимал оборону впереди села. Партизаны отрыли здесь окопы полного профиля. Целый день они отбивали ожесточенные атаки немецкой пехоты, наступавшей при поддержке десяти танков и нескольких бомбардировщиков. В это время батальон, посланный на Припять, вторые сутки без отдыха скрытыми путями подвозил лесоматериал к месту переправы и вел разведку правого берега. Оказалось, что все правобережье Припяти от устья до Мозыря занято противником, в селах стоят немецкие гарнизоны.

Вот что такое был «мокрый мешок»! Теперь всем стало ясно, в каком положении мы очутились. Не только командиры и политработники, каждый боец сказал себе: «Ну, теперь стой!» И стояли у Тульговичей несмотря ни на что.

Артиллеристы и бронбойщики расстреливали танки и бронемашины

противника чуть ли не в упор. К концу дня, потеряв убитыми свыше трехсот человек, оставив на поле боя четыре подбитых танка, танкетку и бронемашину, немцы прекратили атаки.

Вторая группа прикрывала переправу со стороны Хойников. Тут немцам пришлось наступать по заминированной нами дороге. Чтобы очистить себе путь, они решили послать вперед местное население — пусть женщины и дети рвутся на минах. Мы узнали об этом гнусном замысле от одного деда, прибежавшего в ночь перед боем на командный пункт Руднева. Семен Васильевич сейчас же вызвал к себе минеров.

— Какие мины натыкали на дороге? — спросил он.

— Всяких натыкали, — ответили минеры.

— До утра снять все противопехотные, оставить только противотанковые! — приказал комиссар.

Минеры замаялись, им казалось, что это невозможно сделать: темно, а мины натыканы как попало — подорвешься. Комиссар повторил приказание.

— Другого выхода нет, надо идти на риск, чтобы спасти женщин и детей, — сказал он.

Как ни трудно было выполнить приказ, но минеры выполнили его. К утру, когда немцы выгнали на дорогу колхозников, все противопехотные мины были сняты с дороги. Толпа прошла, не пострадав, а немцы были сметены огнем нашей обороны.

Вечером разведчики донесли, что противник перебрасывает свои силы к Припяти. Ясно было, что немцы намереваются ударить в тыл нашего прикрытия и отрезать его от переправы.

Часть партизанских рот сейчас же была снята с обороны и послана на постройку моста. Одновременно несколько рот передового батальона, переправившись на лодках через Припять, захватили плацдарм на правом берегу. В девять часов вечера из Тульговичей двинулись к реке последние подразделения. Осталось только пятнадцать конников. Рассыпавшись по всей опустевшей линии обороны, они время от времени освещали местность ракетами, чтобы противник не догадался об уходе партизан.

В два часа ночи основные силы партизанского соединения сосредоточились у переправы. Мост не был готов еще и наполовину. За строительство взялись все. Заткнув полы шинели за пояс, вышел на берег и товарищ Коротченко с группой прибывших с ним работников ЦК партии и ЦК комсомола Украины. Около полутора тысяч бойцов и командиров всю ночь работали по пояс в холодной воде, стаскивая бревна в реку и связывая их проволокой в плоты.

К утру весь мост, длиной в двести сорок метров, был связан у левого берега. Стали разворачивать его поперек Припяти. Сначала течение и ветер, дувший по течению, помогали нам. Но как только мост, развернувшись, стал поперек реки, тросы натянулись, и течение, усиленное ветром, разорвало связки плотов сразу в двух местах. Вся работа чуть было не пропала — казалось, что весь мост сейчас сорвется

с тросов и река разнесет его в клочья. Но люди бросились на мост, в лодки, и спустя несколько минут разорвавшиеся плоты были вновь связаны. Для большей прочности мост скрепили заранее заготовленными рельсами узкоколейки.

В шесть часов утра началась переправа. Весь груз пришлось переносить на руках, так как даже под пустой повозкой мост погружался в воду на двадцать — сорок пять сантиметров. Труднее всего было с 76-миллиметровыми пушками. Я приказал командиру батареи Анисимову переправлять их на руках. Когда комиссар батареи Дед-Мороз — «папаша», как называли его батарейцы — тащил со своими людьми по мосту первую пушку, мост ушел под воду больше чем на полметра. Течение сбивало людей с ног. Они срывались с моста, плыли, цеплялись друг за друга и снова под командой «папаши» тянули пушку по глубоко опустившемуся в воду мосту.

Завязался бой на правом берегу, противник пошел в атаку на партизанские роты, оборонявшие занятый плацдарм. В самый разгар переправы немцы начали обстреливать ее из пулемета. Опасный был момент, но артиллеристы прикрытия метким выстрелом сбили этот пулемет, и переправа продолжалась.

Поднялась стрельба и за нашей спиной на левом берегу. В районе Тульговичей забухала немецкая артиллерия, открывшая огонь по месту нашей вчерашней обороны. Введенные в заблуждение ракетами, которыми наши кавалеристы всю ночь освещали местность под Тульговичами, немцы долго обстреливали покинутые партизанами позиции. Наконец противник обнаружил, что стреляет по пустому месту, и бросился к реке. Поздно было: партизанские батальоны со всем своим обозом и скотом уже переправились через Припять и разрушили за собой мост.

Сосредоточившись на небольшом плацдарме, стойко оборонявшемся передовыми ротами, все три батальона ударили одновременно в разных направлениях, веером. Противник был опрокинут — ворота в южное Полесье открыты.

Немцы потеряли на Припяти не меньше тысячи человек убитыми, восемь танков и три бронемшины. Так закончилась попытка гитлеровцев загнать партизан в «мокрый мешок».

За время наших рейдов не раз так бывало: кругом враг — нет ни выхода, ни просвета, а пройдет несколько дней, и мы уже сами ищем врага.

20 мая. Проливной дождь. Льет он день и ночь, на дороге слякоть. Уставшие люди засыпают на ходу, и богатыри ослабели, давно уж обходятся без хлеба, соли, едят один суп, даже картофеля не стало. Отощавшие от бескормицы лошади падают, и не каждую удается поднять. А надо идти, идти, скорее идти, чтобы оторваться от противника. Он позади, но и впереди — тоже противник. Разведчики докладывают, что на переездах железной дороги Овруч — Мозырь, которой нам никак не миновать, немцы расставляют заслоны. Все равно надо идти, прорываться с боем. За железной дорогой топкая болотистая речка Словечко.

Моста на ней нет. Придется сооружать. Мы с комиссаром выезжаем из колонны, останавливаемся на обочине дороги под вековым дубом.

— Слава вам, герои!

— Вперед, вперед, хоть понемногу, но вперед!

— Вечная память павшим!

Много наших дорогих товарищей, замечательных людей, осталось на Припяти.

Прошла неделя, и как за это время все изменилось! Памятный праздничный день — 28 мая. Встреча на берегу реки Уборти с руководителями партизанских соединений Украины, действовавших в Полесье.

Секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко созывает совещание на небольшой лесной поляне среди вековых дубов. Присутствуют Сабуров, Маликов, Федоров, Дружинин, Бегма, Мельник, я, Руднев и другие. Среди нас пять генералов. Все в полной форме, при орденах и медалях.

Мы выступаем с докладами об итогах своей партизанской деятельности за первое полугодие 1943 года. За каждым докладчиком стоят тысячи бойцов. Их не видно, они стоят в лесах поотрядно, но как не почувствовать их присутствия, когда все мы так связаны воедино руководством партии. Я докладываю о выходе нашего соединения из окружения и думаю: какое же это окружение — ведь если немцы нас окружили, то и сами они окружены? Вот кольцо, в котором они мечутся, — отряды Сабурова, Федорова, Бегмы, Мельника...

НА КАРПАТЫ

После того, что было на Припяти, дубовая роща у села Милашевичи, где мы остановились на отдых в первых числах июня, показалась нам каким-то исключительно красивым и мирным уголком, хотя все села в окрестности были сожжены немцами, уцелели только дымоходы. Это было в Лельчицком районе, неподалеку от села Глушкевичи — места нашей стоянки в декабре прошлого года, когда мы взрывали железнодорожные мосты под Сарнами. Мало осталось людей в сожженных селах, но не забыл тут народ песню про то:

Как хлопцы шагали и в дождь и в пургу
На страх и на лютую гибель врагу,
Как били его богатырской рукой
За древним Путивлем, за Сеймом-рекой.

Эта песня, сложенная одним путивльским партизаном, стала нашим боевым маршем. Народ услышал ее здесь во время декабрьской стоянки соединения в Лельчицком районе. И когда мы вернулись, девушки встретили нас нашей же песней. Запомнили ее, запала, значит, она им в сердце!

Как далеко разнеслись песни путивлян!

Если считать все петли, которые мы делали в пути, чтобы обмануть

противника, сбить его с наших следов, обойти сильный гарнизон, появиться там, где враг меньше всего ждет, если учесть все отклонения от основного маршрута, выходы на боевые операции, — с начала рейда пройдено больше 6400 километров.

Партизанскую песню, родившуюся в Брянских лесах, слышал народ под Черниговом, Пинском, Сарнами, Ровно, Житомиром, Киевом, Мозырем. И всюду, где днем раздавалась эта песня, ночью враг испытывал на себе силу партизанского удара.

За время рейда нашим соединением уничтожено 14 железнодорожных мостов, 28 гужевых, пущено под откос 14 эшелонов, потоплено 15 речных судов, разгромлено 6 станций, 7 узлов связи, истреблено больше 6 тысяч гитлеровцев.

Коротким был отдых партизан у села Милашевичи. Только расположились здесь в дубовой роще, как опять к нам начали прилетать с Большой земли самолеты с боеприпасами, взрывчаткой, медикаментами, литературой. Надо было готовиться к новому, еще более трудному и далекому походу.

Конечно, и на этот раз, готовясь к новому походу, никто из партизан, кроме командования соединения, не знал, куда мы пойдём. Знали только, что предстоит выполнить очень почетную задачу, проникнуть в еще более глубокий тыл врага, в районы, где он чувствует себя смелее, где опасность для нас во много раз возрастет.

Каждый вечер возле штаба у костра вокруг товарища Коротченко собирались партизаны, пели песни, беседовали. Каких только вопросов не задавали бойцы товарищу Коротченко, но я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь спросил: «А куда, товарищ Демьян, мы пойдём теперь, в какие края?»

Никогда не спрашивать, куда, зачем идем, полностью полагаться на командование стало у нашего народа законом, и я не помню, чтобы кто-нибудь его нарушил, хотя, казалось бы, у бойцов не раз должен был возникать вопрос: почему мы вдруг сворачиваем в сторону, возвращаемся назад, делаем такую петлю?

Когда партизанская колонна неожиданно изменяла маршрут, бойцы обычно запевали:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!

На общем партийном собрании Руднев, говоря о предстоящем походе, только намекнул, что, возможно, нам придется побывать там, где зреет виноград, и сейчас же перешел к деловым вопросам подготовки рейда. Это собрание, происходившее в дубовой роще у села Милашевичи, было самое многочисленное из всех партийных собраний, которые проводились у нас до того в тылу врага. На нем присутствовало несколько сот человек, из них около трехсот коммунистов, принятых в партию за время партизанской борьбы.

Предстоял трудный поход, но после общего партийного собрания,

партийно-комсомольских собраний в батальонах, после митинга всего соединения настроение у бойцов и командиров было праздничное. Многие только что получили ордена и медали. Их вручал начальник Украинского штаба партизанского движения генерал-майор Строкач, прилетевший к нам на самолете в эти дни.

Перед выходом в рейд на правобережье Днепра мы были предупреждены, что эти районы, хотя они еще и находятся в глубоком тылу врага, скоро станут плацдармом ожесточенных боев. Тогда Красная Армия держала фронт у Сталинграда. За время нашего рейда советские войска, громя врага, прошли от Волги до Курска и Харькова. По всему было видно: еще один удар Красной Армии — и советские войска шагнут на разведанный нами Днепровский плацдарм.

*

Перед выступлением в поход на Карпаты с обратными рейсами самолетов была отправлена на Большую землю новая партия раненых и больных партизан. Пришлось нам проводить в Москву и Деда-Мороза. Как ни крепился старик, но здоровье все-таки сдало. После переправы через Припять его разбил такой ревматизм, что он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Артиллеристы везли своего «папашу» до Милашевичей на подводе и кормили его с ложки.

Не хотелось Алексею Ильичу покидать отряд. Прощаясь, он со слезами на глазах говорил своим боевым друзьям:

— Только бы вылечили меня в Москве, а как встану на ноги — найду своих хлопцев, где бы они ни были...

12 июня партизанское соединение после напутствия, полученного от товарища Коротченко, выступило в поход на Карпаты. Почти два месяца пробыл с нами Демьян Сергеевич, неся тяготы, лишения и опасности партизанской жизни наравне со всеми бойцами и командирами. Теперь он получил новое задание Центрального Комитета партии и должен был расстаться с нами.

— Какой народ! — сказал он мне, прощаясь.

Провожая колонну, он стоял на берегу реки с группой товарищей из Центральных Комитетов партии и комсомола Украины и из Украинского штаба партизанского движения, которые остались с ним.

Песни уходящих вдаль рот, шелканье «леек», треск киноаппарата, крепкие объятия, поцелуи...

Прошли последние повозки, люди, Семен Васильевич проскакал в голову колонны, а Коротченко и его товарищи всё еще стояли кучкой на берегу Уборти. Они долго махали нам фуражками и автоматами.

Нам предстояло пройти три области: Ровенскую, Тернопольскую, Станиславскую, форсировать несколько больших рек, пересечь до десятка железных дорог. Как совершить такой марш скрытно, не обнаружив себя?

За время маневренных действий у нас постепенно выработались свои железные законы партизанского марша: выступать в поход с наступле-

нием темноты, а при дневном свете отдыхать в лесу или в глухих селах; знать все, что делается далеко впереди и по сторонам; не идти долго в одном направлении; прямым дорогам предпочитать окольные; не бояться сделать круг или петлю; проходя мимо крупных гарнизонов врага, прикрываться от них заслонами; небольшие гарнизоны, заставы, засады уничтожить без остатка; ни под каким видом не нарушать в движении строй, никому не выходить из рядов, всегда быть готовым к тому, чтобы через две минуты после появления врага походная колонна могла занять круговую оборону и открыть огонь из всех видов оружия: одни пушки выезжают на позиции, другие тем временем бьют прямо с дороги; главные силы идут глухими проселками, тропками, которые известны только местным жителям, а диверсионные группы выходят на большаки и железнодорожные линии, закрывают их для противника, рвут мосты, рельсы, провода, пускают под откос эшелоны.

Там, где идет ночью партизанская колонна, — тишина, а далеко вокруг все гремит и пылает. Вступаешь в село, поднимаешь народ на борьбу, используй для этого все: листовки, радио, агитаторов. Вооружай местных партизан, учи их своему опыту, чтобы завтра, когда будешь далеко, позади тебя не затухало пламя пожаров, не умолкал грохот взрывов. Ни в коем случае не говори: «Мы — путивляне», «Мы — шалыгинцы», «Мы — глуховцы»; забудь названия своих районов. Никто не знает, куда мы идем, и никто не должен знать, откуда мы пришли. Весь народ воюет. И мы — только струйка в грозном потоке, пусть враг попробует найти нас.

Больше всего мы опасались перехода железнодорожной магистрали Ковель — Ровно. Это была первая железная дорога, которую нам нужно было перейти, выйдя из лесов Полесья. Поезда курсировали тут через каждые пять минут, а для того чтобы наша колонна пересекала дорогу, требовалось около часа. Нечего и пытаться было проскользнуть бесшумно. Семен Васильевич лично подбирал подрывников из самых смелых людей, лично инструктировал их. Послали две группы: одну на запад от переезда, другую на восток. Задача: к одиннадцати часам вечера заминировать оба пути; если придется, всем умереть, но не пропустить к переезду ни одного поезда.

Только проследовали два встречных эшелона, как колонна подошла к переезду. Боковые заслоны встали на свои места, и обоз пошел через* дорогу рысью. Когда на линию вышел наш штаб, на западе зашумел поезд. Он взорвался на mine, заложенной метрах в пятистах от переезда. Почти одновременно ударила пушка бокового заслона и раздался залп бронебоек. Поезд остановился под шквалом огня из всех видов оружия. Вскоре мы услышали более отдаленный взрыв на западе — второй эшелон подорвался на mine. Прошло еще несколько минут — двойной взрыв на востоке.

Сорок пять минут продолжалось форсирование дороги, вся колонна прошла без заминки, а по обе стороны переезда все это время шла бесшумная пальба и грохотали взрывы мин. Всего было подорвано пять эшелонов. Один из них с войсками; он состоял из шести десятков вагонов.

Мы прошли недалеко от Ровно, обогнули его с севера, лесами, и, повернув на юг, двинулись открытыми полевыми дорогами, делая по пятидесяти километров за ночной переход.

К 5 июля партизанское соединение вышло в Тарнопольскую область. Тут до нашего прихода партизан было немного, и немцы без особого страха разъезжали по дорогам. Мы как с неба свалились им на голову всей своей двухтысячной массой с пушками. По Прикарпатья пронесся слух, что советские самолеты сбросили парашютный десант. И тотчас пронеслась другая весть: бесследно исчезли немецкие коменданты Тарнополя и Львова. Коменданты эти мчались куда-то на легковых машинах, и обе их машины были подбиты нами. Уже потом мы узнали, кто был убит на этих случайно залетевших к нам машинах.

В поисках исчезнувшего начальства по дорогам замечались на грузовиках отряды жандармерии. Один такой отряд наскочил на нас у города Скалата. Мы стояли на дневке, расположившись на опушке леса. Решив, что перед ними небольшой отряд советских десантников, немецкие жандармы развернулись в цепи и пошли в «психическую» атаку. Мы подпустили этих молодчиков на такое расстояние, что видно было, как сразу изменилось выражение их лиц, когда вдруг ожила вся опушка леса и из-за деревьев выскочил эскадрон во главе с Ленкиным. Жандармов как ветром сдуло. Остались только автомашины, на которых они прикатили в Скалат.

В этом городе мы выпустили из тюрьмы несколько сот осужденных на смерть евреев. Те из них, которые могли держать в руках оружие, вступили в наши батальоны, остальные разошлись по лесам.

Трофеи достались нам богатейшие. С собой мы взяли только ничтожную долю захваченного, главным образом взрывчатку, медикаменты, перевязочный материал, сигареты. Мануфактуры было взято десять тысяч метров — по пять метров на человека, а населению роздано во много раз больше. Партизаны, разбиравшие склады, совали мануфактуру кипами в руки всем прохожим.

Много было роздано в городе и консервов. С этими консервами вышло недоразумение. Обнаружив на одном складе тысячи жестяных банок, партизаны решили, что в банках взрывчатка; обрадовавшись, стали вывозить их, но тут выяснилось, что в банках маринованные селедки. Люди страшно досадовали, что не взрывчатка.

После нашего налета на Скалат немцы поняли, что дело серьезное, и начали стягивать против нас воинские части. Мы торопились вырваться в горы, к своей цели — дрогобычской нефти. Но пошли дожди, глинистая земля раскисла, и наши обозы застряли в липкой грязи; даже незапряженная лошадь не могла двигаться. Три дня, почти не переставая, лил дождь. Мы стояли эти дни в лесу под Гусятином. За время нашей вынужденной стоянки немецкие войска заняли все окружающие лес села.

На четвертый день, 12 июля, дождь перестал, и мы, как только стемнело, пошли на прорыв у села Раковконте. В этом селе было до полу-

тысячи немцев. Один наш батальон атаковал их, завязал с противником бой в селе, а колонна с обозами тем временем проходила по дороге в пятистах метрах севернее села. Несмотря на грязь, мы прошли за ночь около пятидесяти километров. Батальон, штурмовавший село, догнал нас в пути, но помощник комбата Подоляка, командовавший группой эшелона, и тридцать бойцов не вернулись из боя — пали смертью героев.

Теперь все решала быстрота движения. Надо было переправиться через Днестр и подойти к нефтяным вышкам Дрогобыча раньше, чем немцы организуют их оборону и смогут сосредоточить крупные силы против прорвавшихся в горы партизан.

Разведчики Вершигоры, успевшие уже побывать под Львовом, сообщали, что немцы подняли на ноги все свои гарнизоны в близлежащих городах, что горно-стрелковые полки, следующие из Норвегии на Восточный фронт, задержаны в пути и уже выгружаются из эшелонов. Нашей разведкой был перехвачен документ, из которого мы узнали, что немецкое командование выделило пятьсот автомашин для переброски войск в горы.

В поисках удобной переправы мы двигались вдоль Днестра стремительным маршем, делая за переход по шестидесяти километров. «Теперь промедление — смерти подобно», — говорили командиры бойцам.

Немецкое командование стягивало к переправам через Днестр 4-й и 13-й эсэсовские полицейские полки и отряды жандармерии. Но партизаны опередили врага.

В ночь на 15 июля кавалерия Ленкина скрытно подошла к мосту у села Сивки, севернее Галича. С криком «ура» появившиеся из тьмы конники левой обрушились на ошеломленную охрану, и она была перебурблена, прежде чем успела открыть огонь. К утру партизанское соединение было уже на том берегу Днестра.

Исходным пунктом для удара по нефтяным промыслам мы избрали Черный лес, что к западу от города Станислава, у подножия Карпат. Чтобы войти в этот лес, надо было форсировать еще реку Ломницу. Это была первая встретившаяся на нашем пути горная река с быстрым течением. Мы подошли к ней 16 июля. Немцы к этому времени успели уже выставить у каждого возможного места переправы по батальону пехоты.

Всего против нас тут было выставлено до трех тысяч пехотинцев с артиллерией и танками. Опять противник пытался зажать партизан в кольцо, перехватить их и уничтожить на пути в горы. Мостов на Ломнице не было, а броды тут глубокие, и немцы охраняли их, сидя на берегу в окопах. Мы сосредоточились для атаки в лесу, который противник бомбил и обстреливал с самолетов.

Главное — найти броды помельче и поудобнее для форсирования реки с боем. С помощью местных жителей мы нашли их между селами Медыней и Блудниками. Здесь я собрал в кулак все наши пушки и минометы. Чтобы распылить внимание врага, партизанские группы вышли к реке фронтом в двадцать пять километров. Немцам всюду пришлось быть настороже.

В ночь на 17 июля партизанские пушки и минометчики обрушили огонь своих орудий на вражеский берег. Сейчас же началась переправа. Одни роты переходили реку, а другие сковывали боем немецкие гарнизоны на флангах — в Медыне и Блудниках.

Бурный поток горной реки валил людей с ног. Приходилось идти цепочками, держась за руки, помогать друг другу преодолевать течение. Выбравшись на берег, промокшие до нитки бойцы бросались в атаку с «Песней о Родине».

Грозно поднималась эта песня во тьме ночи, в грохоте боя:

Широка страна моя родная...

Как это звучало мощно, когда сотни людей, идя в атаку, вкладывали в слова песни всю гордость за свою Родину, всю любовь свою к ней!

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей...

В нашем обозе имелось несколько подвод, принадлежавших партийному хозяйству Панина. (Сам он всегда ходил пешком — был слабого здоровья, хотел закалить себя ходьбой.) Все богатство его хозяйства состояло в походной типографии, присланной нам из Москвы, когда мы были на озере Червонном. В типографии работал один человек — наборщик Галигулин, он же и печатник. При подъеме на Карпаты Галигулин был тяжело ранен. С раздробленной ногой лежал он на повозке и под диктовку Панина набирал листовки, которые тут же, у повозки, расхватывались местным населением и бойцами партизанской разведки. На десятки километров от оси нашего движения распространяли разведчики-агитаторы листовки нашей партийной организации.

Да, и здесь, на Карпатах, как у себя в Путивле, в Глухове, Шалыгине, Кролевце, мы были на своей земле, были хозяевами этой земли.

Тысячи километров прошли мы по дорогам Украины, разжигая пламя партизанской борьбы, пламя народной мести, и враг был бессилен остановить грозное движение наших непрерывно растущих колонн. «Не смог враг задержать нас ни на Днепре, ни на Припяти, ни на Днестре — не задержит и здесь», «Пусть хоть сто тысяч чертей выставят против нас, но мы пробьем себе дорогу к нефтяным промыслам», — говорили партизаны.

Стремительной атакой оборона немцев на Ломнице между селами Медыней и Блудниками была прорвана. Вражеские батальоны, стоявшие в соседних селах, не смогли прийти на помощь атакованным — сами они с минуты на минуту ждали нападения партизан.

Переправа была закончена благополучно. Не повезло только овцам. Мы гнали с собой на Карпаты для продовольствия большую отару овец. На Ломнице много их было унесено быстрым течением.

Мы продолжали марш к Черномулесу. На подходах к нему, когда наши подрывники взрывали мост на дороге Станислав — Калуш, над

хвостом колонны закружились немецкие самолеты. Они давно уже охотились за нами. Наконец напали на след партизан. На радостях один немецкий разведчик подлетел к мосту на небольшой высоте. Как раз в этот момент раздался взрыв. Воздушная волна отшвырнула самолет в сторону, как щепку.

Партизанские батальоны быстро втягивались в лес, над нами пронзительно выли «мессеры» с желтыми крестами на фюзеляжах, пикировали к самым деревьям, точно пытаясь разглядеть, что делается в чаще. А партизаны посмеивались:

— Теперь ищи-свищи, господин «мессершмитт».

ПО ГОРНЫМ ТРОПАМ

Закончился поход степными просторами, отгремели схватки на водных рубежах и у железнодорожных переездов. На коротком отдыхе в Черном лесу, вокруг костров, разведенных в ямах, все думали об одном: «Что ждет нас в горах, на крутых лесистых склонах, в ущельях Карпат?»

Командование отрядов знало, что собирается гроза: со всех сторон к горам подтягивались эсэсовские и горнострелковые полки немцев. У противника было огромное преимущество — автомашины, шоссе, дороги. Пользуясь этим, немцы все время опережали нас и выставляли на нашем пути заслоны. На границе Чехословакии, в Закарпатской Украине, до которой горными дорогами оставалось всего несколько десятков километров, сосредоточивались венгерские полки. Проморгав нас на речных переправах, враг надеялся теперь захлестнуть партизанское соединение в горах огромной петлей.

Перед выходом из Черного леса, у дороги к нефтяным промыслам, нас подстерегал 4-й эсэсовский полк, расположившийся в селе Росульне. В ночь на 19 июля, когда мы двинулись к вершинам Карпат, я приказал двум нашим командирам, Бакрадзе и Матющенко, атаковать этот полк.

Это были одни из тех командиров, которых партизаны особенно ценили: пожилые люди, с большим опытом советской работы. Искусству воевать они учились уже на наших глазах, в партизанском соединении.

Федор Данилович Матющенко до войны председательствовал в колхозе. У нас он первое время был комиссаром Шалыгинского отряда. Потом, получившись, сам стал командовать, отличился в бою у села Блитчи. Это он загнал гитлеровцев в Тетерев, топил их в реке, как щенят.

Инженер Давид Ильич Бакрадзе за время рейда прошел путь от рядового бойца-артиллериста до командира батальона. «

Посылая Бакрадзе в Росульню, я дал ему две роты путивлян и приказал ворваться в село с запада.

— Старайтесь произвести впечатление, что вас по крайней мере вдвое больше. Гоните немцев на северо-восточную окраину, там их встретит Матющенко.

Бакрадзе не надо было учить, как произвести на врага «сильное впечатление». Снять немецкое охранение без выстрела, под покровом ночи внезапно ворваться в село, устроить «тарарам» — это он любил больше всего, так же как хитрый Матющенко любил наводить на врага страх видимостью окружения.

На этот раз Бакрадзе особенно повезло. В Росульне стояли на огневых позициях две немецкие батареи, обращенные стволами к дороге, по которой двигалась наша колонна. Когда в селе началась артиллерийская пальба, я приказал бойцам залечь в кювет, решил, что немцы бьют по колонне. Проходит несколько минут. Артиллерийский огонь достигает ураганной силы, но — в чем дело? — в нашу сторону снаряды не летят. Оказалось, что стреляли из орудий не немцы, а Бакрадзе. Он без выстрела захватил обе батареи и, повернув стволы, стал бить по немцам из их же пушек. На батареях было около тысячи снарядов. Бакрадзе торопился израсходовать весь этот боезапас.

Пока в Росульне происходило избиение эсэсовцев — Бакрадзе гнал немцев на Матющенко, а Матющенко гнал их обратно на Бакрадзе, — главные силы партизанского соединения со всем нашим обозом спокойно прошли стороной на село Маняву.

От Манявы начался подъем к промыслам Биткув и Яблонув. Он оказался куда труднее, чем мы думали. Дорога вилась по лесистому склону крутизной до сорока пяти градусов. С нами было более трехсот подвод с грузом. Скоро все лошади стали мокрыми, в мыле. Пришлось тащить на руках и повозки, и груз, и пулеметы, и орудия. Одна лошадь выбьется из сил, поскользнется, упадет — и вся колонна останавливается. объехать повозку нельзя: дорога очень узкая, по существу и не дорога даже, а тропа, и по обе стороны ее — крутые подъемы, лес, камни, поваленные бурей деревья.

Конные связные с трудом пробирались вдоль колонны, когда она двигалась по этой дороге. Только пятнадцатилетний Иван Иванович, сменивший за время наших походов десятка два верховых лошадей, подбирая их к своему маленькому росту, и наконец раздобывший где-то шустрого коняшку ростом с собачку, носился на нем в толчее обоза, как по полю, вихрем.

Немцы, несмотря на всю суматоху, которую они подняли в окрестностях, вернее — из-за нее, прозевали наш выход в горы и обнаружили нас на склонах Карпат уже с воздуха. Обнаружить нас было нетрудно, так как в горах ночного времени нам стало не хватать, приходилось продолжать движение и днем.

Пронеслись над дорогой воздушные разведчики, и вскоре начались налеты штурмовиков. Собьем ружейно-пулеметным огнем одну машину, грохнется она где-нибудь в горах, — остальные отвяжутся, но ненадолго. Только успеем оттащить в сторону убитых лошадей, расчистить дорогу от искрошенных повозок, как опять режут самолеты, рвутся бомбы. Людям есть где укрыться: кругом лес, вековые деревья, а обоз все время под бомбами и огнем немецких штурмовиков. Чтобы спасти лоша-

дей, стали при появлении авиации выпрыгать их и втаскивать по крутым склонам в лес.

Так вот и двигались, шаг за шагом, к вершинам Карпат, острыми зубцами закрывавшим горизонт. Поминутно выпрыгали и запрягали лошадей, с лопатами и топорами в руках прокладывали себе путь по заваленной расщепленными деревьями, усыпанной расколотыми камнями, изрытой бомбами узкой дорожке да время от времени хоронили под гранитными глыбами кого-нибудь из своих боевых товарищей, павших при очередном налете фашистской авиации.

На горизонте появились десятки вышек. Дрогобычская нефть!

В ночь на 20 июля всё наши батальоны выслали под прикрытием автоматчиков группы подрывников для уничтожения нефтяных промыслов.

Пламя пожаров озарило склоны Карпатских гор. Партизаны любят ночь, тишину, но тут и ночью было светло как днем, а от горящей нефти стоял кругом такой треск, воздух так дрожал, что не было слышно гула моторов немецких самолетов, не дававших нам покоя даже ночью.

Враг метался с места на место, но помешать нам не смог. Мы напали одновременно на все участки. Спасибо нашим неизвестным друзьям-помощникам, рабочим и инженерам-нефтяникам: незаметными горными тропами проводили они партизан к вышкам и силовым установкам. Один из наших здешних друзей показал, где проходят трубы подземного нефтепровода Биткув — Яблонов.

Свыше пятидесяти тысяч тонн горючего выпустили партизаны с его помощью из этого нефтепровода в горную речку Быстрицу. Он был поляк, инженер. Фамилии его, как и многих других наших помощников, к сожалению, не удалось узнать. Сделав свое дело, он исчез так же таинственно, как и появился в лесу среди партизан.

Несколько ночей подряд бушевали пожары на нефтяных промыслах Биткув и Яблонов. Днем диверсионные группы партизан укрывались в лесах, но как только наступала ночь, в горах снова вспыхивали столбы огня, окрестность оглашалась треском горящей нефти. Утром, уже солнце взойдет, а склоны гор еще закрыты черными тучами дыма.

Мы стояли на высоте 936. Перед нами были Карпаты во всей их дикой красе: голые каменные вершины; лесистые склоны запутавшегося в клубок хребта, точно гигантские лысоголовые чудо-звери залегли тут во всемирный потоп и окаменели; ущелья, заполненные туманом, утонувшие в тумане долины; тучи — не поймешь, то ли это еще дым пожара клубится, то ли это облака сели на гору; мрак, утро кажется сумерками, и вдруг на небе появится маленькое голубое озерцо, быстро растет, выплывет на него солнце, озарит вершины, все умытое дождем заблещет, засверкает на несколько минут и вмиг погаснет — опять мрак, дождь-ливень, громовые раскаты, полыхание молний.

К дождю мы уже привыкли в походах, одежда по несколько дней не просыхала, но таких грозowych ливней, как в Карпатах, никто из нас не представлял себе. Это был не дождь, а водопад. Сверху лил поток

воды, и вниз вода катилась таким же шумным потоком. Хорошо еще, что это продолжалось недолго.

— Ну вот, друг мой, и Карпаты, — говорил Семен Васильевич сыну.

Помню, как он стоял тогда с Радиком под деревом и смотрел вниз, на долину, озабоченный тем, что спуск очень крутой, местами под углом в семьдесят градусов. У этого дерева Семен Васильевич вскоре и заснул, прислонившись к нему плечом, опустив голову. Он не раз засыпал так в лесу после нескольких суток без сна. Семен Васильевич часто подолгу не спал и не ел. Только это и выдавало его состояние. Да разве вот еще дневник, который он начал вести перед походом на Карпаты. Сядет в уединении на пенек, вытащит из сумки тетрадку — и все знают, что комиссар чем-то взволнован. Он всегда брался за дневник, когда его что-нибудь взволнует.

Недалеко уже было до границы Чехословакии. В связи с этим Семен Васильевич созвал собрание. Необычайный вопрос обсуждался на этом собрании, происходившем высоко в горах, на лесной поляне, под грохот взрывов, в отсвете пожаров.

Почти за год до этого к нам в Брянские леса пришло из 47-го венгерского полка восемь солдат-перебежчиков, русинов, насильно мобилизованных немцами. Мы выполнили их просьбу — зачислили бойцами в свой отряд. Они прошли с нами от Старой Гуты до Карпат, оказались хорошими товарищами, храбрыми бойцами. И вот при подходе к границе Чехословакии у комиссара возникла мысль отправить их к себе на родину, чтобы они помогли своим землякам, нашим зарубежным братьям, перенять опыт советских партизан.

Этот вопрос и стоял на собрании. Собственно говоря, это было не собрание, а просто дружеские проводы товарищей по борьбе. Высказали свои пожелания, дали советы, снабдили оружием, продовольствием и крепко пожали на прощание руки.

Они уходили один за другим, исчезая за поворотом горной тропинки. У всех у нас было ощущение того, что мы присутствуем при большом событии. Казалось, от полыхающего вокруг нас пламени борьбы несколько огненных язычков уже перекинулось за горы, за рубеж родной страны, на землю наших братьев.

На просторах Украины мы привыкли к полной свободе маневра, к тому, что всегда могли свернуть с дороги в любую сторону, к стремительным маршам. С огромным обозом, гуртом скота мы делали на равнине до шестидесяти километров за ночной переход. Иное дело в горах, где нам пришлось двигаться тропами, по крутым склонам и узким лощинам рек. Здесь с нечеловеческими усилиями мы продвигались за ночь на пять-шесть километров. Противник, конечно, воспользовался этим. Гитлеровцы заперли все выходы из гор и качали сжимать кольцо окружения. Теперь они были совершенно уверены, что мы попались в ловушку. В Надворной нас караулил 6-й эсэсовский полк, в Яремче — 26-й, в Печенижине — 347-й горнострелковый.

Выполнив свою главную задачу — с 19 по 24 июля были взорваны

сорок одна нефтяная вышка, тринадцать нефтехранилищ и три нефтеперегонных завода, — мы вышли в лошину реки Гнилицы. Немецкие и венгерские войска заняли уже все высоты, господствующие над этой ложиной, укрепили их, рыли в каменном грунте окопы.

Враг держался оборонительной тактики. Он рассчитывал нас измотать, заставить израсходовать все боеприпасы, а тем временем стянуть вокруг нас кольцо такой плотности, чтобы ни один человек не мог вырваться из него. Немецкое командование, как показывали пленные, отдало приказ во что бы то ни стало захватить меня и Руднева живыми.

Ведя борьбу за высоту, за более выгодное положение в горах, партизаны прорывали одно кольцо врага и опять оказывались в кольце. Всё выше и выше поднимались мы в горы. Чтобы свободнее маневрировать, все повозки были переделаны на двуколки, потом пришлось отказать и от них, перейти на вьюки, раненых нести на носилках.

Все проезжие дороги были под наблюдением немецкой авиации. Мы пробирались со своим тяжелым вооружением, пушками и минометами по тропинкам, известным только местным горцам-гуцулам. Они давали нам проводников — смелых охотников. С их помощью мы проходили иногда и без троп, пробирались через лесные завалы, дремучие леса, в зарослях гигантского папоротника, где ноги то вязнут во мху, то скользят по мокрым камням. Здесь впервые прогремела новая походная песня, сложенная партизаном-поэтом Платоном Воронько, командиром группы минеров:

По высоким лесистым отрогам,
Там, где Быстрина, злая река,
По звериным тропам и дорогам
Пробирался отряд Ковпака.

Не раз приходилось потуже затягивать ремень: воды и соли в горах было сколько угодно, но с продовольствием было плохо. Нас выручали пастухи, пасшие скот на горных пастбищах и тут же в огромных котлах варившие сыр из овечьего молока. Немцы отдали приказ старостам под страхом смертной казни согнать весь скот в долины. Но жители все-таки нашли возможность помогать нам. То и дело партизаны ловили «заблудившихся» коров — их пригоняли в наше расположение пастухи-гуцулы.

После нескольких дней изнурительного марша в горах мы с боем пробились к селу Полянице, что в двух километрах от чехословацкой границы. И тут опять оказалось, что все господствующие высоты заняты немцами и венграми.

Немецкая авиация не давала нам возможности выводить лошадей на пастбища, и они так ослабли, что бесполезно было уже запрягать их. Мы поняли, что с пушками и минометами нам не вырваться из гор. С тяжелым сердцем пришлось отдать приказ: «Артбатареи и батареям минометов израсходовать весь боезапас по противнику и уничтожить материальную часть».

Дали в тот день жару немцам наши пушкaри и минометчики. Немецкая артиллерия, пытавшаяся было отвечать, быстро замолкла.

Когда весь боезапас был расстрелян, бойцы и командиры привязали к орудиям толовые шашки, подожгли бикфордовы шнуры, отошли в сторону и сняли головные уборы. На душе было такое чувство, будто мы хоронили своих лучших друзей. У многих на глазах навернулись слезы. После взрыва несколько минут стояла полная тишина, потом я услышал, как кто-то негромко сказал:

— Ничего, товарищи, все равно они уже износились по давности их действия.

И кто-то другой отозвался сердито:

— Тоже, утешитель!

Был у нас обычай: бойцу, вернувшемуся из боя без оружия, вручалась палка, и он назначался погонщиком скота. Для наших людей это было самым тяжелым наказанием. Ничего так не ценил партизан, как оружие и боеприпасы — это было его святая святых. В трудном положении, когда приходилось решать, что бросить: шинель или часть патронов, — не задумываясь, расставались с шинелью, хотя бы и стужа была. А тут вот пушки, минометы бросили, сами взорвали их. Можно было заплакать.

Оставшись налегке, мы решили ночью вывести батальоны из боя и идти напрямик горными ущельями. Отход прикрывал кавалерийский эскадрон Ленкина. Спешенные кавалеристы забрались на несколько высот, стали бить из пулеметов и одновременно стрелять из всех своих ракетниц. Масса ракет, взлетевших к вершинам гор, перепугала противника больше, чем пулеметный огонь. Он вообразил, что партизаны предпринимают атаку, и перешел к обороне. Всю ночь Ленкин пугал гитлеровцев ракетами, а наши батальоны тем временем спокойно уходили в горы.

Утром мы находились уже далеко от места боя, в каком-то лесистом ущелье. Думали, что оторвались от противника, но его авиация опять выследила нас на походе. Двое суток, преследуемые самолетами, шли партизаны без дорог, с ранеными на носилках, с тяжелым грузом на спине, карабкались день и ночь среди каменных глыб, продирались лесной чащей, двигались к горе Шевка. А с другой стороны к этой горе спешил 26-й эсэсовский полк. Мы пришли первыми.

Ночью 31 июля шатавшиеся от усталости и скудного питания бойцы поднялись на безлесную вершину горы. Тут мы нашли полуобвалившиеся, поросшие травой окопы, отрытые русскими солдатами еще в первую мировую войну.

Я сам был одним из тех солдат, которым пришлось тогда рыть окопы в каменистом грунте Карпат. Кажется, даже на этой самой лысой горе Шевка воевал, из этих же окопов выползал на разведку. Где-то тут, возможно тоже на Шевке, погиб в ту войну брат нашего начальника штаба Базимы.,

Словом, было что вспомнить нам на вершине Шевки, но нас занимало в ту ночь только одно—то, что мы выиграли высоту. Это казалось

нам самым главным: очень надоело быть все время под наблюдением и обстрелом врага, занимавшего вокруг нас все господствующие высоты. Теперь мы были наверху, а немцы — внизу.

Утром эсэсовцы пошли в атаку, поднимаясь по крутому склону, перебегая от куста к кусту. Мы встретили их огнем из окопов.

Два дня продолжался жаркий бой на Шевке. При поддержке девяти бомбардировщиков противник предпринимал атаки с запада, с северо-запада и юга. Каждый раз мы сбрасывали его к подножию горы.

Позиции были у нас удобные для боя с пехотой, но авиация сильно досаждала, да и нельзя было задерживаться долго на одном месте: навлекли бы на себя еще больше немцев, остались бы без боеприпасов, продовольствия и воды — бойцы уже вылизывали из дождевых луж последние капли. Дожди, как назло, прекратились, а к источникам не подобрешся, они внизу, у немцев.

Ночью мы спустились с горы в лес и перебрались на соседнюю гору Вовторуб, и так удачно, что немцы даже не заметили этого, хотя они всюду подстерегали нас.

3 августа на горе Вовторуб партизаны вдоволь посмеялись, наблюдая, как гитлеровские летчики котили бомбами опустевшую Шевку.

Больше всего нам нужен был отдых. Уже не только кони — мало их осталось у нас, — но и люди выбились из последних сил. Чтобы убедиться в этом, стоило только глянуть на Семена Васильевича. Не узнаешь нашего комиссара — тоже зарос весь, как и все, а если он не находил минуты побриться, это говорило уже о многом. В каких переделках ни приходилось бывать, но чтобы Семен Васильевич не побрился — такого дня не бывало до Карпат.

Мы дали людям на отдых несколько часов, о большем никто мечтать не мог.

Сколько вражеских колец мы уже прорвали и все-таки были еще в кольце. Вокруг горы Вовторуб стояли крупные вражеские гарнизоны в Надворной, Пасечной, Яремче, Зеленой и Делятине. Где прорываться? Где немцы не ждуг удара? Мы приняли дерзкое решение: спуститься в долину реки Прута, к городу Делятину — главному опорному пункту оккупантов в этом районе Карпат.

Разведчики сообщили, что в городе у немцев осталось не больше трехсот солдат. Могли ли немцы думать, что мы рискуем появиться у Делятина? Это узел нескольких железных и шоссейных дорог. Противнику нужно было только два-три часа, чтобы перебросить сюда крупные воинские силы. Да, риск был большой, но и успех сулил нам многое: во-первых, мы сразу выходили на простор, снова приобретали свободу маневра, а во-вторых — и это было тоже очень важно для нас, — у немцев в городе имелись склады боеприпасов и продовольствия.

Перед выступлением я отдал приказ: всему личному составу усвоить, что поставленную боевую задачу надо выполнять до тех пор, пока в подразделениях есть хотя бы один человек, способный драться; все стремления должны быть только вперед.

Семен Васильевич разъяснял этот приказ по-своему, чтобы до людей дошел не только смысл его, но и цель, к которой мы стремились. Он говорил с коня, пропуская мимо колонну, когда она спускалась с горы в долину Прута. Много раз он уже обращался к бойцам так вот, на походе, с коня, стоявшего на обочине дороги, бросая короткие призывы. Иногда это были только намеки на то, куда мы идем. Они обычно звучали как слова песни. Когда мы с Полесья двинулись в поход, он бросил призыв, который говорил, что наш маршрут ведет на юг:

— Вперед! Туда, где зреет виноград!

Теперь надо было вырваться из горных теснин, чтобы вернуться назад в Полесье, но об этом тоже нельзя было сказать открыто, и Семен Васильевич бросал с коня проходящим мимо ротам:

— Вперед! Туда, где дубовой листвою шумит восток!

С первых дней нашей тяжелой, неравной борьбы в горах вести, которые мы получали по радио с Большой земли, были одна другой радостнее. На Карпатах мы узнали о разгроме немцев на Курской дуге. Когда наша колонна спускалась с гор и шла на прорыв у Делятина, партизаны забывали об усталости и голоде при мысли, что Красная Армия приближается к нашим родным районам Сумщины, что не сегодня-завтра она будет в Путивле, Глухове, Шалыгине.

Мы шли навстречу наступающей Красной Армии. Так и понимали бойцы своего комиссара: «Туда, где дубовой листвою шумит восток».

Довольно было этого намека, чтобы потерявшие силы люди воспрянули духом.

Каким громким и дружным «ура» ответил бы наш народ комиссару, не будь отдан приказ двигаться молча, чтобы не обнаружить себя преждевременно. Пропустив всю колонну, Руднев галопом поскакал в голову ее. И вот его призыв раздался в авангарде, который развернулся в боевой порядок для атаки уже у самого Делятина. Раскаты «ура» прокатились по долине.

После того как мы ушли ночью с горы Шевки, немецкое командование объявило, что партизаны разгромлены. Тем более неожиданным было наше появление у Делятина. Мы почти без всякого сопротивления со стороны противника перешли по мосту Прут, взяли город и взорвали вокруг него все железнодорожные и гужевые мосты.

Бой начался по ту сторону Делятина. Еще ночью по шоссе из города Коломыя подошло около сотни немецких автомашин с солдатами, спешившими на помощь уже разгромленному нами гарнизону. Наш заслон встретил их огнем из бронебоек. Немцы, бросив на дороге десятки загоревшихся машин, отошли, заняли высоты и ожидали рассвета, чтобы атаковать нас. Разорванное партизанами кольцо вновь оказалось сомкнутым. Позади был только что взорванный мост, а впереди — два полка немцев.

У наших бойцов существовала примета: если я хожу с автоматом — значит, держи ушки на макушке, а если мой автомат лежит на тачанке — все в порядке, хотя и бой идет. Иной раз они даже бегали посмот-

реть, где автомат командира: в руках у него или на тачанке. Наступили дни, когда я с автоматом не расставался и во время сна.

Мы пытались прорваться на север или восток, роты бросались в атаки, вступали в рукопашные схватки, но сил наших не хватало, и при всем своем стремлении вперед партизаны вынуждены были отходить к Пруту. А к немцам все время подкатывали на машинах подкрепления.

В этом встречном бою, разыгравшемся на шоссе и возле него, на сопках, среди горящих автомашин, на которых рвались боеприпасы, нельзя было разобраться, где немцы, где партизаны, кто кого атакует — все перемешалось. Одна группа бойцов во главе с комиссаром далеко вырвалась вперед и была отрезана немцами. Мы не смогли прийти к ней на помощь. Эта группа куда-то исчезла, рассыпалась, потерялась за сопками.

Семен Васильевич с самого начала боя был в передовых ротах, поднимал их в атаку. Я узнал о том, что он оторвался от нас, когда уже было поздно: приходилось выходить из боя, возвращаться в горы, иначе все партизанское соединение полегло бы тут — немцы подтягивали артиллерию, подходили танки.

Неподалеку от Делятина уцелел один мост. Под прикрытием заслона наши батальоны отходили к нему. За Прут удалось уйти и мост за собой взорвали, но разве оторвешься от противника, который преследует на автомашинах и самолетах, если приходится весь груз нести на себе — лошадей уже не было даже для раненых.

После двух дней тяжелых боев у Делятина, у Ославы Белой, у Ославы Черной стало ясно, что всем соединением нам не прорваться. Тогда решено было разбиться на группы. Это произошло на горе Дусь, где мы отдыхали, укрываясь в густом орешнике, покрывавшем всю гору. Условившись о месте сбора, наши группы разошлись в разные стороны и под покровом темноты легко проскользнули в стыках немецких частей, успевших уже окружить и гору Дусь.

Партизанское соединение в это время насчитывало в своих рядах тысячу четыреста бойцов, включая около двухсот раненых. Можно представить себе, как ошеломлены были немцы, когда вся эта людская масса вдруг бесследно исчезла, словно ее проглотила гора.

Немцам не оставалось ничего больше, как объявить, что отряд Ковпака окончательно уничтожен, что «удалось бежать только Ковпаку с небольшой группой». Листовки с этим «экстренным сообщением» разбрасывались с самолетов по всем селам у Карпат. В листовках объявлялось также о денежной награде тому, кто поймает меня живым, подробно описывалась моя внешность, одежда, особые приметы, например усы, которых у меня вовсе не было. Наоборот, в качестве примет Руднева в этих же листовках фигурировала борода, и по описаниям ее можно было думать, что немцы видели мою бороду. Очень позабавило партизан, что немцы, как выяснилось из их объявлений, почему-то решили, что по национальности я — цыган. Бойцы говорили: «Это же примета комиссара». Брюнет Семен Васильевич все-таки, конечно, больше был похож на цыгана, чем я.

Повеселили немецкие листовки и местных жителей. Крестьяне говорили: «Сами бачили его, сами мирыли, чего ж сами не схопыли».

Самое забавное было то, что иной раз в деревнях эти листовки читались и комментировались в моем присутствии. Должен сказать, что внешний вид мой после выхода с Карпат сильно изменился: свою генеральскую фуражку я сменил на гуцульскую шляпу, а бороду сбрил.

Судьба Руднева долго оставалась неизвестной. После боя у Делятина удалось только установить, что он вырвался из окружения тяжело раненный, с несколькими бойцами и медсестрой Галей Борисенко, но куда делись эти люди, никто не знал. Разведчики, которых мы посылали потом на поиски, вернулись ни с чем. Местные жители говорили разное. Одни заявляли, что видели несколько партизан, в числе их высокую девушку, и что эти партизаны несли куда-то раненого товарища. Другие утверждали, что партизаны эти несли не раненого, а убитого и что они похоронили его где-то вот тут, но где, точно указать не могли. Некоторые говорили, что они сами похоронили какого-то черноусого партизана, может быть и Руднева. Много тогда прикарпатские крестьяне нарыли могил...

Наши бойцы и командиры никак не хотели помириться с мыслью, что не увидят больше своего любимого комиссара.

— У меня такое чувство, что Семен Васильевич не погиб, — говорил его помощник по комсомолу Миша Андросов. — Вот посмотрите, посмотрите, что жив, — убеждал он всех.

И вдруг кто-то из разведчиков принес весть, что в одно село заходила группа партизан и командир этой группы, судя по описаниям крестьян, Руднев: стройный, красивый, черноусый, черноокий, как цыган. Этому слуху все охотно поверили, он породил легенды о новом партизанском отряде, который собрал Руднев на Карпатах после Делятинского боя. Блуждая в горах, наши бойцы всё надеялись напасть на следы этого легендарного отряда. К сожалению, надежды не оправдались. Впоследствии выяснилось, что Руднев вместе с Галей и другими бойцами, которые выносили его раненым из окружения, погибли в неравном бою с врагом.

Погиб при выходе с Карпат и его сын Радик. Он был ранен в схватке, происходившей на кукурузном поле около села Слободки, Гвоздецкого района, Станиславской области. После боя партизаны не нашли Радика. Позже мы узнали, что, будучи ранен, он отполз в овраг, заросший густым лозняком, и потерял сознание. На другой день крестьянин села Слободки Алексей Яковлевич Кифяк нашел его здесь и перенес в свою хату. Радик был в очень тяжелом состоянии.

Кифяк и его односельчане сделали все, чтобы спасти жизнь юного бойца. В семье Кифяка было девять детей, но он не побоялся скрывать у себя и лечить партизана. Ему помогал комсомолец Гриша Никифороенко, работавший в местной подпольной группе. Не было нужных

¹ После войны прах Руднева найден в братской могиле под Делятином. Он был похоронен местным населением. Могила перенесена в Яремчу, над ней воздвигнут памятник.

лекарств, Гриша пошел за ними в город. Но не удалось спасти Радика, он умер от заражения крови. Кифяк похоронил его в своем саду¹.

Разойдясь в разных направлениях, наши группы, чтобы сбить немцев со следа, долго петляли в горах и предгорьях Карпат. В августе партизаны исходили Станиславскую, Тернопольскую области, побывали в Каменец-Подольской и Львовской областях. Соединиться нам тут всем не удалось, так как немцы, хотя и объявили населению, что партизаны разгромлены, сами-то знали, что это не так, и по-прежнему всюду держали усиленные гарнизоны, патрулировали все дороги, перебрасывали в поисках нас из области в область отряды эсэсовцев на машинах.

Немцы искали «главные силы» партизан. А и тут, на Карпатах, как и всюду, нашими главными силами был народ. Если партизану нужно было на время скрыться, он мог сделать это в любом селе. Сколько раненых устроили мы в крестьянских дворах!

В селе Княжий Двор, Печенижинского района, Станиславской области, братья Дмитро и Ульян Каратники устроили в лесу для наших раненых бойцов настоящий подпольный госпиталь. Чтобы немцы не обнаружили этот госпиталь, они переносили его с места на место.

Как много значила для нас тогда эта самоотверженная, трогательная любовь народа к людям, которые смело боролись против фашистских захватчиков! Мы чувствовали ее на каждом шагу. Бывало, сидит группа партизан в глухом лесу вокруг костра, проходит мимо гуцул с вязанкой хвороста, остановится, поговорит, пожелает счастья, а спустя час-другой, смотришь, возвращается с мешком картофеля и просит извинить его, что «куш» бедный — больше ничего нет.

Много раз за два года борьбы в тылу врага наши бойцы и командиры выдерживали тяжелые испытания, но самым тяжелым испытанием был этот поход разрозненных групп.

Под моим командованием осталось всего около двухсот бойцов. Это была группа, вооруженная лучше, чем другие, ядро ее составляла рота автоматчиков. Наша задача заключалась в том, чтобы, отвлекая противника на себя, облегчить возможность другим группам вырваться из Карпат,

Рядовые бойцы, не знавшие замысла командования, сначала были очень удручены тем, что им снова пришлось взять направление в глубь гор. Голодные люди рвались на равнину, к хлебу, а их вели туда, где, кроме опостылевшей уже черники, не было ничего годного для питания.

Опять мы поднимались всё выше и выше. Внизу по склонам вились дороги, и мы видели сверху немецкие колонны, мечущиеся в поисках нас.

Кто-то нечаянно скосырнул ногой камешек, он покатился вниз, сбивая и увлекая за собой другие камни, и — загрохотало, загремело...

Тысячи камней обрушились на немцев горным обвалом. Каменная лавина завалила несколько машин. Немцы открыли по горе пальбу из всех видов оружия.¹ После этого мы стали ходить по камням осторожнее.

¹ После войны прах Радика перенесен в Яремчу. Он похоронен в одной могиле с отцом.

Противник занимал все горные проходы, на каждой лесной тропинке нас подстерегали засады. В первый же день, натолкнувшись на засаду, погибла в бою почти вся рота автоматчиков во главе со своим командиром Карпенко, тем молодым сержантом, который с таким недоверием допрашивал меня в Спадшанском лесу, когда мы впервые встретились с ним.

Стычки с противником происходили ежедневно, и наша группа быстро редела. Одни люди погибали в бою, другие терялись в горах — ведь нам часто приходилось разбиваться на мелкие кучки, чтобы ускользнуть от преследования врага. После одной стычки мы обнаружили, что среди нас нет начальника штаба Базимы. С ним пропало несколько бойцов и единственный экземпляр карты, по которой мы ориентировались.

Положение становилось отчаянным. Опухавшие от голода, оборванные, полубосые люди шли всё дальше, в горы, не зная куда, питались одними ягодами, которые заменяли и хлеб и воду. Ночью, сбившись в кучки, дрожали от холода, костров не зажигали, чтобы не выдать себя противнику.

Вспоминали мы в эти дни, как шумно было в горах, когда тут действовало все наше соединение, когда горели нефтяные промыслы. Теперь вокруг нас была жуткая тишина: ни шороха, ни крика птицы. Куда исчезли все пернатые или они не залетают на такие высоты? Хотя какую-нибудь самую махонькую птичку увидеть!

Первое время до нас изредка доносились из долин крики пастухов, а потом и их не стало слышно. Мы встречали пустые загоны, пустые сыроварни, пустые охотничьи домики — немцы согнали с гор всех пастухов и охотников.

Люди падали, обессиленные голодом. Мне пришлось приказать зарезать последнего боевого коня в нашей группе — другие были уже съедены.

И все-таки иногда еще слышались песни. Наш поэт-минер Платон Воронько, после того как Базима отбился от группы, заменял начальника штаба. За неимением карты он изучал местность ходьбой. Случалось, надолго пропадал. Бойцы говорили: «Нет уже нашего чудо-человека», а он вдруг появлялся из-за кустов в своей гуцульской шляпе, с автоматом в руке и, как обычно, после очередной диверсии читал только что сложенные стихи или песни.

До конца августа мы блуждали в Карпатах. Радисты день и ночь не снимали наушников. Связь с Большой землей не прерывалась. А вот с другими своими группами, бродившими где-то рядом, связь не всегда была: наши радиостанции плохо работали на близком расстоянии. Только Москва поддерживала в нас «чувство локтя».

В моей группе осталось около сотни бойцов, когда на наши следы в горах напала одна из рот партизанского соединения, которой командовал Тютерев — рачительный и боевой командир. Встреча с этой ротой была для нас особенно радостной, потому что она состояла сплошь из путивлян, из наших старейших бойцов, с которыми я прошел от Путивля до Карпат. Тютереву повезло. Он вышел из окружения и пришел к нам

на помощь, не потеряв в горах ни одного бойца, рота его была в полном порядке.

Теперь можно было выходить из гор, не боясь встречи с врагом, — мы снова имели силы для боя.

Последняя ночь в горах. Мы двигались ущельем к реке Пруту, подходили к небольшой гуцульской деревушке. Впереди нас с неба упало что-то огненное — не то большая звезда, не то ракета. Сначала мы подумали, что это ракета противника, и сейчас же приготовились к бою, заняли оборону, но вскоре убедились, что в деревушке и поблизости ее немцев нет. Тогда кто-то высказал предположение, что, может быть, впереди выходит из гор одна из наших групп и это она сигнализирует нам ракетой, что путь свободен. Мы не стали задумываться, решили, что если даже упала не ракета, а звезда, то все равно предзнаменование хорошее — звезда указывает нам путь, и смело пошли в том направлении, куда она скатилась.

Вероятно, это была звезда. Она не подвела нас, путь оказался свободным. Счастливо миновав вражеские заслоны, мы вышли на богатую хлебом равнину и взяли направление прямо на север, к сборному пункту соединения — хутору Конотоп, район Олевск — Сарны, леса Полесья.

За время нашего блуждания в горах фронт приблизился к Днепру. Так называемый восточный вал немцев на Днестре уже трещал под ударами Красной Армии. Гитлеровцам пришлось большую часть своих полевых войск, которые стерегли нас у Карпат, использовать для залатывания фронтовых дыр и прорех. Тогда вот и началось движение с Карпат всех наших партизанских групп.

Они шли широким веером. Общий фронт движения достигал двухсот километров.

Наиболее крупной группой командовал мой помощник по разведке Вершигора. Эта группа прорвалась с горы Дусь в Черный лес под Станиславом, откуда мы поднимались к Дрогобычским нефтяным промыслам. Немцы, обнаружив, что здесь опять появились партизаны, окружили лес и стали подвозить артиллерию. Но когда немецкая артиллерия открыла огонь по партизанской стоянке, там уже никого не было. Враг подстерегал Вершигору на глухих дорогах, ведущих в горы, а Вершигора вывел своих бойцов из леса прямо к городу и провел их ночью по окраинам его, огородами. Чтобы сбить немцев со следа, партизаны переходили дороги, пятясь задом. Враг вновь обнаружил Вершигору уже на Днестре. Переправив всю свою группу на пароме, Вершигора сейчас же разослал бойцов по селам за конями. Пока немцы переправлялись через реку, все партизаны были уже на конях. Немцы увидели только пыль, поднятую умчавшейся конницей. Двигаясь равниной, группа много раз попадала в окружение и прорывалась вперед с боем. У Шепетовки она была зажата среди нескольких высот, занятых немцами. Между двумя высотками было болото; немцы считали это болото непроходимым. Партизаны спешились, бросили коней и ночью перебрались через болото по пояс в грязи.

По пути с Карпат группа Вершигоры обрастала бойцами, оторвавшимися от других групп. Когда мы встретились с ней — это произошло 23 сентября у местечка Городницы Житомирской области, — под командованием Вершигоры было до четырехсот бойцов. Через несколько дней нас нагнала группа в составе около двухсот бойцов, которых выводил из гор Матюшенко. Этот хитрый командир, действовавший всегда по принципу семь раз отмерь — один раз отрежь, не торопился выходить на равнину. Он маневрировал в горах, пока не нашел места, где можно было незаметно высочить из Карпат, потом долго маневрировал в районе Черного леса, все искал место, где выгоднее перебраться через Днестр; выжидал удобный момент.

Немцы усиленно патрулировали берег Днестра, но Матюшенко и тут проскользнул незаметно — на одной лодке по очереди перебросил всех своих бойцов.

1 октября мы были уже на сборном пункте в Полесье. Раньше нас пришла сюда с Карпат группа Кудрявцева. Почти одновременно подошли группы Павловского и Кульбаки. Вслед за нами подходили мелкие группы отставших.

Многие пришли с тяжелыми ранами. Чего стоило им добраться до места сбора! Была у нас чудная девушка, медсестра, которую все звали по имени — Миля. В бою под Делятином пулеметная очередь разорвала ей всю грудь, легкие были прострелены. При отходе к Пруту бойцы нашли ее под кустом. Стоя на коленях, вся в крови, девушка просила пистолет, чтобы застрелиться — «все равно не жить мне, дорогие мои, дайте». Ее принесли в горы умирающей.

И эта девушка тоже вернулась с Карпат. Месяц странствовала она в горах. Сперва ее носили, потом сама стала ходить. Голодала, как и все, карабкалась по кручам, взбиралась на вершины в тысячу пятьсот метров, падала от слабости, обрывалась, скатывалась на крутых спусках, обдиралась о камни. Товарищи, которые тоже едва шли, поднимали ее на ноги, и она снова брела с ними. У нее кровь изо рта струйкой течет, а она идет. И почти вылечилась, пока добралась до сборного пункта. Тут только расплакалась, прощаясь с товарищами, когда ей велено было садиться в самолет. Мы послали Милю долечиваться на Большую землю.

Вернулся и потерявшийся в горах мой начальник штаба. Базима пробился с четырьмя бойцами. За Днестром они отбили в одном селе у немецкой полиции тачанку с парой бойких коней и помчались вдогонку за нами. На пути двое пали в стычке с полицией, кони были убиты. Базима вывалился из тачанки, тяжело раненный в голову. С ним остались бойцы Денис Сениченко и Петр Бычков. Один отбивался от полиции, другой тащил канавой потерявшего сознание Базиму. Потом они прошли несколько сот километров лесами, оврагами, болотами, неся раненого командира и мешок со штабными документами, книгами приказов и кинопленькой, заснятой погибшим при выходе с Карпат кинооператором Вокаром.

Григорию Яковлевичу легче было расстаться с жизнью, чем с этим мешком. Еще в Спадшанском лесу он работал над каждым приказом по отряду, как над документом большой исторической важности. Бывало, бой идет, дождь льет или снег сыплет, а Григорий Яковлевич сидит на пеньке, накрывшись плащом с головой, и строчит в своей записной книжке черновик приказа. Сразу набело он приказов не писал. Составит черновик, а потом уже в землянке или шалаше аккуратно, по-учительски переписывает приказ в книгу. Иной раз рассердишься даже:

— Да брось ты свою писанину, ложись спать!

Григорий Яковлевич только улыбнется:

— Эту писанину историки будут изучать.

К середине сентября на сборный пункт подошли последние оставшие группки. С Карпат вернулась основная масса нашего соединения. Пришел даже шестидесятилетний боец Корней Федорович Черняк, которого мы считали погибшим в горах. Это наш путивльский колхозник, член партии с 1917 года. Он выходил с моей группой, нес питание для рации и пропал без вести после одной стычки. Кто мог думать, что старик, оставшись один, выберется из гор, переплывет Прут, Днестр, обойдет все немецкие заставы и посты? Сколько их стояло на пути — ведь надо пройти километров шестьсот. И вот этот старый коммунист дошел. До того исхудал, что, казалось, одна борода осталась, а винтовку не бросил и притащил на плечах весь груз — питание для рации.

Некоторые бойцы пришли на хутор Конотоп, неся по два и по три автомата: один свой, остальные товарищей, павших в бою.

Привели себя люди в порядок: помылись в бане (по заведенному у нас обычаю, оборудование каждой партизанской стоянки начиналось с постройки бани), обстирались, починили одежду, обувь, и всем прежде всего захотелось сфотографироваться. Никогда у нас не было столько желающих запечатлеть себя на фотоснимке, конечно в полном боевом снаряжении, как после возвращения с Карпат. Понятно: люди чувствовали себя так, как будто они вторую жизнь начинают. И все хотели сняться с товарищами — соратниками по походу.

Много групповых снимков было сделано нашими партизанскими фотографами на хуторе Конотоп. Вот один из них. Григорий Яковлевич Базима сидит на пеньке, голова его перевязана, но более бодрым, подтянутым я никогда не видел своего начальника штаба. Партизанская жизнь сделала его таким же, по-настоящему военным человеком, каким раньше среди нас был только Руднев. По бокам Базимы стоят его спасители — Сениченко и Бычков, с автоматами в руках. Какие орлы! Смотришь на этот снимок и думаешь: видно, что поклялись люди в дружбе на всю жизнь; ни перед чем не отступят, из любой беды выручат друг друга.

Сфотографирован был и единственный конь, вернувшийся с Карпат, наш славный Орлик. Когда партизаны голодали в горах, много коней пришлось съесть, но на эту маленькую гнедую лошадку с гривой, подстриженной ежиком, подарок одного путивльского колхозника, ни у кого

не поднялась рука. Тысячи километров прошел Орлик с нами. Это был конь комиссара, потом он достался командиру роты Петышкину. В горах раненный в ногу Петышкин не сходил с Орлика. Ночью в лесной чаще бойцы идут гуськом, держась за плечо друг друга, чтобы не расстаться. Орлик идет позади и никогда не собьется с пути даже без повода; надо только, чтобы на спине впереди идущего бойца белел платочек. Чудо-конь и по выносливости и по уму. Когда партизаны скрывались в горах, ни разу не заржал, точно знал, что нельзя: немцы услышат. Взбираясь на кручу, карабкался на коленях, как человек.

В Карпатах Орлик долго питался одними листьями деревьев, стал от истощения слепнуть, но никто не замечал этого, пока он совсем не ослеп. Последние сотни километров этот чудо-конь шел слепой, как собака вынюхивая следы.

— В музей бы поставить этого коня! — говорили бойцы.

В южном Полесье, по соседству с нашим местом сбора, базировалось крупное соединение ровенских партизан под командованием знакомого уже нам Бегмы. Неподалеку от нас действовало соединение Сабурова, с которым мы одновременно вышли из Брянских лесов и не раз встречались во время рейда. Здесь мы опять установили связь с белорусскими партизанами. Их лагеря были в нескольких десятках километров от нас.

В этом партизанском краю, имевшем свой аэродром, на который прибывали самолеты из Москвы, наши бойцы почувствовали себя так, как будто они уже вернулись домой. Хутор, где расположился штаб соединения, назывался так же, как соседний с Путивлем город, — Конотоп.

— Теперь до Путивля остался один переход, а на машине — час езды, — шутили путивляне.

И действительно, что теперь значило несколько сот километров, которые все еще отделяли нас от Путивля, если Красная Армия вступила уже в Полесье и наша Малая земля вот-вот должна была снова стать Большой землей.

Хутор Конотоп — это несколько домиков, стоящих на лесной поляне. В хуторских домиках, кроме штаба соединения, разместились разведка, связь, здесь же была оборудована баня. Партизанские роты, располагаясь вокруг хутора, в лесу, заняли район радиусом пятнадцать километров.

Время было уже холодное: поздняя осень. Я приказал устраиваться основательно, чтобы как следует отдохнуть и отпраздновать наступавшую 26-ю годовщину Октябрьской революции. Бойцы постарались. Наш народ любил обосноваться на стоянке по-хозяйски. А после похода на Карпаты всем, как никогда, хотелось хотя бы несколько дней пожить уютно.

За какую-нибудь неделю в лесу вокруг хутора выросло несколько благоустроенных партизанских поселков. Строили, соревнуясь взвод со

взводом: у кого будет лучшая землянка; так что все землянки получились на редкость основательные, удобные, просторные. Некоторые роты, показавшие особое рвение в благоустройстве, проложили в своих поселениях даже дорожки, посыпали их желтым песком, поставили вдоль дорожек скамейки.

Для украшения, а заодно и для маскировки избранной для Октябрьских торжеств поляны было заготовлено много возов еловых и сосновых веток. Их расставили аллеей от штаба, помещавшегося в домике у самого леса, до трибуны, сооруженной посреди поляны, и вокруг трибуны большим пышным венком. С этой трибуны я огласил итоги двадцати шести месяцев борьбы в тылу врага. Итоги выражались в следующих цифрах: пройдено с боями 10 тысяч километров по 18 областям Украины, России и Белоруссии; истреблено 18 тысяч фашистов, пущено под откос 62 железнодорожных эшелона, взорвано 256 мостов, уничтожено 96 складов с продовольствием, обмундированием и боеприпасами, 2 нефтепромысла, более 50 тысяч тонн нефти, свыше 200 километров телеграфных и телефонных проводов, 50 узлов связи, до 500 автомашин, 20 танков и броневинов.

Пройденный нами путь от Путивля до Карпат и возвращение с Карпат очень живо изобразил выступавший на вечере самодеятельности партизанский шумовой оркестр под управлением помощника командира одной из наших рот, большого затейника, Гриши Дорофеева. Десятка два музыкантов, выскочив на трибуну с пилами, топорами, ухватами, печными заслонками и бутылками, прекрасно передали грохот взрывов, поднимавших в воздух мосты, треск летящих под откос эшелонов, шум горящей в горах нефти, любимые песни и боевые марши партизан. До позднего вечера не умолкали громовой трезвон небывалого оркестра и дружный хохот нескольких тысяч людей, собравшихся на лесной поляне.

Отгуляли мы праздник и стали думать, как бы получше встретить Красную Армию, освободившую в эти дни Киев. Всем хотелось встретить армию-освободительницу с «партизанским треском и шумом», как говорили бойцы. И вот возникла идея завершить поход на Карпаты ударом по главной коммуникации противника на Украине.

Основной путь отступления немцев от Киева шел через Коростень. Наша разведка установила, что железная дорога Коростень — Сарны забита немецкими эшелонами с военным имуществом и ценностями, награбленными гитлеровцами на Украине. Решено было вывести из строя эту дорогу. О своем плане мы доложили по радио штабу партизанского движения и на следующий день получили ответную радиограмму, которая одобряла наше решение.

Эту операцию мы провели совместно с подпольной большевистской организацией города Олевска и местным партизанским отрядом.

На путях станции Олевск стояло более трехсот вагонов с авиабомбами, порохом и горючим. Можно представить, что получилось, когда вспыхнули пробитые зажигательными пулями цистерны с горючим и поднялись в воздух вагоны с порохом. Полчаса на путях непрерывно

сразу десятками рвались авиабомбы. Партизанским ротам пришлось отойти от станции на изрядное расстояние, чтобы уберечься от ливня осколков и сыпавшегося на голову крошева вагонов. За полчаса на станции взорвалось около тысячи тонн авиабомб. Полностью была выведена из строя и соседняя станция Сновидовичи.

После этого мы около месяца, до подхода войск Красной Армии, держали дорогу в своих руках и вели на ней бои, не позволяя немцам восстанавливать разрушенное путевое хозяйство. В это же время партизаны готовили Красной Армии пополнение.

На Октябрьских торжествах я заметил, что среди наших гостей-колхозников есть еще люди, способные носить оружие, и у меня тогда возникла мысль объявить в тылу врага призыв в Красную Армию. Никаких полномочий на это я не имел. Поэтому, прежде чем объявить призыв, я решил узнать, как отнесется к этому население. Разведчики, посланные с этой целью в окрестные села, вернулись и доложили коротко:

— Объявляйте призыв, товарищ командир, — пойдут с охотой.

«Коли так, обойдусь и без полномочий», — подумал я и написал приказ о мобилизации в Красную Армию призывных возрастов — от 19 до 43 лет — в зоне действия нашего партизанского соединения: Олевский и Ракитянский районы.

Успех призыва превзошел все мои ожидания. Призывники являлись на сборный пункт, в хутор Млинок, строем. Прибывали не только из сел партизанского района, но и с территории, находившейся еще под властью врага. Некоторым приходилось прорываться через усиленно патрулируемую немцами железную дорогу.

Приемочная комиссия, выделенная партизанским штабом, работала несколько дней. После медицинского осмотра было принято в Красную Армию тысяча пятьсот призывников. Хутор Млинок стал учебным пунктом. Занятия тут происходили около месяца. Партизаны обучили призывников владеть винтовкой, автоматом, пулеметом, гранатой, после чего отправили их на подводах большой колонной с красными флагами в военкомат города Овруча.

Считалось, что мы находимся еще в тылу врага, но фронт противника на нашем направлении был смят, разорван, и партизаны свободно проезжали через так называемую линию фронта. Эта линия существовала только на карте. Я тоже переехал фронт на лошадях: меня вызвали в Киев в распоряжение ЦК КП(б)У. Командование партизанским соединением принял мой помощник Вершигора. Партизанам предстояли еще боевые дела: соединение готовилось к новому дальнему походу.

Я ехал через Овруч вслед за первой партией призывников. Мой тарангас сопровождала группа конников во главе с Ленкиным. В стороне от дороги лежали спаленные гитлеровцами села, слышался отдаленный грохот орудий. Снега было мало, колеса тарыхтели по мерзлой земле. Я не знал, что мне предстоит, война еще продолжалась. Возникали всякие предположения, но не приходило в голову, что меня вызывают уже для мирной работы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В Спадщанском лесу, неподалеку от наших партизанских землянок, на травянистой поляне рос — и, должно быть, долго еще будет расти — один приметный дуб: круглая макушка его поднимается над лесом, как зеленый купол. Зимой 1941 года, уходя из Спадщанского леса в поход на север, мы зарыли в ста метрах на восток от этого дуба-великана, возле двух дубков, растущих в тесном соседстве, деревянный ящик с несколькими жестяными банками и большим глиняным кувшином. В них были сложены разные документы нашей мирной жизни: паспорта, профсоюзные билеты, метрики, свидетельства об образовании, дипломы.

Когда путивльские партизаны вернулись к мирной жизни, кто из них не искал этого клада! Много раз ездили в Спадщанский лес с железными щупами и Григорий Яковлевич Базима (вернувшись в Путивль, он работал секретарем райкома партии), и Дед-Мороз — Алексей Ильич Корнев, ставший председателем путивльского райисполкома. Найти приметный дуб-великан нетрудно было, но поляна, на которой он рос, исчезла: ее покрыла поросль молодого дубняка. Пройдешь сто метров на восток — и начнешь плутать. Вот, кажется, они, эти два растущих рядом дубка, возле которых был зарыт ящик, но сколько ни тычь тут щупом, ничего похожего на ящик не нащупаешь. Видно, не здесь надо искать его. Может быть, возле тех деревьев? Там тоже два дубка растут рядом. Но чуть подалее — еще точно такая же зеленая пара. Изменился лес, не узнать его.

Отправились на поиски потерянного клада путивльские пионеры и комсомольцы. Вдоль и поперек исходили ребята Спадщанский лес, изучили все места наших боев с немцами, обшарили все давно обвалившиеся и заросшие кустарником партизанские землянки, подобрали все остатки подорванных немецких танков, пробитые пулями каски, заряжавшие гильзы, привели в порядок могилы павших бойцов, но клада нашего не нашли.

Стали прибывать в Путивль экскурсии школьников из разных городов Советского Союза, даже из Москвы. Понравились ребятам походы по нашим местам. Всем хотелось найти партизанский клад в Спадщанском лесу, а он все гнил и гнил в земле под порослью молодого дубняка.

Только летом 1948 года одной группе комсомольцев, приехавшей в Спадщанский лес из Киева, повезло. Много земли они перерыли в лесу, пока нашли клад. Деревянный ящик давно уже сгнил, а жестяные банки и глиняный кувшин трудно было вытащить, так их цепко оплели корни молодых дубков. Корни проникли даже сквозь воловью кожу, которой было замотано горлышко кувшина, вросли в него, сплелись внутри в один клубок...

Много таких кладов в тылу врага зарыли путивляне по лесам Украины, России, Белоруссии.

Давно уже кончилась война, а сколько еще кладов не найдено! И в

Новослободском лесу, и в междуречье Днепра и Припяти, и на горе Дусь, и во многих других местах от Путивля до Карпат. Ищем их и мы, бывшие партизаны, ищут их и школьники, совершающие походы по нашим боевым маршрутам.

Приятно, выйдя из машины, пройти по дороге, на которую когда-то мы выходили из леса только ночью, чтобы поставить мины. Оглядываешься. Вот этот лес, мы сидели там в шалаше, прислушиваясь, не идет ли кто-нибудь, не трещит ли сушняк под сапогом немца. Вот новый мост, построенный на месте взорванного нами, — это была одна из первых наших диверсий в тылу врага. Как радовались мы тогда, что удалось взорвать мост! А теперь еще больше радуешься: новый мост гораздо лучше старого. Вот партизанское село, которое немцы спалили дотла, оно давно уже вновь отстроилось. На берегу реки, возле нового моста, белеет здание гидростанции, которого раньше тут не было. Вот зеленой стеной стоит конопля: там было болото, через него партизаны перебирались по пояс в грязи. Вот огромное поле одуванчиков — да нет, это не одуванчики, а кок-сагыз, который здесь начали сеять уже после войны. Вот вытягивается из леса колонна, доносится песня — знакомый мотив. Это ребята-школьники идут по нашим маршрутам, с нашими партизанскими песнями, ищут наши клады.

Наш городок	3	Партизанская столица .	62
Хозяева Спадшанского леса	9	В родном городе .	67
Встреча с «усачами» .	17	В Новослободском лесу .	75
Бои с танками . . .	20	Старая Гута — Москва . .	81
Партизанская крепость	24	В дальний путь, на славные	
Наши помощники .	29	дела...	
Праздничные подарки .	32	Десна, Днепр, Припять .	93
Приближается зима	34	В глуши Полесья . .	100
На север	37	На просторах Украины	112
Присяга	41	Под Киевом	118
Отряды объединяются	45	Бой на Припяти	121
Парад в Дубовичах	50	На Карпаты .	133
Бой в селе Веселом	53	По горным тропам	140
Снова в Хинельских лесах	59	Послесловие .	158

Д Л Я С Р Е Д Н Е Й Ш К О Л Ы

Ковпак Сидор Артемович

ОТ ПУТИВЛЯ ДО КАРПАТ

Ответственный редактор *С. Н. Болярская*. Художественный редактор *В. А. Горячева*. Технический редактор *Л. В. Гримица*. Кооректоры *Э. Л. Лофенфельд* и *К. П. Тягельская*. Сдано в набор 31/XII 1969 г. Подписано к печати 27/V 1970 г. Формат 70X907,6. Печ. л. 10, Усл. печ. л. 11,7. (Уч.-изд. л. 11,27). Тираж 300 000 экз.

ТП 1970 № 286. А06154. Цена 44 коп. на бум. №2, Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ №416.

Цена 44 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»